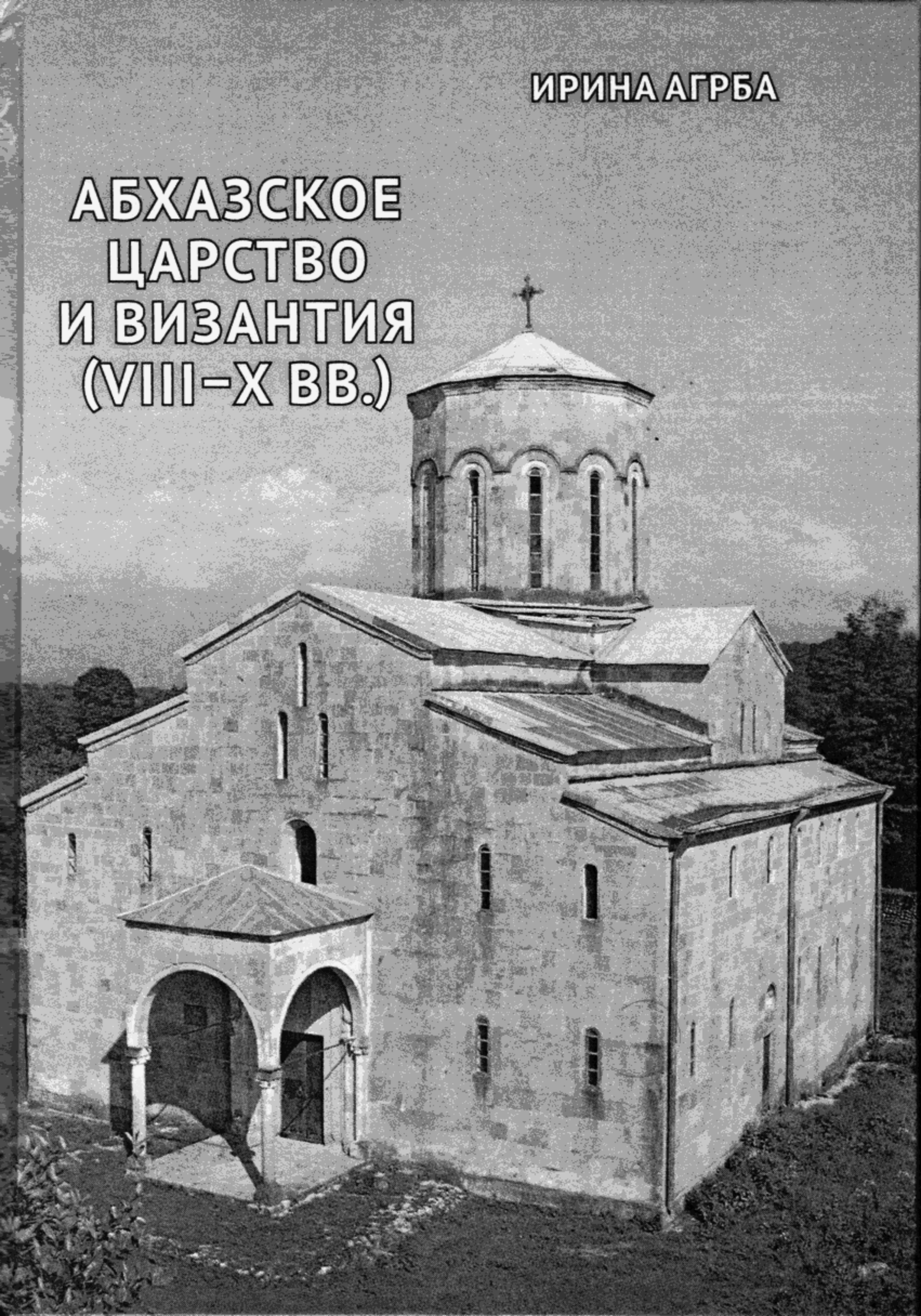
ИРИНА АГРБА

АБХАЗСКОЕ ЦАРСТВО И ВИЗАНТИЯ (VIII–X ВВ.)

АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ УНИВЕРСИТЕТА ПО ВУЗОВСКОЙ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ИРИНА АГРБА

АБХАЗСКОЕ ЦАРСТВО И ВИЗАНТИЯ (VIII – X ВВ.)

Сухум – 2011

ББК 63.3 (5Абх)
А-25

А-25 **Ирина Агрба**
Абхазское царство и Византия (VIII–X вв.). – Сухум: Абхазский государственный университет, 2011. – 188 с.

Предлагаемое вниманию читателей исследование является кандидатской диссертацией Агрба Ирины Шотовны, которая была защищена на Ученом совете исторического факультета МГУ в начале 1989 г.

При подготовке данной работы к изданию автор внесла незначительные изменения стилистического и структурного плана.

Исследование представляет интерес для историков и широкого круга читателей, интересующихся историей Абхазии.

Научный редактор **О.Х. Бгажба** академик АНА,
доктор исторических наук РАН, профессор АГУ

© И. Агрба, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

У меня приятная миссия – выступить автором предисловия к монографии «Абхазское царство и Византия (конец VIII–X вв.)» доцента АГУ, кандидата исторических наук И. Ш. Агрба. Настоящая монография – фактически кандидатская диссертация, защищенная в 1989 г. в МГУ (Москва) под научным руководством члена-корреспондента АН СССР, профессора А.П. Новосельцева, – актуальна и сегодня. Ее написала и защитила одна из лучших моих студенток.

Прежде чем говорить о достоинствах работы, хотелось бы ретроспективно остановиться на сложной политической обстановке в Абхазии в 1988 – 1989 гг. В это время произошли следующие политические события: принятие Обращения в 1988 г. мыслящей, патриотически настроенной интеллигенции с Письмом к XIX конференции КПСС; образование политической организации «Аидгылара» – авангарда национально-освободительного движения народа Абхазии; знаменитое Лыхненское Обращение 18 марта 1989 г. – более 30 тысяч человек единогласно заявили о назревшей необходимости пересмотра статуса республики в составе Советского Союза; кровавый грузино-абхазский конфликт в июле 1989 г., в преддверии жестокой войны 1992-1993 гг. В этой связи следует отметить, что прелюдией к этим событиям послужило крайнее напряжение в историографии (лженаучные антиабхазские гипотезы о двуаборигенности и миграционная (Ингороква), выдвинутые грузинскими учеными) и даже настоящая «битва» между абхазскими (Ю. Воронов, С. Лакоба и др.) и грузинскими историками, перешедшая со страниц научных изданий в средства массовой информации.

Так что, написать, а главное, защитить подобную работу вполне можно назвать смелым поступком того времени, ибо еще не была опубликована «История Абхазии» – учебное пособие, инициированное Первым Президентом В. Г. Ардзинба, а все другие исторические работы были в основном написаны в контексте истории Грузии. Насколько я информирован, И. Ш. Агрба и в Москве чувствовала, мягко говоря,

определенное противодействие, стало быть, и туда доходило «дыхание» Грузии. Ведь в работе говорилось об абхазской, а не западногрузинской государственности, и о взаимоотношениях, в том числе не всегда радужных, независимого Абхазского царства с такой мировой державой, как Византия.

В монографии показаны в контексте абхазо-византийских отношений закономерности становления и развития абхазской государственности, верхнюю дату которой сегодня на основании письменных (византийских и грузинских) источников и по найденным монетам Лыхненского клада можно обозначить 80-ми годами XI в.

В работе объективно показана борьба абхазских царей за гегемонию в Закавказье с тао-кларджетскими куропалатами и армянскими царями, которая завершилась в пользу Абхазского царства; проанализированы основные аспекты политических торгово-экономических, церковных и культурных связей Византии и Абхазии в VIII – X вв.

Хотя данное исследование было проведено в конце 80-х годов XX в., многие его выводы выглядят и сегодня злободневно, ибо идеологическая война с грузинскими историками продолжается. Остается только посетовать, что монография опубликована с таким запозданием, но, как говорится, лучше поздно, чем никогда, тем более что работы на подобную тематику еще не издавались.

В заключение хотел бы рекомендовать книгу не только специалистам и студентам исторического факультета АГУ, но и всем, кто интересуется историей раннесредневековой Абхазии и Византии.

О. Бгажба
академик АНА,
доктор исторических наук РАН,
профессор АГУ

«Когда ослабли греки, отложился от них эристав абхазов по имени Леон...»[1]

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, ареал общего политического и историко-культурного влияния и воздействия Византии был очень широк. Границы его простирались от Руси и Закавказья до Испании и Англии.

Акад. Е. А. Косминский в своем вступительном слове на пятой византиноведческой сессии отделения истории и философии АН СССР (6-8 декабря 1950 г.) подчеркнул важность изучения истории Византии «не только для медиевистов, но и для историков народов СССР, так как история Византии неразрывно переплетается с прошлым нашей Родины».[2]

Это обстоятельство относится прежде всего к Кавказу, многие народы которого не просто соприкасались, а были тесно связаны с Византийской империей. И влияние последней ощущалось во всех сферах общественной жизни.

Кавказ, занимавший важное место во внешней политике империи, являлся одним из главных центров византийской дипломатии на северной границе. «Значение кавказского региона для безопасности империи определялось элементарной геополитикой, так как у двух крайних пунктов этого перешейка, отделяющего Черное море от Каспийского, грекогерманская цивилизация Средиземноморья встречалась и часто сталкивалась с направленной против запада экспансией азиатских держав: на севере – с кочевниками Евразии, устремлявшихся к Черному морю и Дунаю, на юге – с великими державами Среднего Востока, напиравшими в сторону Малой Азии и Босфора».[3]

Народы Кавказа могли оказывать империи реальную ус-

---

[1] Картлис Цховреба. Т. 1 . Груз.текст подготовил к изданию по всем рукописям С. Г. Куахчишвили. –Тб.,1955. – С. 251.

[2] См.: Византийский временник. Т. V, М., 1952.– С.292.l.

[3] Obolensky D.The principles and methode of Byzantine diplomacy\\Actes du XII -e Congres international d'etudes byzantinee. Ochride, 10-12 Septembre 1961. T. I. – Beograd, 1963. –P. 46.

лугу в соответствии с их географическим положением и военными ресурсами. История их связей с Византией свидетельствует, что активизируя свою экспансию на Кавказе, Византия использовала все средства – дипломатию, религию, экономическое воздействие и прямую вооруженную интервенцию. Однако ей не удалось осуществить свою конечную цель – превратить этот регион в обычную имперскую провинцию.

История взаимосвязей Византии и Кавказа является одной из ведущих тем кавказоведения и византинистики. Важность научной разработки этой проблемы, осуществляемой на стыке указанных отраслей исторической науки, определяется и тем обстоятельством, что ценнейшие источники ранней истории кавказского региона имеют византийское происхождение.

Частью большой научной проблемы «Византия и Кавказ» является история взаимоотношений Абхазского царства и Византии.

Отношения с Византийской империей были одним из существенных узловых моментов в историческом развитии Абхазии (Абазгии, Апсилии, Мисиминии – отсюда Абхазия) и Лазики (Эгриси) в течение всего раннесредневекового периода.

Примерно с VI в. установилась зависимость Абхазии и соседней Лазики от Византии. Последняя содействовала распространению и раннему принятию здесь христианства в качестве официальной религии (не позднее VI в.). И это, разумеется, способствовало приобщению местных этнополитических образований к византийской культуре и, отчасти, явилось одним из факторов, ускоривших этническую консолидацию абхазов в единую феодальную народность.

В то же время на раннем этапе абхазо-византийских отношений зависимость от Византии явилась тяжелым политическим гнетом для населения Абхазии. И по мере активизации политики имперских властей по упразднению всякой политической автономии на территории Абхазии постепенно возрастал политический конфликт и антивизантийские

настроения становились здесь все больше и больше преобладающими.

Раннее средневековье – крайне важный и интересный период в истории Абхазии. Это время пересечения на Кавказе политических страстей двух держав – Византии и Ирана, формирования предпосылок абхазской государственности, образования независимого Абхазского царства, что противоречило стратегическим интересам Византии в регионе, триумфального движения абхазских царей в восточном направлении, расцвета христианской культуры.

На протяжении VI–VIII вв. абхазы вели напряженную борьбу как с византийскими, так и с персидскими, а затем и арабскими завоевателями. Так, волной возмущения против иноземцев характеризуются события, происшедшие в Абхазии в середине VI века. О них пишут византийские историки Прокопий Кесарийский (о восстаниях абазгов в 550 году, апсилов в 551 году)[4] и Агафий (о восстании мисимиан в 555 году).[5]

Характеризуя политический статус раннесредневековой Абхазии и Лазики в этот период, можно констатировать, что зависимость от Византии «далеко не сводилась к их полной инкорпорации, а почти всегда носила характер сюзеренно-вассальных отношений, степень которых находилась в прямой зависимости от соотношения сил на том или ином этапе».[6]

В первой половине VIII в. произошло событие, предопределившее полное освобождение в дальнейшем Абхазии и Лазики от византийской политической зависимости: в конце 30-х годов этого столетия византийский император Лев III (717–741 г.) санкционировал права Леона Абхазского на наследственное владение Абхазией, северо-западная граница которой доходила до Таманского полуострова (до р. Малая Хазария – р. Кубань). Ему предшествовало изгнание арабов из Абхазии и Лазики, в чем Абхазия сыграла большую роль.

[4] Прокопий из Кесарий. Война с готами. – М., 1950. – С. 400-404.

[5] Агафий. О царствовании Юстиниана. – М.-Л., 1953.– С. 87.

[6] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI – XV II вв.). – Сухуми,1959. – С.81-82.

С этого времени Абхазия стала пользоваться значительной политической самостоятельностью.

Следующий этап в развитии абхазской истории был особенным. В последней трети VIII в. абхазский владетель Леон II, присоединивший к Абхазии соседнюю Лазику (Эгриси), вышел из подчинения Византии и заявил об основании на восточном побережье Черного моря независимого от империи государства – Абхазского царства.

Следует отметить, что Абхазское царство «как первое самостоятельное политическое образование в этих областях»[7] (т.е. в Закавказье) выступило на политическую арену в то время, когда уже Иран прекратил свое существование в качестве великой державы (с середины VII века), а Византия была ослаблена в борьбе с арабами.

Начало функционирования самостоятельного Абхазского царства придало его взаимоотношениям с Византией новое направление. Обладание собственной государственностью позволяло абхазским правителям проводить более динамичную внутреннюю и внешнюю политику и отсекать всякие угрозы. Византия же активизировалась в направлении ограничения завоевательных планов правителей Абхазского царства и долго не могла мириться с новой реальностью, похоронившей мечту византийских властей безраздельно господствовать на Кавказе, и прежде всего на территории Абхазии и Лазики. Стремление восстановить свое влияние здесь – одно из главных направлений политики Византии на Кавказе после образования Абхазского царства.

Взаимоотношения Абхазского царства и Византии, равно как и вся история абхазо-византийских отношений, составляют важный аспект исторического развития Абхазии. Необходимость их исследования бесспорна ввиду того, что некоторые важные процессы и явления в историческом развитии Абхазского царства не осмысливаются вне контекста его отношений с Византией.

Изучение данной проблемы актуально и для понимания процессов, происходивших в сопредельных с Византией и

[7] Тер-Гевондян А.Н. Армения и Арабский халифат. – Ереван, 1977. – С. 131.

Абхазским царством государствах, поскольку взаимоотношения Абхазского царства и Византии оказывали значительное влияние на ход многих событий на Кавказе.

Предлагаемая работа является одной из первых попыток специального и комплексного исследования истории взаимоотношений Абхазского царства и Византии.

Предмет нашего исследования включается в систему основных проблем истории Абхазского царства, взаимосвязь и соотношение с которыми в ходе его изучения будут иметь большое значение. Это касается вопросов общеполитического, социального и культурного развития Абхазии в раннем средневековье.

Что касается разработки вопросов абхазской истории именно периода Абхазского царства, то сложилась обширная историография – сложная, запутанная, в значительной части своей тенденциозная. При этом нельзя не замечать интерес к проблеме, накал научных страстей, остроту полемики. В историографии наиболее представлены две научные школы – абхазская и грузинская. Не обойтись без исследований и западных ученых.

История взаимоотношений Абхазского царства и Византии затрагивалась многими историками в части изучения вопросов становления Абхазского царства, поскольку в данном случае неизбежен византийский контекст. Однако, необходимость в специальном и тщательном анализе источников и уже созданной историографии, наполнении содержательной стороны проблемы, переосмыслении сложившихся стереотипов нам представляется очевидной.

Мы пытаемся систематизировать давно используемые в научной литературе сведения средневековых источников о политических, экономических и культурных связях между Византией и Абхазским царством. Именно характер доступных для историка сведений и объясняет имеющее место в историографии преимущественное внимание к вопросам политической истории. Разумеется, что на постановку конкретных задач и уровень их разрешения влияет источниковая база проблемы. К наблюдающейся в связи с этим ситуа-

ции применимо высказывание М.В.Левченко относительно русско-византийских отношений: «При современном состоянии источников лишь небольшая часть вопросов может быть освещена со значительной частью ясности и полноты, другие могут быть выяснены менее четко и, наконец, третьи могут быть только поставлены»[8].

Основная цель работы – конкретно-историческое исследование и обобщение содержания, характера и последствий взаимоотношений Абхазского царства и Византии – предполагает изучение следующего круга задач:

– посредством анализа основных тенденций эволюции абхазо-византийских отношений в начале раннего средневековья показать закономерности развития абхазской государственности и особенности контекста становления независимого Абхазского царства;

– проследить дальнейшее развитие взаимоотношений Абхазского царства и Византии в условиях новых реалий, сопровождавших процесс самостоятельного функционирования Абхазского царства;

– выявить основные моменты присутствия и участия Византии в событиях на Кавказе в новом историческом формате, характеризуемом политическим соперничеством абхазских царей с тао-кларджетскими куропалатами и армянскими царями;

– исследовать вопрос о территориальном развитии и формах общения Абхазского царства с соседними странами и народами и о политическом статусе его правителей в иерархии глав современных им стран;

– проанализировать основные аспекты торгово-экономических, церковных и культурных связей Византии и Абхазии в VIII-X вв.

Существующая в научной литературе противоречивость в освещении ряда аспектов истории Абхазского царства вызывает необходимость в некоторых пояснениях. К примеру, следовало бы обратить внимание на разночтения вопроса об этнической структуре Абхазского царства. Дело в том, что

[8] Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. – М., 1956. – С. 4.

наряду с абхазами, сыгравшими ведущую роль в его образовании, в пределах данного государства (на северо-западе) проживали этнически родственные им адыге, а на востоке - соседние народности – картвелы в лице эгрисцев, сванов и картов. Исследователю трудно пройти мимо характерных для многих исследований преднамеренных искажений при освещении этого аспекта. Они являются результатом нивелировки этнического содержания Абхазского царства рядом авторов, что обычно заканчивается некорректным утверждением, будто Абхазское царство – это западногрузинское государство. Имея в виду вопрос об этническом характере Абхазского царства, опираясь на средневековых авторов, З.В.Анчабадзе считал необходимым, прежде всего, определиться с этническим и географическим значением терминов «Абхазия» и «абхазы». Он считал, что в связи с изменившимися географическими и историческими обстоятельствами этнические термины «Абхазия» и «абхазы» в различные периоды меняли свое значение, приобретая новые оттенки. Так, в VI-VII вв. Абхазией (Абазгией) называлась лишь часть современной Абхазии, после образования Абхазского княжества в 30-40-х годах VIII в. термин этот обозначал территорию всего княжества от «Клисуры до Никопсии» (или же до Таманского полуострова). Со времени образования Абхазского царства термин «Абхазия» получает дополнительное значение. С этого времени территория всей Западной Грузии также начинает именоваться «Абхазией». Новое значение приобретает и термин «абхазы»: если ранее он обозначал конкретную историческую общность – вначале племя, потом небольшую народность абазгов, а затем и единую абхазскую народность, то теперь он начинает употребляться и в качестве собирательного термина, обозначающего все многоэтническое население Абхазского царства.[9]

Создание полнокровной картины взаимоотношений Абхазского царства и Византии затрудняется и тем, что многие вопросы социально-политического и этнического состояния Абхазии накануне образования самостоятельного царства,

[9] Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории абхазского народа. – Сухуми, 1976. – С. 52–56.

общественно-политическая структура и социальная дифференциация Абхазского государства мало или почти не изучены.

Автор привлекает широкий круг исторических исследований в виде монографий, диссертаций, статей и других научных разработок, а также весь комплекс имеющихся в наличии источников.

Что касается хронологических рамок работы (период с конца VIII по X вв.), то они совпадают с периодом становления и динамичного развития Абхазского царства и правления мужской ветви абхазский царской династии Леонидов. Сложилась историографическая традиция, связывающая завершение функционирования Абхазского царства с началом правления на абхазском троне Баграта III. Считаем необоснованным и в определенной мере абсурдным связывать завершение функционирования Абхазского царства с воцарением Баграта. Трансформация Абхазского царства и абхазской государственности выходит за пределы этого периода и темы нашей работы. Существует определенная относительность при выборе начала указанного хронологического среза, вызываемая отсутствием в литературе единого мнения по вопросу о времени образования самостоятельного Абхазского царства. Пожалуй, можно в какой-то степени удовлетвориться и тем, что версии по этому поводу не выходят за пределы последней трети VIII в. (не позднее 786 года).

Наши знания об интенсивности и глубине исследуемых связей могут быть верными только относительно, поскольку наши источники отличаются фрагментарностью, в связи с чем справедливым представляется замечание М.В.Бибикова о том, что «ставя оценку интенсивности межгосударственных отношений в зависимость от количественной стороны имеющихся свидетельств, мы должны учитывать состояние источниковой базы наших дней в целом; закономерности последней, а не реальная политическая ситуация могут порой обусловливать статистику сведений».[10]

[10] Бибиков М. В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII-XIII вв.) / Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования.– М., 1981. – С. 97.

ГЛАВА I. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ. Всестороннее знание источников различного языкового происхождения, сочетающееся с привлечением археологических и лингвистических данных, активным обращением к дореволюционной, советской и иностранной литературе представляется нам актуальной задачей при исследовании настоящей темы.

Источниковое состояние проблемы взаимоотношений Абхазии и Византии в период с конца VIII по X вв. характеризуется относительной малочисленностью и разобщенностью материалов. Отсутствие же специальных источниковедческих публикаций по истории средневековой Абхазии препятствует четкому определению информационных возможностей источников и по данной теме.

Среди разноязычных источников, созданных в эпоху раннего средневековья, при исследовании различных аспектов истории народов Кавказа важными являются произведения византийских авторов.

«Без этих (византийских. – **И.А.**) источников, – отмечал М. В. Левченко, – нельзя изучать ни древнейшей истории славян, ни древнейшего периода истории Руси. То же самое можно сказать об истории Кавказа и Закавказья, истории Ирана и даже Средней Азии».[11]

В частности, письменные памятники византийского происхождения представляют большую ценность для научной реконструкции истории взаимоотношений Абхазского царства и Византии, хотя ими зафиксированы скорее всего лишь отдельные узловые моменты.

Нельзя не заметить трудности изучения интересующего нас периода и в истории Византийской империи. Вызваны они тем, что эта эпоха ожесточенных споров иконоборцев и иконопочитателей явилась временем, когда беспощадно уничтожались в пылу борьбы исторические источники. Отмеченное обстоятельство, нужно думать, отразилось и на

[11] Левченко М. В. Задачи современного византиноведения // Византийский сборник. Под ред. проф. Левченко М. В. –М. – Л., 1945. –С. 5.

состоянии источниковой обеспеченности истории стран и народов, окружавших Византию, а также находившихся в различной степени зависимости от нее. В частности, оно подтверждается по мере выявления того арсенала источников, которым располагает исследователь при исследовании проблемы истории Абхазского царства, его связей с Византией.

Для нашего исследования большое значение приобретают сведения Феофана Исповедника (752–818), содержащиеся в его труде «Хронография».[12] Феофан, возможно, константинополец, выходец из семьи богатого и знатного чиновника, написал свое сочинение после того, как оставил свою служебную карьеру, имея титул спафария, и посвятил себя монашеской жизни.

«Хронография» Феофана – единственный источник, освещающий разные стороны исторической действительности Византии на протяжении всего VIII и начала IX в. Погодная хроника событий (с 284 по 813 гг.) составлена Феофаном как продолжение оставшейся незаконченной всемирной хроники его друга Георгия Синкела, по настоятельной просьбе последнего. Вопрос об источниках, использованных Феофаном, сложен. И поскольку для большей части описываемых событий Феофан не был современником, то возникает вопрос о достоверности сообщений хрониста.

«Однако сомнения в надежности «Хронографии» и, в частности, ее компилятивности, – пишет И. С. Чичуров,– не должны быть преувеличенными. Сопоставление труда хрониста начала XI в. с использованными им источниками показывает, что Феофан, как правило, не искажал фактологической основы».[13]

Сообщения Феофана об Абхазии свидетельствуют о стремлении абхазских (абазгских) правителей проводить самостоятельную внешнюю политику, их потенциальных возможностях и политических шансах. Так, под 717 годом,

[12] Theophanis Chronographis, rec/ C / de Boor? 1-11 /- Lipsise, 1883–1885 (Heldeshum, 1963); Moravcsik Gy. Bysantincice. – Berlin, 1958. 1. – S.531–537.

[13] Чичуров И. С. Указ. соч. – С. 15.

по случаю восшествия на трон Льва III Исавра (717–741), хронист рассказывает нам о его прошлом, в частности, о пребывании того на Кавказе в период второго правления императора Юстиниана II (705–711). В этом месте источника и присутствует информация о попытке отпадения от империи, предпринятая Абхазией (Абазгией) в начале VIII в. В ней отражена основная тенденция политического развития Абхазии, в дальнейшем приведшая к образованию независимого Абхазского царства. (Под «Абазгией» Феофан подразумевает одно из этнополитических образований на территории Абхазии: южная граница ее пролегала где-то между Сухумом и Н. Афоном (Анакопия).

Попытке абазгов освободиться от византийской власти, предпринятой в указанное время, когда ускоренными темпами протекал процесс объединения абхазских земель вокруг исторической области Абхазии – Абазгии, воспрепятствовала Византия.

Феофан сообщает об организации представителем имперских властей спафарием Львом нападения на абазгов со стороны их соседей – алан, с целью отомстить тем за антивизантийский акт, совершенный ими в начале VIII века.

Феофан Исповедник не ограничивается сведениями политического характера, в данном случае отражающими один из важнейших принципов византийской дипломатии – натравливать одни народы на другие в своих интересах. Он информирует об интенсивных связях между абхазами и аланами, в частности, о существовании оживленной торговли между ними.

Остается неясным почему Феофан, будучи современником Абхазского царства, ничего не сообщает о нем и полностью привязан к источнику, откуда черпал сведения, относящиеся к началу VIII в. Возможно, что автор преднамеренно умалчивает такое важное событие как образование Абхазского царства, произошедшего вопреки воле и интересам Византийской империи.

Важные сообщения имеются в некоторых других византийских источниках, преимущественно X в., в своей основе

являющиеся компилятивными. К таковым можно отнести сочинение с условным названием «Хронография Продолжателя Феофана»,[14] излагающее историю правления византийских императоров 813–961 г.

Данные этого сочинения позволяют восстановить историю формирования абхазо-византийских отношений в первой половине IX в., то есть в начальный период суверенного развития Абхазского царства. Они же и дают основание для утверждения, что в указанное время в этих отношениях преобладало антагонистическое начало, по причине нежелания со стороны Византии отказаться от своих планов подчинить Абхазское царство своей власти. Отсутствие иных материалов, столь необходимых для сравнения, усложняет ситуацию с интерпретацией сведений Продолжателя Феофана.

Следующим автором, данные которого мы использовали, является Иосиф Генесий (X в.), один из тех ученых, которыми окружил себя император Константин Порфирогенет. По поручению последнего Генесий и написал между 945–969 гг. четыре книги. Нас интересует «Книга царей», повествующая об истории Византии в период с 813 по 886 гг., где Генесий говорит об участии абхазов и лазов в восстании Фомы Славянина (821–825).[15] О причинах, цели и последствиях участия населения Абхазского царства в противоимперском социальном движении можно только догадываться.

Гораздо лучше обстоит дело с византийскими источниками по истории абхазо-византийских отношений в X веке. Среди источников, содержащих данные об Абхазском царстве в X в., значительный интерес представляют сочинения византийского императора Константина Порфирогенета

[14]Theo phanes Continuatus. Chronographia, ed/1/Bekkeer//Corpus scriptorus histories Byz antinse. Bonn, 1838.

[15]Josephi Genesii regum libri qusttuor // Corpus Fontium Historise Bysantinse/consilio societatie internationalie studiis Byzantinis provehendis dtstinates edit.). Vol. XIV. – Seriee Berlinensis, 1978.

(905 – 959) «Об управлении империей»[16] и «О церемониях византийского двора». [17]

Первое из этих сочинений, написанное между 948 и 959 годами на основе секретных документов императорской канцелярии, содержит важные географические и исторические описания пограничных районов Византийской империи. Нас интересуют сведения, дающие этническую дифференцировку Северо-Западного Кавказа и подробную картину политических событий в Закавказье в первой половине X века. В частности, сведения из сочинения «Об управлении империей» используются при изучении вопроса о северо-западной границе Абхазии. Константин Порфирогенет дает по этому поводу неоднозначную информацию, вызвавшую разные толкования среди исследователей. Так, например, исследователям пришлось актуализировать изучение сведений Константина Порфирогенета, локализовавшего границы Абхазии (Абазгии) между Никопсией и Сотириуполем. Кстати, современное источниковедение учитывает возможность косвенного использования источников, чья неточность или недостоверность тоже отражает определенные исторические явления времени их создания [18].

По своей сути весьма интересные сообщения о политической деятельности абхазского царя Георгия II из сочинения «Об управлении империей» подтверждают отмечаемое грузинскими и армянскими средневековыми авторами величие этого правителя, эффективное правление которого способствовало расцвету Абхазского царства. В процессе политического и военного соперничества Георгий II превзошел своих противников и заставил византийские власти считаться с ним как с наиболее влиятельным соседом на Кавказе.

[16] Constantine Porphyrogenitus. De administrendo imperio. //Greek text ed. By Gy.Moravcsik. –Budapest, 1949.

[17] Constantine Porphirogenetus. De ceremoniis sulae Byzantinse //Corpus script. historiel Byzantine/. –Bonne, 1924 (1929). – Vol. VIII.

[18]Лурье Я.С. О так называемой "презумпции невиновности" источника // Источниковедческие разыскания. Тб., 1985. – С. 44.

Как известно, вопрос о титулатуре и статусе кавказских правителей в международных связях раннесредневекового времени, трудно комментируемый из-за того, что в своих дипломатических отношениях с соседними странами византийские правители упорно стремились подчеркнуть свой верховный сюзеренитет и намеренно искажали титулы их правителей. Это стало причиной разночтений источников среди исследователей.

В связи с этим представляет для нас ценность другое сочинение Константина Порфирогенета, а именно «О церемониях византийского двора», дающее подробную картину дипломатических связей византийского двора. Несмотря на то, что абхазские правители уже с конца VIII в. приняли титул царей, а тао-кларджетские – с 888 года, они не именуются «царями» (василевсами). В частности, у Константина Порфирогенета абхазские цари носят титул «магистра» и «эксусиаста». Данные Константина Порфирогенета об Абхазском царстве принадлежат к категории трудно интерпретируемых свидетельств средневековых авторов. Необходимость конкретизации значения, ценности информации Константина Порфирогенета в связи с вопросами о северо-западной границе Абхазского царства и политическом статусе и титуловании его правителей будет по мере возможности осуществлена в соответствующей части нашей работы.

Известно, что особую группу источников составляют памятники византийского ораторского искусства (речи и письма), ценность которых заключается в том, что они создавались непосредственно по горячим следам описанных в них событий и поэтому стоят ближе к реальной действительности, чем нарративные источники, возникшие много времени спустя по воспоминаниям, заметкам или рассказам.

Сюда относится переписка константинопольского патриарха Николая Мистика (852–925), содержащая значительный материал по внутренней и внешнеполитической истории империи.[19]

[19]Nicholas 1 Patriarch of Constantinopole. Letters/Greek text and Englich transl.by R.J/H/Jenkins, L. G. Weesterinle. – Washington, 1973, 11; 1981, IV.

Трудно преувеличить объективную ценность эпистолярного наследия Николая Мистика и для изучения настоящей проблемы. Именно три послания (46, 51, 162), адресованные абхазским правителям, являются основным источником информации, позволяющей установить характер и основные направления связей между Византией и Абхазским царством в конце IX и первой четверти X в.

Первым по времени написания следует считать письмо под номером 51, адресованное, видимо, Константину III (893–916). В нем константинопольский патриарх выражает свою благодарность правителю Абхазии за помощь и поддержку, оказанную последним византийскому миссионеру – архиепископу, находящемуся в Алании.

По преположению А.Коллауца, письмо это было написано между 914 – 916 годами. [20]

З. В. Анчабадзе не называет точной даты написания этого письма, но относит его ко времени царствования Георгия II (по З. В. Анчабадзе правление последнего относится к 929 –957 гг.).[21]

Дело в том, что другое послание Николая Мистика под номером 46 сообщает о кончине правителя Абхазии, о деятельности которого повествуется в вышеуказанном письме (51) и в форме соболезнования направлено его сыну и преемнику, должно быть, Георгию II (916 – 957). И поскольку события, о которых рассказывается в посланиях Николая Мистика абхазским правителям, происходили в его патриаршество, а именно в 901 – 925 годах, напрашиваются следующие заключения. Во-первых, воцарение Георгия II произошло не позднее 925 г., когда завершилось патриаршество автора посланий; во-вторых, если считать адресатом письма № 51 Константина III, то при обращении алан византийской церковью в христианство в роли посредника вначале позиционировал он, и только после его смерти в такой же роли фигурирует сын и преемник Константина – Георгий.

[20]/Kollautz A/Abasgen-Abasgia //Reallexikon der Byzantinistik. Amsterdam: Verlag Adolf M. Hakkert., 1969. – Reihe A. Bd. 1/ Heft 2. – S. 20.

[21]Анчабадзе З. В. Указ. соч. – С. 138.

Фактически единственным источником по истории церковной организации Абхазского царства являются византийские нотиции – списки епархий, подчиненных константинопольской патриархии – содержащие обильный материал о церковных епархиях империи. [22]

Нотиции эти свидетельствуют о связях абхазской церкви с Константинопольским патриархатом.

Таков круг основных византийских источников, используемых при разработке настоящей темы. В научный оборот они были введены еще дореволюционными историками.

Неоценимое значение для воссоздания истории Абхазского царства и его отношений с Византией имеют грузинские средневековые хроники, исторические сочинения и агиографическая литература. Особую ценность представляет «Картлис Цховреба» – свод древнегрузинских исторических летописей, цель составителей которого состояла в последовательном изложении истории Грузии. Исследователями доказано, что к XII в. данный сборник оканчивался сочинением «История Давида Строителя». [23]

«Картлис Цховреба» делится на два цикла: первый цикл – это древняя «Картлис Цховреба», в котором повествование доведено до середины XIV в., и второй цикл – новая «Картлис Цховреба», повествующая о событиях второй половины XIV–XVII веков.

Нами используется древний цикл «Картлис Цховреба», а именно такие сочинения грузинских средневековых авторов, как «Жизнь Вахтанга Горгасала» Джуаншера Джуаншериани (XI в.), «Летопись Картли» (XI в.), «Жизнь картлийских царей» Леонтия Мровели (XI в).

В труде Джуаншера «Жизнь Вахтанга Горгасала», написанного в ключе агиографических канонов и заслуживающего внимания как источник по истории не только раннефеодальной Грузии, но и значительной части кавказского региона, имеются сведения по истории политического развития Абхазии в VIII в., а именно в 30-х гг. VIII в.

[22] Kollautz A / Abasgen-Abasgia ...

[23] Картлис Цховреба. Т. 1. Под ред. С. Г. Каухчишвили. – Тб., 1955. – С. 139-244.

Джуаншеру принадлежит сообщение об образовании Абхазского княжества, явившееся важным этапом в истории абхазо-византийских отношений. После поражения арабов в Абхазии (Анакопии) в 30-х гг. VIII в., как свидетельствует этот автор, византийский император Лев III предоставил Абхазию в наследственное владение Леону I Абхазскому.

В сочинении представлена картина политических отношений между Византией, Абхазией и Эгриси после событий, связанных с нашествием на Эгриси и Абхазию арабского полководца Мервана ибн Мухаммеда. Косвенное использование этих сведений показывает, что уже тогда абхазский владетель Леон I не боялся соперничать с империей на территории Эгриси.

Возможно, что некоторые сведения Джуаншера могут быть неточными. Это касается, к примеру, сюжета, где дается описание похода арабов на Абхазию и Эгриси и их поражения под Анакопией. Названные автором сочинения цифры о потерях сторон вполне могли не соответствовать действительности.

Первостепенным источником для своей работы мы считаем сочинение анонимного автора XI в. «Летопись Картли» («Матиане Картлиса»).[24]Произведение это не дошло до нас в виде самостоятельного сочинения. Оно включено в названный уже летописный свод «Картлис Цховреба». Трудно переоценить в данном случае его значение, имея в виду последовательность, систематичность, логичность, информационную насыщенность источника при изложении истории Абхазского царства. История политической экспансии абхазских царей на востоке, то есть на территории Восточной Грузии, столкновение и пересечение интересов Абхазии и соседних стран и народов, внутригосударственные мероприятия абхазских царей и многое другое изложены в данном сочинении в динамике. Их церковная политика как часть общегосударственных мероприятий также важный аспект, оказавшийся предметом внимания средневекового автора.

Особого внимания заслуживает имеющееся в источнике

[24] Картлис Цховреба. Т. 1. – С. 249–317.

единственное и уникальное сообщение об образовании Абхазского царства. Оно доминирует над всеми остальными сведениями о важных событиях в истории Абхазского царства и давно является предметом для широкого формата обсуждения учеными целого ряда поколений. И поскольку в «Летописи Картли» история Абхазского царства дается в контексте международных отношений, затрагивавших большой регион, сделать это было бы невозможно, не затрагивая византийский фактор в политике абхазских царей.

Другие источники, содержащие сведения о разрушительной, страшной карательной экспедиции 852–853 гг., посланной в Закавказье халифом ал-Мутаваккилем (847– 861) и руководимой военачальником Бугой («Житие и мученичество святого мученика Константи Картвели, который был замучен царем вавилонян Джафаром», сочинения Иоанна Драсханакертци, Товмы Арцруни, Табари и др.), ничего не сообщают об участии Абхазского царства в событиях, связанных с борьбой против Буги. И только автор «Летописи Картли» сообщает о противостоянии арабским завоевателям в Картли абхазского войска во главе с абхазским царем Дмитрием.

При исследовании церковной и культурной составляющей абхазо-византийских отношений значительную ценность представляют грузинские агиографические памятники. Бесспорно, что в них на первый план выступал религиозный момент. Но, наряду с религиозной завуалированностью, они содержат значительный материал чисто исторического характера. Ярким примером в этом плане является мартирологическое сочинение грузинского писателя VIII в. Иоанна Сабанисдзе «Мученичество Або Тбилели»[25]. Нам оно интересно, прежде всего, в той части, где повествуется о политической и культурной жизни Картли, Абхазии и Хазарии в период владычества арабов в Закавказье.

Автор «Мученичества Або Тбилели», будучи современником описываемых событий, сведения об Абхазии черпал у тех, кто сопровождал картлийского эрисмтавара Нерсе из

[25] См.: Кекелидзе К. Памятники древнегрузинской агиографической литературы. – Тб., 1956.

Хазарии в Абхазию. Им Абхазия VIII в. представлена как страна, хорошо защищенная от угрозы со стороны арабов и процветающего христианства.

Сообщения о культурно-религиозных связях между Абхазским царством и Тао-Кларджети в VIII–X вв. имеются в сочинении грузинского писателя X в. Георгия Мерчуле «Жизнь Григола Хандзтели».[26]

По сообщению Григория Мерчуле, Григол Хандзтийский и его сподвижники поехали в Абхазское царство с целью создания там монастырских обителей и были хорошо приняты абхазским царем Дмитрием II (825-861).

Исторический материал в сочинении излагается на фоне культурно-религиозной и просветительской деятельности хандзтийского архимандрита Григола. Основные сообщения писателя считаются достоверными. Установлено, что хронологические данные, имена политических и иных деятелей, приведенные в сочинении, с большой точностью совпадают с подобными же сведениями Иоанна Сабанисдзе и анонимного сочинения «Летопись Картли» и др.[27]

Вероятно, основными источниками сведений автора, касающихся деятельности Григола Хандзтели в Абхазском царстве, послужили записи учеников просветителя, сделанные во время пребывания того в этой стране.

В IX–X вв., по-видимому, составлялась недошедшая до нас летопись, условно названная в научной литературе «Историей абхазов». Этот памятник упоминается в «Летописи Картли». Автор последней ссылается на него в качестве одного из источников при изложении им политических событий.

Акад. М.Броссе ввел в научный оборот новый источник. В 1839 г. он издал в французском переводе известия по истории Грузии, собранные иерусалимским патриархом XVII в. Досифеем. Среди материалов Досифея привлекала внимание генеологическая таблица абхазских царей, которая, по

[26] «Житие св.Григория Хандзтийского», изд. Н. Я. Марр // Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии. –Тифлис, 1911.

[27] Джавахишвили И. А. Указ. соч. – С. 120-121.

сообщению Досифея, была извлечена им из составленной царем Багратом III «Истории Абхазии».[28]

Важное научное открытие было сделано Е.С. Такаишвили, нашедшим в одном рукописном сборнике грузинский подлинник «Истории Абхазии» Досифея. До его открытия и публикации информация, содержащаяся в этом источнике была доступна в версии, имеющейся в «Истории иерусалимских патриархов» Досифея.

Подлинным названием этого источника является «Диван (абхазских) царей». Этот памятник представляет собой перечень абхазских царей, начинающийся с Аноса, который, по утверждению источника, был «первым царем Абхазии», и заканчивающийся 20-м царем, Феодосием Слепым. Показательно, что указание годов правления каждого правителя в списке начинается только с Леона. Годы правления Баграта III указаны последующим издателем источника и в соответствии с этим Баграту III дается 36 лет правления.

«Диван абхазских царей» – главный источник по вопросу хронологии правления абхазской династии. Его анализу, интерпретации и критике посвящена немалая литература. Так, например, Досифей, первым обративший на него внимание, доверяет и следует ему как в том, что касается генеологии абхазских царей, так и в отношении времени правления каждого из них. Хотя в его изложении проявляется влияние и других источников: в частности, он упоминает одного из двух узурпаторов, опущенных в «Диване» (Адарнасе, которого Досифей считает племянником Георгия I). Кроме того, Досифей относит восхождение Баграта III на абхазский престол к 992 году.

Е.С. Такаишвили попытался на основании хронологических указаний «Дивана» путем обратного от Баграта III вычисления установить годы царствования поименованных в списке абхазских правителей и для Леона II получил 746–791 годы.[29]

[28] De l' etude religeux et politigue de la Georgie jusqu'au XVII siécle / Par M.Brosset // Buell. / scient. - 1839. - T.V.

[29] Такаишвили Е.С. Исторические материалы. «Дзвели Сакартвело». Т. 11.- Тб., 1911 - С. 28-54

Эту датировку принял и акад. И.А. Джавахишвили, считавший, что «Диван» вообще страдает неполнотой сведений и неточностью своей хронологии [30].

По мнению Е.С. Такаишвили, открытый им документ является «манифестом», который был опубликован царем Багратом III в знак того, что он законно принял царскую власть в Абхазии, наследником каковой он был по женской линии.[31]

Акад. С.Н.Джанашиа, напротив, рассматривает «Диван» как нечто вроде исторического меморандума, в котором Баграт III подчеркнул свою связь с абхазской династией и свои наследственные права. Невозможность рассматривать этот памятник в качестве акта-манифеста ученый объясняет тем обстоятельством, что отец Баграта, Гурген, упоминается в документе усопшим, а Гурген скончался через четверть века после воцарения его сына, Баграта. Это обстоятельство, по мнению С.Н.Джанашиа, и датирует составление «Дивана» 1007- 1014 годами (даты кончины Гургена и Баграта)[32]. К. Туманов обращает внимание на то, что такой характер происхождения источника является причиной и «слабости» его, так как он устраняет признание фактов, вступающих в противоречие с династической законностью (например, узурпации).[33]

Действительно, в «Диване» опущены факты узурпации царской власти в Абхазском царстве в IX в., присутствующие в другом источнике – «Летописи Картли».

Исходя из этого, К.Туманов говорит, что «достоверная таблица царей Абхазии должна с необходимостью базироваться на тщательном сравнении свидетельств обоих исторических произведений».[34]

Определенный интерес при исследовании проблемы представляют грузинские эпиграфические памятники – над-

[30] Джавахишвили И. А. История грузинского народа. Т. 11. Тб., 1949. - С. 368, 375.

[31] Такаишвили Е.С. Указ. соч. - С. 48.

[32] Джанашиа С. Н. Труды. Т. 11. Тб., 1952. - С. 324.

[33] Toumanoff C. Chronology of the kings of Abasgia and other problems// Museon. Paris/. - 1956. 6 - 9./- P. 77.

[34] Ibid.

писи (Ередвская, Самцеврисская и др.). Ередвская надпись обнаружена на одной из южных колонн церкви, находящейся в селении Эредви, недалеко от г. Цхинвала. Она сообщает о походах царя Константина III в Восточную Грузию, с целью захвата Эрети.[35]

Следующий корпус используемых нами источников составляют сочинения армянских средневековых авторов. Давно отмечена ценность сведений ряда армянских авторов об Абхазии.

Сведения автора X в. Товмы Арцруни[36] связаны с событиями времени вторжения арабов во главе с Бугой в Закавказье в 50-х гг. IX в., когда васпураканский князь Григор Арцруни укрылся в Абхазии. Они дополняют сведения «Летописи Картли». Согласно этому автору, абхазский царь не только боролся с Бугой в Восточной Грузии, но и всячески поддерживал правителей других соседних стран, боровшихся с арабскими завоевателями.

Важнейший памятник армянской средневековой историографии «История Армении», принадлежащая перу автора IX–X вв., каталикосу Иоанну Драсханакертскому [37], содержит материал, отражающий активный интерес Византии к Армении и Абхазскому царству в связи со стремлением византийских властей организовать союз закавказских народов для борьбы с халифатом.

Политические и церковные противоречия между Абхазским царством и царством Армянских Багратидов нашли отражение во Всеобщей истории Степаноса Таронского (Асохика)[38], автора XI в.

---

[35] См.: Меписашвили Р. Ередвский архитектурный памятник 906 года // «Грузинское искусство». Труды института истории грузинского искусства. – Тб., 1955; Джавахишвили И.А. Указ. соч. – С.105. Гунба М.М. Ередвская надпись о походе царя абхазов Константина в Эрети // Материалы по археологии и искусству Абхазии. – Сухуми, 1974. – С.81.

[36] Арцруни Ф. История Арцрунидов. – СПб., 1887.

[37] Иованес Драсханакертци. История Армении. – Ереван, 1986. Перевод с древнеарм., вст. сл. и комм. Варбинян-Меликян М. О.

[38] Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию., писателя XI столетия. Пер. Эммина Н. М., 1864.

Сюжет о столкновении абхазского правителя с армянским царем Абасом (928–967) за право освятить Карскую церковь имеется и у другого армянского автора – Вардана Великого (XI в.).[39]

Ни Асохик, ни Вардан Великий не называют имени царя абхазов. Последний фигурирует у них то как «царь сарматов», то как абхазский князь Бер.

В целом совокупное рассмотрение сведений грузинских, византийских и армянских авторов формирует представление об Абхазском царстве как о наиболее влиятельном кавказском государстве в рассматриваемый период, правители которого в соответствии с географическими реалиями стремились реализовывать политические шансы на доминирование в делах Северного Кавказа и Закавказья.

Арабские исторические труды, состоящие из Книг походов-сочинений об арабских завоеваниях и содержащие сведения о Кавказе, дополняют источниковую базу нашей работы. Это данные арабского автора X в. Мукадасси[40], рисующие благополучное положение Абхазского царства в описываемое время, и Ал-Масуди (X в.)[41], проявлявшего большой интерес к исторической традиции иноверцев и оставивший важные сведения о Кавказе, а также Аль-Баладзори (820 – 892 гг.).[42]

Источниковедческую основу работы дополняют художественно-архитектурные особенности культовых и других сооружений – памятники искусства Абхазского царства, сохранившейся на территории современной Абхазии, Западной Грузии и Северного Кавказа.

О торгово-экономических и культурных контактах между Абхазским царством и Византией свидетельствуют археологические материалы.

---

[39] Всеобщая история Вардана Великого. Пер. Эммина Н. М., М., 1862.

[40] Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXVIII. – Тифлис, 1908.

[41] Ал-Масуди. Книга сообщений и знаний // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXI. – Тифлис, 1902.

[42] Баладзори. Книга завоевания стран. Изд. П. Жузе. –Баку, 1927.

Таков обзор источников, используемых нами при исследовании истории взаимоотношений Абхазского царства и Византии в VIII – X вв.

ИСТОРИОГРАФИЯ. Вопросы социально-политической и культурной истории Византии и средневекового Кавказа, историко-культурных взаимоотношений как внутри «кавказского культурного мира», так и с византийским миром занимают значительное место в научной литературе.

Что касается традиции изучения истории абхазо-византийских отношений в период с конца VIII по X вв., то она является неотъемлемой частью историографии истории Абхазского царства, и отдельные ее аспекты были затронуты еще в трудах дореволюционных исследователей.

Известно, что вопрос образования Абхазского царства изучается преимущественно на основе данных из «Летописи Картли», где, как отмечалось выше, заложена главная информация о главном событии – провозглашении Леоном II независимости Абхазии от Византийской империи и начале функционирования на восточном побережье Черного моря нового государства. Автор не датировал событие, о котором сказал много, но не все. Он не уточнил, к примеру, и само обстоятельство, использованное Леоном II, а именно «когда ослабли греки». Сжатость повествования автора спровоцировала научные дискуссии специалистов, которые, несмотря на подробные разработки, пытаются по-новому взглянуть на ситуацию и по-новому прокомментировать летописный рассказ об образовании Абхазского царства. Главное, привязав образование самостоятельного Абхазского государства к «особой» ситуации в абхазо-византийских отношениях, летописец предопределил невозможность понимания этого важного события вне контекста взаимоотношений Абхазии и Византии.

Первым интересующие нас вопросы затронул Вахушти Багратиони (1676–1770), известный грузинский ученый. В своей «Истории царства Грузинского» он приводит много фактов, характеризующих политическое развитие средневековой Абхазии и описывает памятники христианской культуры Абхазии. В том числе, Вахушти обратил внимание на главное сообщение «Летописи Картли» об образовании Абхазского царства и дал ему своеобразную интерпретацию. В частности, «ослабление греков», о котором говорит аноним, он объяснял борьбой Византии с арабами, нанесшей ей значительный урон.

Среди представителей грузинской историографии XIX в., затрагивавших вопросы из истории Абхазского царства, известны заслуги Е.С. Такаишвили и Д. Бакрадзе.

Первый из них способствовал расширению источниковой базы истории Абхазского царства. Выше мы уже писали о том, что именно Е.С.Такаишвили принадлежит открытие и публикация грузинского подлинника «Истории абхазских царей» Досифея.[43] Этот источник, известный как «Диван абхазских царей», он подверг тщательному анализу, что позволило ему высказать ряд ценных мыслей касательно политической истории Абхазского царства.

Определенный вклад в изучение истории взаимоотношений Абхазского царства с Византией внесла дореволюционная русская историография в лице Ю.Кулаковского, В. В. Латышева, А.Н. Дьячкова-Тарасова, Ф. Бруна и др.

Известный историк Рима и византинист Ю. Кулаковский при разработке вопросов истории политических взаимоотношений Византии и аланов[44] затрагивает и некоторые вопросы истории Абхазского царства. Так, основываясь на данных Константина Порфирогенета и Николая Мистика, он попытался определить политический статус правителей Абхазского царства в иерархии правителей в системе международных связей. Кроме того, Ю.Кулаковский специально остановился на вопросе локализации города Сотириуполя, упоминаемого Константином Порфирогенетом. В работе, посвященной этому вопросу, исследователь сделал вывод о том, что Сотириуполь – это другое название Питиунта. При этом он основывался на приложе-

[43] Такаишвили Е.С. Исторические материалы. «Дзвели Сакартвело». Т. 11. – Тб., 1911.

[44] Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. – Киев, 1899.

нии к так называемому Иероклову Синакдому, где дается список городов и крепостей, переменивших свои имена .[45]

Кстати говоря, это мнение было принято частью исследователей в советской исторической литературе. Существуют и другие точки зрения на этот счет, согласно которым под Сотириуполем признают то современый г. Сухум, то Трапезунд. Последняя позиция находит все большее понимание среди историков.

На важные моменты политической истории Абхазского царства обратил внимание В. В. Латышев, [46] который особо подчеркивал значение активного участия его в политической жизни Кавказа, и особенно Грузии. В небольшом обзоре истории абхазо-византийских отношений В.В.Латышев попытался выделить основные моменты их развития, оцениваемые им как «разные» в разные периоды. Однако представляется необоснованным высказывание этого автора, согласно которому Абхазское царство в первой половине X в. (т.е. в период своего политического могущества) находилось в зависимости от Византии. Утверждение В.В. Латышева по этому поводу является результатом некритического использования сведений Константина Порфирогенета и недостаточно отражает сложность характера взаимоотношений Абхазского царства и Византии в указанный период.

Церковно-религиозных вопросов, важной составляющей истории Абхазского царства, коснулся другой дореволюционный автор Ф.Брун. Исследователя интересовали и вопросы исторической географии Абхазии и Северного Кавказа.[47]

Компилятивный характер носит работа архимандрита Леонида (Кавелина),[48] научная ценность которой и в постановке ряда вопросов, касающихся проблематики абхазо-византийских отношений. Описание им христианских

[45] Кулаковский Ю. Где был построен имп. Юстинианом храм для Абазгов? – М., 1899. – С. 36.

[46] Латышев В. В. К истории христианства на Кавказе // Сборник археологических статей. – СПб., 1911.

[47] Брун Ф. Сборник исследований по исторической географии Южной России. – Одесса, 1899.

[48] Абхазия и ее христианские древности с картой абхазского приморского берега в пользу миссионерской абхазской школы. – М., 1882.

памятников Абхазии можно оценивать как начало целенаправленной работы по их изучению и отнести к заслуге автора. Христианские памятники Абхазии изучались и археологом П.С.Уваровой, некоторые из которых она достаточно подробно рассматривает в своей работе «Христианские памятники».[49] Ей уже тогда удалось обнаружить параллель между памятниками Абхазии и Северного Кавказа. Позже это направление получило развитие в трудах многих известных ученых.

В целом, дореволюционная историография, попутно рассматривавшая вопросы истории Абхазского царства, не ставила цели сформулировать твердую концепцию по проблеме.

В качестве главной задачи мы не можем в данной работе развивать тему подробного анализа грузинской историоргафии, посвященной проблематике истории Абхазии и Грузии раннего средневековья. Также как средневековый автор XI века, а именно автор «Летописи Картли», не смог дать полную историю Грузии без истории Абхазского царства, точно также и грузинские историки позже не могли изучать историю средневековой Грузии без абхазской истории. Абхазские историки и многие их зарубежные коллеги в советское время пытались противостоять тенденциозности и фактору конъюнктуры в грузинской историографии, что делало невозможным безраздельное господство идеологизированной грузинской исторической школы. Однако не так просто даже сегодня «выйти» из рамок навязанных шаблонов, стереотипов, предвзятости, конъюктурной заданности оценок и понимания многих важных вопросов, с чем невозможно не столкнуться при изучении всей средневековой истории Абхазии, в том числе и Абхазского царства. В то же время мы обязаны критически усвоить ту часть грузинской историографии, без которой работа над избранной темой была бы невозможной.

Акад. И.А. Джавахишвили, научная деятельность которого характеризуется как новый этап в историографии Закав-

[49] Уварова П. С. Христианские памятники // МАК, Т. IV. – М., 1894.

казья, в своих фундаментальных исследованиях часто обращался к абхазскому историко-этнографическому материалу, разрабатывая вопросы политического развития Абхазии, ее этнокультурных связей. Вопросы истории Абхазского царства серьезно прорабатывались им при исследовании грузинской средневековой истории.

До революции в Абхазии не было национальной историографии. В 20-е годы (XX в.) местные кадры только-только начали создаваться. Именно тогда и был поставлен вопрос о создании целостной истории средневековой Абхазии. На историко-археологическое изучение истории Абхазии нацеливал состоявшийся в 1924 году в г. Сухум первый съезд деятелей краеведения Черноморского побережья и Западного Кавказа. Одной из актуальных задач, стоящих перед исследователями истории Абхазии он признал составление «Corpusinscriptorum» Абхазии на всех языках».[50] Это важное научное мероприятие, стимулировавшее развитие исторической науки в Абхазии.

Уже в те годы появляются первые специальные работы по истории Абхазии, тематическое построение которых свидетельствует о большом научном интересе к вопросам древней и средневековой истории нашего региона. Более того, в них затрагиваются отдельные аспекты истории абхазо-византийских отношений.

В монографии Д.И.Гулиа (История Абхазии. Тифлис,1925) охватывается период с древнейших времен до X века. В главе, посвященной вопросу политического положения Абхазии с I по X вв., автор попытался рассмотреть проблему принятия христианства абхазами в контексте абхазо-византийских отношений. Период с V по X вв. им охарактеризован как эпоха воздействия византийской культуры на Абхазию.

Стремление Д.И.Гулиа к последовательному изложению истории Абхазии за большой исторический период – первый опыт такого исследования в абхазской историографии. И многие недостатки этой работы, которые давно обсуждаются учеными (они имеют отношение и к теме истории

[50] См.: Стражев В.И. Руинная Абхазия. – Сухуми, 1925. – С. 3.

абхазо-византийских отношений), были неизбежны. Весьма кстати высказывание крупнейшего абхазского историка Г.А.Дзидзария: «К научному наследию Д.И.Гулиа, к оценке его творчества должны подходить исторически, с учетом степени изученности прошлого абхазского народа и вообще уровня развития исторической науки в начале 20-х годов, ограниченности источников, почти полного отсутствия археологических материалов».[51]

В 1925 году вышла и другая важная работа, а именно «Пути развития Абхазской истории»[52] С.М.Ашхацава, также свидетельствующая о возрастании интереса к истории Абхазии. Попытку автора осмыслить в главных узловых моментах абхазскую историю более поздняя историография не оценила по достоинству. Научная постановка ряда важных вопросов истории Абхазии, отдельные интересные оценки также оказались незамеченными. Если в большинстве исследований, где рассматриваются вопросы истории Абхазского царства, основное внимание уделяется восточной политике абхазских царей, их успехам именно на востоке, то благодаря позиции С.М. Ашхацава актуализируется, например, вопрос о северо-западной границе Абхазского царства и деятельности Леонидов на северо-западе. Причем и сегодня приходится констатировать недоизученность вопроса и источников на предмет этнической составляющей Абхазского царства в этом регионе, ресурсов и мотивации для активных действий абхазских царей в этом направлении. Отношениям Абхазии с Византией наибольшее внимание уделял А.В.Фадеев. Его интересовали вопросы политического и культурного влияния Византии на Абхазию, и в процессе работы над ними развивал тезис принципиального значения, суть которого в том, что борьбу с империей следует рассматривать как важный фактор, стимулировавший объединение Абхазии и консолидацию абхазской феодальной народности. В условиях отсутствия детального изучения источников разных жанровых и языковых категорий, систематических археоло-

[51] См.: Введение к книге: Гулиа Д. И. Собрание сочинений. Т. VI. – Сухуми, 1986.

[52] Ашхацава С. М. Пути развития абхазской истории. – Сухум, 1925.

гических исследований было затруднительно убедительно аргументировать попытку А.В. Фадеева объяснить политику абхазских царей, завоевавших независимость от Византии и объединивших обширную территорию Западного Закавказья, исходя из экономической и социальной основы местного общества.

А.В. Фадеев рассматривал абхазо-византийские отношения и в другом ракурсе, то есть с позиции анализа заимствований абхазами из Византии в области военного и церковного строительства.[53]

Важнейший этап в разработке вопросов истории Абхазского царства связан с научной деятельностью академика С.Н. Джанашиа, автора ценных трудов в области абхазоведения. «Можно смело сказать, – писал З.В.Анчабадзе, – что первым исследователем, который поставил изучение истории Абхазии на прочную основу, был академик С.Н.Джанашиа».[54]

Прежде всего речь должна идти о работе акад. С.Н. Джанашиа «О времени и условиях образования Абхазского царства»[55] – важном научном достижении в историографии. В ней сложный вопрос образования Абхазского царства рассматривается на фоне исторической картины положения Византии в VIII в. Сопоставление данных грузинских источников позволило ученому связать внутриполитические обстоятельства Абхазии с внешними условиями накануне возникновения в регионе новой политической единицы.

К исследованию важных проблем древней и средневековой истории Абхазии С.Н. Джанашиа обращался и в других своих работах. Это прежде всего «Феодальная революция в Грузии» (Тбилиси, 1935) и «Грузия на пути ранней феодализации» (Тбилиси, 1937).

Эти последние работы имеют большое значение именно в связи с тем, что в них впервые специально изучены общественные отношения в раннесредневековой Абхазии.

[53] Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии. – Сухуми, 1934.

[54] Анчабадзе З. В. Вопросы истории Абхазии в трудах акад. С.Н. Джанашиа // Труды Абхазского НИИ языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. Т. XXV. – Сухуми, Тб., 1954. – С. 347.

[55] Джанашиа С. Н. Труды. Т. 11. Тб., 1952. – С. 322–341.

С.Н. Джанашиа хорошо представлял, что без осмысления характера и специфики социально-политического развития Абхазии в этот период нельзя разобраться в тех общественно-политических явлениях, которые имели место в дальнейшем развитии Абхазии, а именно в эпоху Абхазского царства. Имея целью решение этой задачи, он тщательно изучил сведения византийских историков Прокопия Кесарийского и Агафия, грузинского писателя Иоанна Сабанисдзе. В результате ученый приходит к выводу о том, что в VI в. в Абхазии победили феодальные отношения. Этнополитические образования на территории Абхазии в VI в. (Абазгия, Апсилия, Мисиминия) он охарактеризовал как раннеклассовые (раннефеодальные) организации, в которых наряду с ведущим феодальным укладом, существовали пережитки дофеодальных отношений.

Судя по ссылкам З.В.Анчабадзе, специальная работа С. Н. Джанашиа посвящена политической истории Абхазии – «Абхазия с I по X вв.». Ее рукопись хранилась в архиве АбНИ им. Д. И. Гулиа.

Знакомство с византиноведческой и кавказоведческой литературой показывает, что с 50-х годов XX в. значительно углубилось изучение проблемы «Византия и Кавказ», в особенности византийско-грузинских и византийско-армянских отношений и связей. Помимо отдельных работ важными византиноведческими изданиями стали «Историко-археологический журнал» АН Армянской ССР и серия «Георгика», издававшаяся в Тбилиси.

Серия «Георгика» (Сведения византийских писателей о Грузии) делает доступным для широкого круга читателей ценный фактический материал, рассеянный в малодоступных изданиях византийских письменных источников. Так, в IV томе (вып.II) «Георгики» помещены выдержки из произведений Николая Мистика, Константина Порфирогенета, Иосифа Генесия, Продолжателя Феофана и других византийских авторов, привлекаемых нами для исследования определенных выше задач.

С конца 50-х годов целенаправленное исследование во-

просов истории Абхазского царства продолжил один из самых крупных кавказских историков проф. З.В.Анчабадзе, внесший значительный вклад в разработку проблем средневековой Абхазии[56]. Количество затронутых им вопросов – узловых аспектов и деталей – делает это фундаментальное издание по истории средневековой Абхазии наиболее универсальным , хотя автор, если судить по названию работы («Из истории ...») не претендовал на всеохватность. Период становления Абхазского царства, реализация абхазскими царями плана закрепления стратегических позиций в закавказском (южнокавказском) регионе и на Северном Кавказе – все это подробно анализируется З.В.Анчабадзе. Вместе с тем, монография З.В. Анчабадзе писалась в тяжелую для Абхазии советскую эпоху, когда сформированная сталинско-бериевским режимом политическая и идеологическая коньюктура сохранялась и избежать жесткого давления со стороны тбилисских властей и научных кругов, их обслуживавших, было не реально даже для такого талантливого ученого, каковым был З.В. Анчабадзе.

Анализ историографии показывает как факт пресечения абхазской царской династии по мужской линии в 978 году стал отправным для ключевых оценок, касающихся хронологии Абхазского царства, характера и перспектив его дальнейшего функционирования, определения роли Абхазского царства в последующем развитии региона. Словом, для многих грузинских историков – оттеснение от власти Феодосия Слепого и утверждение его племянника Баграта на абхазском троне – это последний аккорд, завершивший функционирование Абхазского царства.

Историки важное значение придавали политическому соперничеству абхазских царей и таоиских куропалатов – правителей Тао-Кларджетского царства. Известно, что таоиские куропалаты были вассалами византийских императоров и использовали «свою неполноценную суверенность» в борьбе с абхазами.

Долгое время в грузинской историографии господствова-

[56] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). – Сухуми, 1959.

ла концепция истории формирования единого Грузинского феодального государства, в основу которой легли описания событий последней трети X в. в «Летописи Картли». Отправным пунктом этой концепции, впервые сформулированной И.А.Джавахишвили, является рассказ о том, как в 975 г. картлийский наместник Иоанн Марушисдзе (с позиции грузинских историков, сторонник единодержавной власти, получивший этот сан из рук абхазского царя) обратился к Давиду Куропалату с предложением или присоединить Картли к своим владениям, или пожаловать ее своему воспитаннику Баграту, сыну правителя северной части Тао – Гургена и дочери Георгия II – Гурандухт. В результате Баграт стал наследником «Тао, Картли и Абхазии». И таким образом произошло воцарение в Картли Баграта – первого царя объединенной Грузии.[57]

Эта концепция позже подверглась критике со стороны акад. Г.А. Меликишвили, который обстоятельно высказался против преувеличенной оценки роли Тао-Кларджети в исторических событиях IX–X вв. Г.А.Меликишвили считает, что это мнение грузинских историков связано с недостаточной разработанностью истории социально-экономического развития и нивелировкой общественного уклада и Абхазского царства, и Картли, и Тао-Кларджети[58].

Согласно его концепции, процесс образования Грузинского феодального государства проходил не по инициативе Тао-Кларджети, а в соответствии с планами правителей Абхазского царства. Основывается эта концепция на собственном понимании ученым уровня и особенностей социального развития раннесредневековой Абхазии. Меликишвили Г.А. считает, что в отличие от Картли и Тао-Кларджети, где феодальные отношения были достаточно развиты, а местные феодалы вели ослаблявшие центральную власть междоусобицы, сравнительная недифференцированность социальной организации Абхазского царства была основой его политической силы. Именно этой особенностью Абхазского

[57] Джавахишвили И. А. Указ. соч. – С. 123. – С. 123-124.

[58] Меликишвили Г. А. Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии. – Тб., 1972.

царства им объясняется главенствующая роль Абхазского царства роли гегемона в объединительном движении в масштабах всей Грузии.[59]

В основе концепции Г.А. Меликишвили и такой посыл, как разность статуса и ролей Абхазского царства и Тао-Кларджети. С его точки зрения, Тао-Кларджетское царство «фактически было креатурой Византии и возникло под ее покровительством» и, наоборот, образование Абхазского царства было актом, направленным против Византии и по существу являлось отторжением от нее».[60]

В одной из своих работ новую интерпретацию главного сообщения «Летописи Картли» об Абхазском царстве дает Ш. Бадридзе, который вопреки мнению большинства исследователей о том, что отпадение Абхазии от империи – это событие, происшедшее в конце VIII в. датирует этот акт 70-ми годами VIII в. Он утверждает, что именно в это время политические возможности Византии были наиболее ограниченными и положение ее совсем «не характеризуется устойчивостью».[61]

Вопросам Абхазского царства уделяется значительное внимание в монографии М. Д. Лордкипанидзе «Политическое объединение феодальной Грузии в IX–X вв.» (Тбилиси, 1963). В ней политическое положение Абхазии рассматривается на фоне сложной международной ситуации, когда ей приходилось отстаивать свою независимость не только от арабов, но и от византийцев. Со многими ключевыми оценками и выводами автора мы не согласны в корне, о чем подробно будет сказано в соответствующей части работы.

Вопросы взаимоотношений Абхазского царства и Византии затрагиваются в трудах С. Г. Каухчишвили, в особенности в комментариях к своду сообщений византийских писателей о Грузии («Георгика») .[62]

[59] Меликишвили Г. А. Указ. соч. – С. 54, 56, 145.

[60] Там же. – С. 12.

[61] Бадридзе Ш. О времени и условиях образования Абхазского царства // Труды Тбилисского ун-та. – Вып. IV. –Тб., 1972.

[62] Амичба Г. А. Политическое положение раннесредневековой Абхазии (VI–X вв.). – Сухуми,

Наиболее тщательно Абхазское царство в различных его аспектах изучается в работах Г.А. Амичба[63] и М.М. Гунба[2]. Полноценность создаваемой на основе письменных источников исторической картины возрастает благодаря использованию археологических материалов, научная значимость которых будет возрастать в соответствии с масштабами их поисков. Перспективе археологических исследований при изучении проблем взаимодействия в этническом, культурном и политическом отношениях с греческим миром придавал большое значение абхазский археолог М.М. Трапш. Ему принадлежит археологическое изучение Анакопии, одного из наиболее значительных фортификационных сооружений не только средневековой Абхазии, но и всего Черноморского побережья Кавказа, вокруг которого и произошло образование Абхазского царства.[64]

Хочу заметить, что в современной литературе повысился научный интерес к материальной культуре раннесредневековой Абхазии, в том числе и Абхазского царства. В ней поднимается множество вопросов, касающихся живописи, керамического производства и военно-фортификационного строительства. Часто их изучение осуществляется в русле абхазо-византийских отношений.

Интересные исследования принадлежат известному археологу, профессору О. Х. Бгажба[65]. Прослеживая динамику развития керамического производства, он обнаруживает существование тесных связей Абхазии с Византией, Закавказьем и Северным Кавказом.

Различные вопросы истории материальной культуры Абхазии I тыс. н.э. стали предметом научных изысканий архео-

1983; его же: Средневековые грузинские нарративные источники об Абхазском царстве и Абхазском княжестве; его же: Сообщения средневековых письменных источников об Абхазии. – Сухуми, 1986.

[63] Гунба М. М. Очерки истории Абхазии. – Сухуми, 1982. Его же: К вопросу о времени возникновения Абхазского царства // Труды АбИЯЛИ. Т. 11. – Сухуми, 1973.

[64] Трапш М. М. Труды. – Т. IV. –Сухуми, 1975.

[65] Бгажба О. Х. Материальная культура средневековой Абхазии (VI–X вв.). Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. – М., 1978.

лога Ю.Н.Воронова,[66] который рассматривает период со второй половины VIII по X вв. как отдельный этап в развитии средневековой культуры Абхазии.

Отдельные памятники абхазской архитектуры, созданные под византийским влиянием, рассматриваются в работах А. Л. Якобсона и М. К. Хотелашвили. В отношении некоторых из них авторы предлагают серьезные основания для передатировки и определения их принадлежности к византийской архитектурной школе.[67]

Много интересных соображений о влиянии византийской культуры на культуру Абхазии высказал Л.А.Шервашидзе,[68] который наиболее целенаправленно исследовал средневековую монументальную живопись Абхазии. При выявлении различных иноземных влияний на нее (эллинов, раннехристианского искусства, столичного византийского искусства, искусства Афонской горы) ученый пришел к выводу о существовании местного художественного центра.

При изучении культурного контекста абхазо-византийских отношений в научной литературе обнаружились разные и порой непримиримые мнения. Наибольшее распространение имеют две позиции: если грузинские исследователи считают несомненной принадлежность христианских памятников Абхазии к грузинской школе (М. Д. Рчеушвили, М. В. Цинцадзе и др.), другие, напротив, доказывают, что культура Абхазии испытала сильное влияние со стороны Византии (Ю. Н. Воронов, А. Л. Якобсон, Л. Г. Хрушкова).

Специальную монографию скульптуре Абхазии посвятила Л.Г. Хрушкова.[69] Она считает, что памятники раннесредневековой скульптуры Абхазии близки к византийским памятникам и что проникновение и утверждение христиан-

[66] Воронов Ю. Н. Материальная культура Абхазии в I тыс. н.э. Краткие сообщения института археологии АН СССР. – М., 1979. №159.

[67] Якобсон А. Л. О дате большого храма в Пицунде //Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – М., 1972 и др.

[68] Шервашидзе Л. А. Некоторые средневековые стенные росписи на территории Абхазии. – Тб., 1971.

[69] Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. V–X вв. – Тб., 1980.

ства и разнообразные контакты с Византией являются важнейшим фактором в сложении облика культуры Абхазии.

Интересным и перспективным представляется направление работ северокавказских археологов, которые при изучении новых археологических материалов обнаруживают близость ряда аспектов материальной культуры Абхазии и Алании. Это работы В.А. Кузнецова,[70] К.Н. Афанасьева,[71] М.Н. Ложкина,[72] в которых сопоставляются различные памятники архитектуры Северного Кавказа, которые проявляют большие сходства с памятниками Абхазии и носят явные черты византийской архитектурной школы. Это обстоятельство вполне согласуется с процессом, фиксируемым письменными источниками.

Серьезным недостатком литературы о средневековой культуре Абхазии является отсутствие специальных разысканий по выявлению ее самобытных черт. Исследователи, за редким исключением, ограничиваются изложением общего тезиса о том, что происходил процесс творческой переработки иностранных образцов местными художниками и строителями.

Некоторые вопросы нашей проблематики нашли отражение в зарубежной европейской литературе.

При исследовании арабо-византийского контекста французский исследователь М. Канар затрагивает вопросы истории Кавказа. Исключительно на сведениях византийского автора Феофана Исповедника базируется одна из его работ,[73] посвященная исследованию «кавказского эпизода» Льва

[70] Кузнецов В. А. Северный Зеленчукский храм X века // Советская археология. 1964. - №4; его же: Христианство в Алании до X века // Известия Юго-Осетинского НИИ. – Вып. XXIII. – Тб., 1978.

[71] Афанасьев К. Н. Типологический и пропорциональный анализ верхнекубанской группы храмов Северного Кавказа // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. – Орджоникидзе, 1986

[72] Ложкин М. Н. Новые памятники средневековой архитектуры в Краснодарском крае // Советская археология. – №4. – М., 1973.

[73] Canard M. L'aventure caucasienne du spathaire Leon le future empereur Keon III // Revue des etudes armeniennes. Paris. – 1971. – Nouvell serie /-t/ VIII. – P/. 353–357.

Спафария. В ней освещается один из важнейших этапов в истории развития абхазо-алано-византийских отношений в раннем средневековье.

Работы другого зарубежного ученого Фр. Дворника[74] показывают, что его интерес к истории Абхазии и Абхазскому царству был далеко не эпизодичным. Еще в 30-х годах прошлого века он специально поставил рассмотрение вопроса об условиях образования Абхазского государства в зависимость от изучения истории абхазо-византийско-хазарских отношений в последней трети VIII в.

Фр. Дворнику принадлежит наиболее подробное изложение событий, связанных с абхазо-византийскими взаимоотношениями в первой половине IX в., на материале византийских источников. Кроме того, Фр. Дворник остановился на такой сложной теме истории Абхазии, как роли абхазского, греческого и грузинского языков в Абхазском царстве.[75]

«Дивану абхазских царей» посвятил специальную работу К. Туманов,[76] предложивший собственную интерпретацию его хронологических сведений, приведя их в согласие с данными «Летописи Картли».

Одним из частных результатов работы К.Туманова является признание необходимости пересмотреть идентификацию Фр. Грумелем тех правителей Абхазского царства, которые были адресатами Николая Мистика.

К настоящему моменту, когда история взаимоотношений Абхазского царства и Византии исследователями зачастую сводится к нескольким хрестоматийным фактам, научную ценность представляет публикация А. Коллауца «Абазги-Абазгия», в которой наиболее систематизированы сведения средневековых авторов об Абхазии в византийскую эпоху. [77]

При изучении правового аспекта международных связей

[74] Dvornik /Fr. Les legends de Constantin et de methode mes de Byzans/– Prague, 1933.

[75] Дворник Фр. Миссии греческой и западной церквей на востоке в средние века // XIII Международный конгресс исторических наук. – Москва, 16-23 августа. – М., 1970.

[76] Toumanoff C. Chronology of the kings of Abasgia and other probleme.

[77] Kolautz A. Abasgen-Abasgia // Reallexikon der Byzantinistik. Amsterdam. – 1969. – Reine A. – Bd. I. – Hf. 2.

Византии вопроса о политическом статусе и титуловании правителей соседних с Византией стран, в том числе и абхазских царей, касается Ф. Дельгер.[78]

Особенно интересным представляется исследование Э. Нойбауэр, где рассматривается вопрос о периодизации истории средневековой архитектуры Абхазии и художественно-научной оценки архитектурных памятников, находившихся под сильным византийским влиянием.[79]

Определенное значение в качестве теоретического подспорья для нашей работы имеет исследование Д. Оболенского, в котором автор выявляет специфику имперской внешней политики в конкретных регионах. [80]

Для осмысления основных тенденций социального развития большое значение имеют теоретико-методологические положения в монографии проф. А. П. Новосельцева «Генезис феодализма в странах Закавказья» (Москва, 1980). Основной идеей этой фундаментальной работы является положение о том, что феодальные отношения в странах Закавказья развивались на основе разложения доклассовых и раннеклассовых связей при определенной роли рабовладельческого уклада.

В 1967 г. вышла в свет трехтомная история Византии. Нами учтены положения ее авторов, содержащиеся во II и III томах и относящиеся к периоду, рассматриваемому в книге.

Кроме того, привлекаются работы таких известных византинистов, как М. В. Левченко, Г. Г. Литаврин, З. В. Удальцовой и Е. Э. Липшиц, без которых трудно было бы разобраться во внутренней и внешней политике Византийской империи, нередко обусловливавшей характер ее политических сношений с Абхазским царством.

[78] Dolger P. Byzanz und die europeieche staatenwelt // Buchkunet Verlag Ettel, 1953. Die familie der konige im Mittelaiter. – S. 34–69.

[79] Naubauer E. Abchasiache Architektur im Spannungafeld zwischen Georgien und Byzanz (6 bie 11. Jahrhundert) // Byzantinischer Kunstexportseine gesellachaftliche und kunstlerische Bedeuting fur die Lender Mittel – und Osteuropes. – Hello. – 1978.

[80] Obolensky D. The principles and methode of Byzantine diplomacy // Actes du XII – e Congres international d'etudes byzantines. Ochride, 10-12 Septembre 1961. T. I. Beograd.

В целом привлечение большого количества исследований позволит нам реализовать поставленные задачи и создать полноценную картину развития абхазо-византийских отношений в VIII–X вв.

ГЛАВА II. ОБРАЗОВАНИЕ АБХАЗСКОГО ЦАРСТВА

§1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АБХАЗИИ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Предпосылки образования Абхазского царства, самостоятельного средневекового государства на Кавказе, активной политической силы с харизматическими правителями, сложились намного раньше его официального оформления. Прежде всего речь идет о наиболее общих тенденциях социально-экономического и политического развития Абхазии в период раннего средневековья. Осмыслить их пытаются историки, в поле зрения которых в разное время оказывались вопросы истории Абхазского царства. Задача непростая, ее усложняют малочисленность источников и их интерпретационные трудности.

В период раннего средневековья Абхазия, впрочем, как и соседняя Эгриси, включается в общее русло социального развития закавказского региона, где «шел процесс исчезновения свободного крестьянства и формирования класса-сословия феодально-зависимых (не крепостных) крестьян».[81]

Речь идет об усложнении процесса общественного развития Абхазии в период, предшествующий образованию независимого Абхазского царства. Для определения хотя бы общих контуров «социального портрета» абхазского общества в означенное время следует уточнить возможности источников. Это сведения, зафиксированные византийскими историками Прокопием Кесарийским (VI в.), Феофаном Исповедником (VIII–IX), грузинским писателем Иоанном Сабанисдзе (VIII) и автором «Летописи Картли» (XI). Исключительно на них опираются историки при исследовании вопроса о социальных отношениях в Абхазии и Эгриси. Но при этом представления по данному вопросу серьезно разнятся, особенно в части понимания уровня социально-экономического развития Абхазии.

[81] Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья. – М., 1980. – С. 91.

Обратимся к сведениям Прокопия Кесарийского, видевшего мир сквозь призму острейших социально-политических конфликтов. В сочинении «Война с готами» Прокопий дает два важных указания, чрезвычайно интересных и ценных для исследования социальной структуры политических образований Абхазии в VI веке. В одном из них рассказывается о том, как иранский военачальник Набед, отступая из Абазгии, «взял себе от них в качестве заложников шестьдесят мальчиков, из числа самых знатных»[82]. В другом случае сообщается о событии, завершившем противостояние в абхазском обществе. «Абазги, низложив своих царей, решили жить свободно», – говорит Прокопий.[83]

На эти сообщения Прокопия первым обратил внимание акад. С. Н. Джанашиа, специально изучивший общественные отношения в Абхазии в VI в. Именно они дали основание ученому отнести «победу» феодальных отношений в Абхазии к VI веку. Первое указание Прокопия о взятии Набедом в заложники абазгских мальчиков «из числа самых знатных» С. Н. Джанашиа считает свидетельством наличия у абазгов родовитой феодальной знати.[84] А что касается рассказа о произволе абазгских правителей и восстании народа абазгов против них, то он комментируется им как доказательство существования достаточно развитой общественной дифференциации. Суть описанных Прокопием событий в Абазгии понимается С. Н. Джанашиа как «переворот молодого феодального класса» в Абхазии.[85] Концептуальное понимание проблемы С. Н. Джанашиа сводится к признанию того, что Абазгия в VI в., тогда же, когда и в Картли, и Лазике, пережила «феодальную революцию», с тем отличием, что если в Картли этот процесс растянулся на два с лишним столетия (IV–VI), то в Абазгии он протекал в основном в рамках VI века, хотя зачатки его возникли значительно раньше.[86]

[82] Прокопий из Кесарии. Война с готами. –М., 1960. –С. 400.
[83] Там же. – С. 383.
[84] Джанашиа С. Н. Феодальная революция в Грузии//Труды. –Т. 1. –Тб., 1949. –С. 60.
[85] Там же. – С. 112.
[86] Там же. – С. 112.

Позже на этом же вопросе подробно остановился З. В. Анчабадзе. Присоединившись к мнению С.Н. Джанашиа, развивая его мысль, он детализировал интерпретацию сведений Прокопия.

«И действительно, – пишет З.В. Анчабадзе, – замечание Прокопия «из числа самых знатных» несомненно указывает на то, что речь идет о верхушечной части господствующего сословия среди абазгов, наряду с которой должна была существовать и рядовая знать, подчиненная, надо полагать, «самым знатным».[87]

Относительно уровня развития социальных отношений к этому времени З. В. Анчабадзе считает, что «до полной победы феодализма в Абазгии было еще далеко»[88]. Этнополитические образования Абхазии, а именно Абазгию, Апсилию, Мисиминию, он также как и С. Н. Джанашиа, характеризует как раннеклассовые (раннефеодальные) организации, в которых наряду с ведущим феодальным укладом продолжали играть значительную роль пережитки дофеодальных отношений.

Академик Г. А. Меликишвили иначе комментирует цитировавшиеся выше данные Прокопия. Сообщение о том, что «абазги уничтожили обоих царей и решили жить свободно» историк характеризует не как «феодальную революцию», а как «революцию общинников» против нарождающегося классового строя.[89]

Ученый подробно изложил концепцию о различиях в социально-экономическом развитии отдельных исторических областей Закавказья в раннем средневековье. Суть ее состоит в утверждении, что в позднеантичное время Картлийское (Иберийское) общество представляет довольно развитый в социальном отношении организм, а Западная Грузия, с точки зрения Г. А. Меликишвили, шла по пути феодализации более замедленным темпом. Причину данного обстоятель-

[87] Анчабадзе З. В. Указ. соч. – С. 17.
[88] Анчабадзе З. В. Указ. соч. – С. 21.
[89] Меликишвили Г. А. Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии. – С. 143.

ства он усматривал в скудости экономической базы данного региона, ограничивавшей возможности эксплуатации непосредственного производителя.

Ученый опирается на сведения Прокопия и Агафия Схоластика о работорговле в рассматриваемом регионе. Продажей пленных в рабство и обложением соседей данью, отмечает Г. А. Меликишвили, местная военно-родовая знать должна была удовлетворить свои возросшие потребности.[90] В сохранении среди лазов института народного собрания (сообщения Агафия) ученый видит пережиток родоплеменных отношений. Как свидетельство не очень высокого уровня социальных отношений интерпретирует он не совсем установившийся порядок престолонаследия у лазов.

Что касается социально-экономической характеристики древней Абхазии, Г. А. Меликишвили отмечает, что в VI–VII вв. социально-экономическое развитие шло в направлении образования классового общества и государства, но считает безосновательным постулировать быструю феодализацию абхазского общества. В VII–VIII вв., с его точки зрения, основная масса непосредственных производителей все еще сохраняла личную свободу и не была лишена также собственности (в личной или общинной форме) на средства производства.

Апофеозом рассуждений акад. Г.А. Меликишвили по этому вопросу стало следующее заключение: источник силы абхазских правителей, добившихся серьезных успехов уже в VII в. именно в низком развитии феодальных отношений, в большей монолитности, в наличии малодифференцированного общества незакрепощенных общинников.[1]

Изложенные точки зрения весьма интересны, логично выстроены. Однако сведений Прокопия Кесарийского и Агафия Миринейского в этой связи недостаточно для столь однозначных оценок социально-экономического состояния Абхазии, Эгриси и других кавказских регионов. Как заметили, расхождения во мнениях историков особенно проявляются при оценке уровня феодализации. Другое дело, когда это касается определения основной тенденции социально-эконо-

[90] Меликишвили Г. А. Указ. соч. – С. 144.

мического развития Абхазии в эту эпоху. Цитировавшиеся выше византийские источники оказываются в этом достаточно полезными. Во-первых, уже в VI в. наблюдается активный процесс социальной дифференциации в абхазском обществе. Во-вторых, этот процесс характеризует переходный период, когда феодализм зарождался в острых противоречиях общественной жизни. Вспомним как долго, вяло, спонтанно и тяжело развивался византийский феодализм.

В свете изучения социально-экономической истории Абхазии в раннем средневековье важное значение имеет сообщение грузинского автора Иоанна Сабанисдзе, а именно описание им Абхазии 80-х годов VIII в. Тем более что автор писал о событиях, современником которых он являлся.

Так, повествуя об уходе картлийского правителя Нерсе из Картли с приходом туда арабов и его пребывании в Хазарии, Иоанн Сабанисдзе пишет: «По прошествии некоторого времени Нерсе стал просить северного хазарского царя отпустить его в страну Абхазскую, куда с самого начала отправил мать, жену с детьми и всех своих домочадцев, а также и имущество свое, ибо страна та была защищена от страха перед сарацинами. Бог укротил сердце северного царя, и он отпустил Нерсе со многими дарами... Когда они прибыли в Абхазскую страну, князь той страны принял Нерсе со всеми его приближенными. Нерсе увидал государыню – мать свою, жену и детей своих; все они с радостью возблагодарили Бога, что собрались живыми и благополучно. Когда князь Абхазский узнал, что блаженный Або новокрещенный, он очень обрадовался со всем своим народом. Князь, епископ и священники призвали Або и благословили его, возвещая ему слова спасения и благовествовали о Христе и вечной жизни... Больше всех благодарил бога блаженный Або, потому, что нашел он ту страну полной верующих в Христа и никого неверующих не было среди коренных (жителей) в ее пределах».[91]

Комментируя приведенную цитату, академик С. Н. Джанашиа пишет: «...описание внутреннего состояния Абхазии

[91] См.: Кекелидзе К. Раннефеодальная грузинская литература. – Тб., 1935. – С. 65-66.

так и дышит благополучием и рисует силы, накопленные в результате предыдущего развития страны».[92] За истекший после Прокопия период в Абхазии произошли важные изменения. Они связаны с успешной христианизацией, углублением феодальных отношений, военно-политическими победами.

Цитированный выше рассказ Иоанна Сабанисдзе подтверждает новый социально-экономический уровень Абхазии, ее стабильность, защищенность от арабов, а отмеченный расцвет христианства вполне можно увязывать с определенным этапом феодального развития Абхазии. Прав С. Н. Джанашиа, когда говорит, что в развитии абхазского феодализма большую роль сыграло христианство. Действия Леона I и объективные процессы социально-экономического и военно-политического развития Абхазии стали более предсказуемы после Анакопийской победы. Что касается христианства, должно быть, его влияние на процесс консолидации земель и этноса был действенным. Более того, христианское мировоззрение было важным психологическим и идеологическим подспорьем в противостоянии абхазов арабскому наступлению в Закавказье. Оно существенно дополняло возросший военно-политический потенциал Абхазии.

«Ускоренный процесс развития, – писал М. М. Трапш,– стимулировавшийся связями с Римом и римской торговлей, заложил основы для экономического, политического развития и этнической консолидации абхазских племен, и таким образом были созданы предпосылки, с одной стороны, к образованию в VIII–IX вв. независимого Абхазского царства, с другой – для начала формирования абхазской народности».[93]

Длительное византийское присутствие тем более должно было существенно повлиять на развитие социально-экономических, общественных отношений в Абхазии. Но конкретизировать процессы в этом контексте почти невозможно. Веских аргументов, подтверждающих утверждение о том,

[92] Джанашиа С.Н. О времени и условиях образования Абхазского царства // Труды. – Т. II. – Тб., 1952. – С. 337.

[93] Трапш М. М. Труды. – Т. IV. – Сухуми, 1975. – С. 12-13.

что «характер социально-экономического развития Византии в VII–VIII вв. были абсолютно чужды господствующему феодальному сословию абхазского общества»,[94] нет.

Вся история взаимоотношений Византии и Кавказа подтверждает заинтересованность Византии в кавказском регионе в связи с его важным торгово-экономическим и стратегическим значением. Известно, что особый интерес империя проявляла к «Шелковому пути». Эта великая дорога древности и средневековья, протянувшаяся от Китая к Ближнему Востоку и Средиземноморью, долгое время была «связующей артерией в самых разных областях культурного и духовного обмена между далекими народами».

Особое место на этом пути занимал Иран, державший под своим контролем все продвижение шелковых тканей и сырья, облагая их высокими пошлинами. Монополизирование торговли китайским шелком со стороны иранских купцов, начиная уже с VI в., шло вразрез с торговыми интересами Византии. Последняя, стремясь обойти Сасанидский Иран и установить контакты прежде всего с согдийскими купцами – партнерами китайских поставщиков шелка, выбрала новый обходной маршрут, который шел из Средней Азии по Северному Кавказу, через абхазский перевальный путь в Апсилию к Черному морю, а затем в Трапезунд. Отсюда купцы добирались до Константинополя.

Северокавказские могильники (Мощевая Балка, Хасаут, Эшкакон), давшие обильные находки иноземных шелков, лежат в глуби предгорий, на высоте 1000–1500 м. над уровнем моря, главным образом к западу от Кабарды. Обитавшие здесь адыго-аланские племена держали в руках подступы к западным перевалам (Санчарскому, Марухскому, Клухорскому), которые выводили на юге как раз в районы, упоминаемые Менандром: в «Апсилию», к Питиунту и крупнейшему перевальному пункту черноморского побережья Кавказа – Фазису.[95]

Ответвлением «Шелкового пути», проходившего по Се-

[94] Анчабадзе З. В. Указ. соч. – С. 75.

[95] Иерусалимская А. А. «Великий Шелковый путь» и Северный Кавказ. – Л., 1972. – С. 3.

верному Кавказу, являлся мисиминский путь. (Мисиминия – юго-восточная, нагорная часть Абхазии VI столетия). На этом пути находился важный караванный пункт – крепость Бухлоон, переданная византийцами в VI в. аланам. Участие Абхазии в торговых операциях, осуществлявшихся по Великому Шелковому пути, функционирование его абхазского участка в значительной степени стимулировало торгово-экономическую активность на абхазской территории, соответствовало экономическим интересам абхазов. Это один из важных каналов приобщения страны к международным экономическим и политическим связям.

Необходимо коснуться вопроса о значении в социально-экономическом развитии Абхазии ее «географического статуса» прибрежной страны. Известно, что прибрежные жители достигают определенных успехов в судостроении и становятся смелыми мореплавателями». В жизни Абхазии, как и всего причерноморского региона, большую роль играла понтийская торговля. Главным условием мореходства в Абхазии была торговля, в частности пленопродавство, а также пиратство, процветавшие на Черном море с античного времени.

О развитии в Абхазии торговли и денежного обращения свидетельствует Феофан Хронограф. Он говорит об оживленной торговле абхазов с аланами, а также об использовании абхазами денег для подкупа алан, чтобы заполучить у них своего врага – спафария Льва.

О длительных торговых связях Византии и Абхазии свидетельствует ареал распространения монет.[96] Империя была заинтересована в экономических ресурсах Восточного Причерноморья. Корабельный лес, шерсть, пушнина, кожа, мед, воск, рабы – вот неполный перечень вывозимых Византией из региона товаров.

Именно в эпоху раннего средневековья, когда начала развиваться торговля, через горные перевалы были проложены дороги, соединившие Западный Кавказ с Северным Кавказом.

[96] Бокучава Г. К. Нумизматические приобретения Абхазского госмузея за 1957 год // Труды Абх. госмузея. III. –Сухуми, 1958. – С. 109–118.

В то же время в горной зоне, особенно на древних перевальных путях, возникли характерные только для Абхазии постройки ацангвара («ограда карликов»). По мнению одних ученых, они служили для укрытия путников вдоль древних горных дорог, по мнению других – использовались как загоны для скота в непогоду.

Изложенный выше торгово-экономический пассаж усиливает наше понимание динамичного развития раннесредневековой Абхазии, превратившейся на целый ряд столетий в один из доминирующих центров в регионе Кавказ–Византия.

Образование Абхазского царства стало важным условием дальнейшего социально-экономического развития региона.

Абхазское царство являлось крупным для того времени государством с достаточным количеством городов, крепостей и храмов. В период с конца VIII по X вв., когда его внешние связи приобретают сложный и активный характер, повысилась роль Черного моря, как пути международных отношений. Население Абхазского царства вело интенсивную торговлю с грузинскими государственными образованиями, странами Ближнего Востока и Средиземноморского бассейна. Столицей Абхазского царства становится Кутаис, расположенный на территории Лазики.

В средние века на побережье Абхазии существовал город и крепость Анакопия. Это важный фактор могущества Абхазии. Крепость Анакопия рассматривается специалистами как наиболее значительное фортификационное сооружение не только на территории Абхазии, но и на всем Черноморском побережье Кавказа. В VII в. она служила центром и мощным опорным пунктом Западноабхазского княжества абазгов, а позднее, в конце VIII в., вокруг нее образовалось объединенное Абхазское царство, первоначальной столицей которого она являлась.

Результаты анакопийских раскопок в 1957–1958 гг. вместе с другими археологическими материалами подтверждают зафиксированный источниками факт наибольшей интенсивности абхазо-византийских отношений в первой поло-

вине X века. Здесь было найдено 15 монет, среди которых только одна (серебряная) монета не византийская, наиболее поздняя чеканена во второй половине XI в. Для анакопийских монет, относящихся ко времени с рубежа IX–X и до конца XI вв., характерна та особенность, что большее число их относится к первой половине X в[97].

Об экономическом подъеме в Абхазском царстве свидетельствует и широкая культурная деятельность абхазских царей, в особенности их церковное строительство на территории Абхазского царства.

Церкви имели большой вес в экономической, политической и культурной жизни страны. Они по существу были настоящими феодальными владениями, обогащавшимися пожертвованиями и пожалованиями царей. Так, Баграт III построил Бедийский храм, пожаловал ему много сел с ущельями.[98]

Некоторые сведения о социальной политике абхазских царей имеются в таких грузинских материалах, как документ из Шио-Мгуимского монастыря: это податной документ, в котором пещерником Микаелем определяются повинности (861–863 гг.), которые он получает по этому поводу от абхазских царей Баграта и Константина, либо это стела цхразмийских хевисупалов (923–926 гг.), в которой упоминается царь Константин, бывший правитель Картли.[99]

Из «Летописи Картли» можно почерпнуть сведения о том, что абхазские цари в завоеванных восточногрузинских землях владетелями крепостей ставили своих людей, формируя таким образом социальную опору. К последним принадлежат упоминаемые в этом сочинении Иване и Хахуа Аршисдзе,[100] абхазская идентичность которых более чем вероятна.

«Летопись Картли» содержит важную информацию о социально-политическом строе, общественных отношениях. На

[97] Голенко К. В. Монеты из раскопок Анакопийской крепости в 1957-1958 гг // Византийский временник. – Т. XXXV. – М., 1964. -С. 159.

[98] Картлис Цховреба. – Т. I. – С. 281.

[99] Грузинские документы IX–XV вв. – С. 15.

[100] Картлис Цховреба. – Т. I. – С. 268 .

начальном этапе Абхазское царство представлено как монолитное (в социальном смысле) общество, но впоследствии общественные отношения усложняются и на этом фоне время от времени в разных воеводствах страны происходят «беспорядки», о чем и сообщает летописец. Так, например, имея в виду время правления в Абхазском царстве Феодосия Слепого (975–978) он сообщает: «Разлагалась вся страна эта, сменились закон и правление, установленные первыми царями. Взирая на все это, пребывали вельможи той страны совместно в великой печали».[101] В другом месте, уже относительно времени воцарения на абхазском престоле Баграта III, источник сообщает: «Привел (Баграт. – **И.А.**) в порядок и (наладил) правление всех дел абхазских: непокорных ему отстранил от дел вельможных, а их места насадил верными, беспрекословно исполнительными и покорными воле его».[102]

Раннефеодальные отношения в Абхазском царстве в VIII–X вв. переживали серьезную трансформацию, что проявлялось в усилении дестабилизации в обществе, столкновении интересов между элитами присоединенных к Абхазии земель и центральной властью. Еще А. В. Фадеев рассматривал в качестве причины политической дестабилизации углубление социальной дифференциации в Абхазском царстве .

Вопрос о социально-экономическом развитии раннесредневековой Абхазии, характере и динамике общественных отношений нуждается в дополнительном изучении, тем более что возможности археологических материалов в этой связи далеко не исчерпаны.

§2. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АБХАЗИИ В VIII В. ОТ КНЯЖЕСТВА К ЦАРСТВУ

Еще в VII в. сохраняется разделенность Абхазии на отдельные этнополитические единицы – Абазгия, Апсилия, Мисиминия, Санигия. Но уже тогда в их политической жизни наблюдается тенденция, направленная на преодоление

[101] Картлис Цховреба. – Т. I. – С. 268.

[102] Там же.

их «автономности». Дело в том, что в VII и первой половине VIII в., когда арабские завоевания создают огромные сложности в международной жизни, угрожая и Византийской империи, и Кавказу, а Эгриси переживает заметное ослабление, вокруг Абазгии идет процесс объединения основных абхазских земель. Он был ускорен внешней угрозой. Если в VI веке абхазы безуспешно лавировали между Ираном и Византией, то же самое предстояло им пережить в условиях соперничества византийцев и арабов на территории Абхазии в VIII в. Но возможности обороны от арабских завоевателей и противостояния византийскому политическому диктату усиливались по мере ускорения процесса консолидации абхазской народности и политического объединения Абхазии.

«Уже в VII веке, – писал по этому поводу А. Бриллиантов, – очевидно политическое значение Абазгии, активно вмешивавшейся в политическую жизнь соседних этнически близких племен, которых она объединила вокруг себя уже в VIII веке».[103] Как единый народ они представлены в источнике применительно к VIII в. Армянский географ конца VII в. называет апсилов и абазгов вместе как обитателей «страны авазгов» (отдельно от Лазики).[104] Или Феофан Исповедник в связи с событиями начала VIII в. говорит об Апсилии как о внутренне самостоятельном владении во главе с Маринэ, которого он называет «первейшим человеком среди апсилов».[105] Но после этого Апсилия как самостоятельная единица нигде не упоминается, и приблизительно с 30-х–40-х годов VIII в. она уже рассматривается как составная часть «Абхазии».[106] Джуаншер, повествующий о событиях 30-х годов VIII в., говорит не об отдельных абхазских племенах, а только об «абхазах».[107]

Политическое объединение абхазских земель происходило вокруг главного центра Абазгии – Анакопии, становление которой в качестве «национальной» столицы происходило на протяжении всего VII столетия. Политическое и военное преобладание Абазгии объясняется некоторыми обстоятельствами: во-первых, в силу более выгодного географического положения более защищенное владение абазгов оказалось сильнее и уже с VI в. пользовалось большей политической самостоятельностью, во-вторых, в борьбе за освобождение Абхазии от арабов (в середине 30-х годов VIII в.) ведущую роль сыграла Анакопия, символизировавшая явный подъем Абхазии.

Вассальная зависимость от Византийской империи сохранялась еще долго. Осуществляя свой суверенитет над Абхазией, империя опиралась непосредственно на свои военные гарнизоны в Питиунте, Севастополисе и в районе Келасурской стены. Правители Абхазии в силу своего вассального положения должны были оказывать византийскому правительству военную помощь. В случае необходимости они (как и многие другие кавказские правители) поставляли воинские контингенты и выступали в таких случаях в качестве союзников империи. «Методы византийской колонизации, – писал А.В.Фадеев, – представляли сочетание коммерческого влияния и религиозной пропаганды с вооруженным захватом и насилиями военно-карательных экспедиций, опустошавших самые производительные нагорные районы»[108].

В конце VII – начале VIII в. ухудшается положение Византии. Она переживает период политической анархии, вызванной борьбой различных группировок господствующего класса за престол. В 695 г. была свергнута династия Ираклия, начался, как характеризует французский ученый Ш. Диль, двадцатилетний период анархии (695-717).[109] Этой обстановкой воспользовались арабы. Они опустошили Малую Азию, вторглись в Армению, восставшую против Византии в 703 г., а также прочно утвердились в Картли. Империя находилась в отчаянном положении.

[103] Бриллиантов А. О месте кончины и погребения Максима Исповедника // Христианский Восток. – T.VI. –Вып. 1., Пг., 1917. – С. 10.

[104] См.: Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. – Сухум, 1922. – С. 92.

[105] Theophanis Chronographie. – P. 204.

[106] Джавахишвили И. А. История грузинского народа. – С. 45.

[107] Картлис Цховреба. – Т. 1. – С. 242.

[108] Фадеев А. В. Указ. соч. – С. 8.

[109] Диль Ш. История Византийской империи. – М., 1948. – С. 54.

Достоверно известно, что в это же время против византийцев восстал лазский патрикий Сергий, пригласивший в свою страну арабов. Последние разместились в столице Эгриси (Лазики) –Цихе–Годже, а также на территории Абхазии – Апсилии и Мисиминии. Антивизантийские действия были предприняты и абазгами. Таким образом, армяне, лазы и абазги почти одновременно выступили против имперского присутствия на Кавказе. Возможно, что арабский фактор способствовал углублению разрыва отношений тех с империей.

АВАНТЮРА ЛЬВА ИСАВРА НА КАВКАЗЕ. Последствия разрыва абазгами отношений с Византией описал в своей «Хронографии» Феофан Исповедник. Молодой спафарий Лев подозревался в подготовке покушения на императора. Последний сомневался в справедливости обвинения против спафария, но в то же время не стал рисковать, оставляя его в Константинополе, и отправил его на Кавказ, поручив ему выполнение важной и опасной задачи: наказать восставших против империи абазгов, используя помощь алан. Нахождение Льва Исавра на Кавказе с антиабхазской миссией датируют 707–711 годами. Он отправился в Аланию, чтобы инспирировать нападение алан на абазгов, или же, говоря словами Феофана Хронографа, «чтобы поднять алан против абасгов».[110] Одновременно это была ссылка неугодного императору чиновника, чья карьерная неудача совпала с восстанием абазгов. Лев по началу прибыл в Лазику, оставил там деньги, предназначенные для подкупа алан, и через Апсилию перебрался в Аланию. А между тем оставленные в Лазике деньги по приказу императора вывезли в Византию. Даже при отсутствии денег он смог убедить алан в необходимости поддержать поручение императора.

В процессе выполнения этой миссии Лев Исавр становится участником полных драматизма событий, разворачивавшихся в земле абасгов, алан и апсилов. Появление в Алании византийского влиятельного чиновника взбудоражило абхазов. В «Хронографии» не конкретизируются «прегрешения» абасгов, вызвавшие гнев императора. Ю. Кулаковский, например, в «прегрешениях» абхазов видит грабежи ими торговых кораблей трапезундских купцов, которые торговали с кавказским побережьем.[111] Но автор не называет источник. Ближе к истине А. В. Фадеев отмечавший, что абхазский правитель «пытается провозгласить независимость на всей территории, включающей побережье, порвав всякие отношения с Византией.[112] Антивизантийские действия абхазов, вызвавших приход спафария Льва на Кавказ в начале VIII в., по мнению З. В. Анчабадзе, выразились в попытке отказаться от подчинения империи.[113] Того же мнения и французский исследователь М.Канар.[114] Византийский агент, реализовывая один из важных принципов византийской дипломатии – подкупать и вооружать один «варварский» народ против другого, способствовал нагнетанию обстановки на Кавказе в течение, должно быть, не одного года.

«Аланы, – пишет Феофан, – приняв спафария со всякими почестями и послушавшись его речей, напали на Абасгию и полонили ее»[115]. Удар был нанесен по пограничной территории Абхазии. Абасги в свою очередь предприняли попытку подкупить алан. И за выдачу им спафария предложили сначала три тысячи, затем шесть тысяч золотых номисмов. Польстившись на деньги, аланы приняли это предложение. Одновременно, не решаясь порвать с Византией, они сообщили спафарию, что лишь притворно согласились на предложение абхазов. Мотив своего поведения аланы объяснили тем, что, изучив абхазские ущелья во время сопровождения Льва в Абхазию, они разграбят и опустошат их, тем самым послужив и византийцам.[116]

Маневр удался. «Послы абасгов, взяв спафария с его людьми, связали их и удалились, между тем аланы со своим пред-

[110] Fheophanis Chronographis... P. 204.

[111] Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. – С. 322.

[112] Фадеев А. В. Указ. соч. – С. 7.

[113] Анчабадзе З. В. Указ. соч. – С. 85.

[114] Canard M / L'aventure...– P. 353.

[115] Fheophanis Chronographis ... – P. 20.

[116] Кулаковский Ю. Указ. соч. – С. 322.

водителем Итаксием, напав на абасгов с тыла, убивают их и прячут спафария. Собрав затем войско, он двинулся против Абасгии, напав неожиданно на ущелья, захватив большую добычу, опустошил их страну.[117]

Спустя некоторое время император прислал письмо правителю Абхазии, в котором он просил его спасти Льва Исавра и доставить в Византию. И обещал за это простить абхазам их «прегрешения». По словам Феофана, абасги с радостью приняли это предложение. [118]

Однако же сам спафарий не рискнул ехать через Абазгию и некоторое время отсиживался в Алании. Позднее, связавшись с византийским отрядом, который скрывался в абхазских горах от преследований арабов, Лев овладел апсилийской крепостью Сидерон, находившейся в руках арабов.[119] В этих событиях Абазгия и Апсилия действуют самостоятельно и их политическое слияние под единой властью еще не состоялось.

Финал этих событий, то есть попытки Абазгии отойти от Византии, не следует трактовать как признание абазгами бесперспективности их борьбы с Византией. Отстутствие благоприятных политических условий заставило абазгов склониться к миру и подчиниться империи. Это был еще один политический урок для абазгов. Даже правитель Апсилии («первый среди апсилов») не поддержал действия абазгов. Данное обстоятельство объясняется тяжелой ситуацией, в которой находились апсилы. Их правителю приходилось лавировать в условиях противоборства византийцев и арабов на подвластной ему территории.

Итак, временное отступление абазгов от своих планов было закономерным. Отсутствие союзников, недостаточность собственных ресурсов, незавершенность процесса политического объединения абхазских земель не могли стать благоприятным политическим фоном для отпадения от Византии.

[117] Fheophanis Chronographis... – P. 204.
[118] Ibid.
[119] Ibid.

В письме, адресованном абазгскому правителю, император называет абхазские земли – «наши земли».[120]

«Абхазский материал» Феофана Хронографа комментировали многие исследователи. Различные мнения высказывались, прежде всего, по поводу миссии спафария Льва на Кавказе. Так, например, З. В. Анчабадзе видел ее в изгнании арабов.[121] С. Г. Затейшвили не соглашается с таким толкованием Феофана, отрицает и само присутствие этого факта в цитируемом сочинении.[122] А между тем Феофан совершенно ясно говорит по этому поводу: «В то время в Абасгии, Лазике и Иверии господствовали сарацины».[2] Возможно, что аланы не столкнулись в Абхазии с арабами, как это утверждает С.Г. Зетейшвили. Но это не может служить основанием для отрицания присутствия арабов на территории Абхазии, поскольку аланы не углублялись в Абхазию и набеги их сосредоточивались в абхазских ущельях, расположенных рядом с Аланией.

Комментируя сообщение Феофана, М. Канар пишет: «Дело, о котором идет речь, затрагивает историю связей Византии с кавказскими народами, с одной стороны, связи Византии с арабами, с другой. Эти последние, наследовавшие персам, пытались подчинить своей власти вслед за Арменией и Грузией страны, расположенные на восточном побережье Черного моря».[123]

Нельзя исключать и попытку местных (кавказских) политических элит использовать арабов в антивизантийской компании. Скорее всего, неслучайно и совпадение антивизантийских восстаний с приходом арабов. Византийские власти инкриминировали абхазам пособничество арабам. Они хорошо «разыграли» аланскую «карту» и серьезно расстроили дружественные отношения между абхазами и аланами. Итоги миссии спафария Льва превзошли ожидания

[120] Fheophanis Chronographis. – P. 204; Чичуров И. С. Указ. соч. – С. 65.
[121] Анчабадзе З. В. Указ. соч. – С. 86-87.
[122] Затейшвили С. Г. Сведения об аланах в «Хронографии» Феофана//Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. – М.,1976. – С. 82.
[123] Canard M / L'aventure... – P. 353.

византийского императора. В лице алан Абазгия получила недружелюбный тыл. Полностью блокировать Абазгию византийцам не удавалось, тем более что соседняя Эгриси тоже была враждебно настроена. Аланы же ни тогда, ни позже не стали антиарабским фактором на Кавказе.

На этом этапе методы действий византийского императора в условиях, когда империя переживала тяжелый период и не была готова к серьезному военному мероприятию против арабов в кавказском регионе, оказались успешными.

При всей успешности миссии спафария Льва и готовности алан ради «дружбы» с империей пожертвовать отношениями с Абазгией, согласно летописи, действуя против абазгов в ущелье и в горах, они не могли вывезти византийского чиновника к морю.

Восстание абазгов и разрыв отношений с империей в начале VIII в. – важная страница в истории абхазо-византийских отношений. Трансформация мирных, но неравноправных отношений сторон в военное противостояние – показатель формирования все более реальных ресурсов в Абхазии для борьбы с иноземным военным и политическим присутствием. Одновременно усиливалась тревога имперских властей, которым все сложнее становилось удерживать свою власть на территории с активным и мужественным населением, амбициозными и целеустремленными правителями. Уже в первой трети VIII в. один из абхазских владетелей (Константин) пользуется правом скреплять свои акты и послания вислыми печатями.[124]

Сведения о том, как завершилась авантюра Льва Исавра на Кавказе, имеются в той же «Хронографии» Феофана Исповедника. Выжив в известных драматических событиях, Лев Исавр вернулся в Константинополь и по прошествии некоторого времени захватил власть и стал основателем Исаврийской династии. Произошло это в 717 году и именно под этой датой у Феофана Хронографа излагается летописный рассказ об антивизантийских восстаниях на Кавказе в нача-

[124] См.: Леквинадзе В. А. Вислая печать Константина Абхазского // Сообщения АН Груз.ССР. – Т. XVI. – №5. – Тб., 1965. – С. 404.

ле этого столетия и миссии спафария Льва Исавра в Алании. По времени правление императора Льва III Исавра (717–741) совпало с княжением в Абхазии Леона I. Это было нелегкое для Византии время, но Лев III Исавр, энергичный и мужественный, отстоял позиции империи в жестком военном противостоянии с арабами, пытавшимися захватить сердце империи – Константинополь.

Арабы пытались вытеснить империю отовсюду, в том числе из кавказского региона. В середине 30-х годов VIII в. началось самое последовательное наступление арабов в Закавказье. Характеризуя это время, В. В. Ковалевская пишет: «При Льве в руках Византии оставался лишь Фазис, с востока надвигались арабы, гарнизоны которых уже заняли ряд лазских, апсилийских и абазгских крепостей, а на севере росла мощь хазарской державы» [125].

АНАКОПИЙСКОЕ СРАЖЕНИЕ. Критический момент в борьбе с арабами для Абхазии и Эгриси связан с нашествием арабского полководца Мерван ибн Мухаммеда, в 738 году. Согласно сведениям грузинского историка XI в. Джуашера Мерван сначала вторгся в Картли и овладел восточной Грузией, подвергнув ее страшному опустошению. Тогда «цари картлийские» и все их близкие бежали в Эгриси, а через нее скрылись в Абхазии».[126] Преследуя их, арабы вторглись в Эгриси, откуда Мерван вступил в Абхазию, прорвав укрепления «клисуры», занял «город Апсилии Цхуми» и осадил Анакопийскую крепость, в которой засели царь Картли Арчил и брат его Мир. Леон, правитель Абхазии, находился в этот момент в крепости Собгиси у «осетинского перевала»[127]. Многочисленное войско Мервана –«темная туча саранчи и комаров» казалось непобедимым. Однако и Анакопийская крепость с ее мощными стенами (южная – протяженностью в 450 м – была снабжена 7 башнями, на стенах и башнях стояли катапульты и другие метательные машины и т.д.) не могла казаться арабам легкой добычей. Решающие события

[125] Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. Века и народы. – М., 1984. – С. 138.

[126] Картлис Цховреба. – Т. 1. – С. 234.

[127] Там же. – С. 235.

у стен Анакопии описаны грузинским историком XI в. Джуаншером. Вот его цитата: «И перед рассветом господь бог послал на сарацин зной южный, и заболели они кровяной холерой». По сведениям Джуаншера в результате «от холеры погибло тридцать пять тысяч сарацин, а от меча – три тысячи».[128] Выгодное стратегическое положение Анакопии, мощь ее крепостных и прочих сооружений, а также мужество ее защитников помогли отразить натиск грозного завоевателя. Арабам не удалось завладеть Анакопией и Мервану пришлось отступить. (Для сравнения заметим, что в 718 году в сражении у Константинополя погибло около 30 тыс. арабов).

А между тем арабы нанесли огромный урон Апсилии. В том же 738 году Сулейман-ибн-Исам захватил крепость Сидерон (Тцибила), и в плену оказался правитель Апсилии Евстафий. В месопотамском городе Харане он принял мученическую смерть. На этом фоне значение Анакопийской победы становится еще более конкретным. Она оказала большое морально-психологическое воздействие на те кавказские народы, которые подвергались неоднократным нашествиям арабов, но не были организованы для совместного сопротивления завоевателям. Анакопийская победа ускорила процесс формирования единого Абхазского княжества. Она является яркой иллюстрацией реального усиления Абхазии и последовательного ее превращения в главный форпост антиарабского противодействия на кавказском побережье Черного моря. Внешняя угроза – арабское наступление в Закавказье и недовольство византийской политикой в регионе –ускорила процесс политического слияния абхазских исторических земель и образования в первой половине VIII в. единого Абхазского княжества.

Уже тогда, в преддверии образования независимого Абхазского царства, определился формат тактических и стратегических действий абхазской феодальной элиты во главе с апсха Леоном I. Р. Хазарская (р. Кубань) значится в источнике как северная граница владений Леона I, и это немаловажный

[128] Картлис Цховреба. – Т. I. – С. 235.

факт. Его следует понимать как подтверждение оформления политических границ Абхазии на северо-западе задолго до образования Абхазского царства во главе с Леоном II.

Анакопийское сражение можно поставить в один ряд с такими значительными военными событиями в VIII в., как победа византийцев в 718 году у Константинополя (тогда большую роль сыграл болгарский хан Тервел, придя на помощь осажденным византийцам) и короля франков Карла Мартелла над войсками Абдурахмана у Пуатье в 732 году и т. д.

Как византийские власти отреагировали на победу абхазов над арабами в Анакопийском сражении? Увидела ли империя в этом новую ситуацию на кавказском побережье, в котором главную роль стала играть Абхазия?

Византия пыталась демонстрировать верховенство своей власти в кавказском регионе. Имперские власти подчеркивали их единоверие, играли на религиозных чувствах. И это не всегда подкреплялось реальной помощью со стороны Византии. А между тем, в условиях сохранявшейся арабской опасности союзу братьев Арчила и Мира и Леона I такая помощь нужна была. Они направили письменные послания императору, в которых описывали бедствия, вызванные арабским нашествием и просили оказать помощь. В ответном письме император признал Мира и Арчила своими вассалами и санкционировал их управление Эгриси.[129]

Джуаншер говорит, что император Лев III адресовал специальное письмо Леону Абхазскому, в котором он утвердил его право на наследственное владение Абхазией. «Жалую тебе звание эристава и сыновьям твоим и будущим потомкам навеки, – пишет он, – повелеваю тебе хорошо относиться к царю картлийскому и его народу, ибо отныне ты не должен использовать свою власть в ущерб им и границам их эгрисским».[130]

«Характер предупреждения Леону I, – пишет М. М. Гунба, – свидетельствует, что он имел реальные возможности для присоединения к своим владениям Эгриси и он в какой-то

[129] Картлис Цховреба. – Т. 1. – С. 239.

[130] Там же. – С. 239.

степени проявлял свое стремление к захвату пограничных районов, в противном случае предупреждение со стороны императора было бы неоправданно».[131]

И в самом деле, к тому времени в Эгриси уже нет прежней сильной местной царской династии, более того, накануне тех событий было ликвидировано местное управление, восстановленное теперь из политических соображений. Император защищал собственные интересы на вассальной Византии территории Эгриси. Последняя, видимо, не могла находиться вне досягаемости экспансионистских устремлений усилившегося абхазского правителя и потому имперские власти пытались пресечь планы Леона I в отношении соседних эгрисских земель.

Некоторые грузинские историки пытаются увидеть в Анакопийской победе – победу грузинского воинства и спасавшихся от арабов в Анакопии картлийских правителей. Так, например, Г. В. Цулая считает, что ряд исследователей необъективен в своих оценках по поводу того, что арабы не смогли утвердиться в южном и юго-западном частях бассейна Черного моря. Он возмущается, что они недооценивают роль грузин и переоценивают роль византийского оружия.[132] Но тот же автор, когда речь идет о борьбе с арабами в Абхазии, в частности в Анакопии, практически обходит факт участия в ней абхазов. А между тем, источник достаточно внятно сообщает, что в Анакопии «было с ними (т.е. с Арчилом и Миром. – **И. А.**) небольшое число тадзреулов и людей эриставов и питиахшей до одной тысячи человек, да из абхазского войска две тысячи бойцов».[133]

После Анакопийского сражения на политическую арену выходит крепнущее Абхазское княжество. Оно послужило прочным фундаментом для будущего Абхазского царства, образование которого не было кратковременной вспышкой военно-политического усиления, а подготовлялось в течение долгого времени. Большую роль играл Леон I, который может претендовать на роль «объединителя» абхазских земель.

[131] Гунба М. М. К вопросу о времени возникновения Абхазского царства. – С. 205.

[132] См.: Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала. Пер., введ. и примеч. Цулая Г. В. – Тб., 1986. – С. 38.

[133] Картлис Цховреба. – Т. 1. – С. 237.

СОЮЗ АБХАЗИИ И ХАЗАРИИ. В первой половине VIII в. наблюдается усиление роли Хазарского каганата в политической жизни народов Кавказа, в том числе и Абхазии. Прав М. И. Артамонов, когда пишет, что «невозможно обойти хазар при изложении истории Византии, Арабского халифата и народов Закавказья».[134]

Абхазо-хазарские отношения активизировались в VIII в., но истоки их восходят к более раннему периоду. Согласно сведениям арабского автора Баладзори (IX в.), абхазы и хазары как союзники империи вместе боролись против арабов в середине VII в., когда Хабиб ибн Маслим завоевывал фему Армениакос[135]. Именно в арабском военно-политическом контексте хорошо видно преимущество Абхазии среди других кавказских государственных образований, главным образом Эгриси.

Сближение Абхазии с Хазарией стало необходимостью с 20-х годов VIII в., когда территорию Абхазии арабы превратили в один из плацдармов борьбы против Хазарского каганата. В это время закладывается основа для длительного выгодного военно-политического союзничества между Абхазией и Хазарией. Анакопийское сражение, получившее широкую известность, явилось главным событием, определившим известность Абхазии как страны, участвующей в сопротивлении арабам. Серьезным аниарабским фактором становится и Хазария. Даже временное ослабление хазар после похода Мервана в Восточное Предкавказье (737 г.) не подорвало их авторитета как важнейшей силы, противостоящей натиску арабов. Объективно Хазария была заинтересована в усилении Абхазии, поскольку обеспечение безопасности в условиях арабской угрозы было одной из главных внешнеполитических задач Хазарии. В случае утверждения арабов на территории Абхазии

[134] Артамонов М.И. История хазар. – Л., 1962. – С. 7.

[135] Баладзори. Книга завоевания стран. Изд. II Жузе. – Баку, 1927. – С. 8.

эта угроза для Хазарии перерастала в конкретное военное противостояние.

Военно-политический союз с Хазарией имел большое значение для Абхазии тоже. Эта была серьезная поддержка не только для борьбы с арабами, но и для реализации и других задач. Касается это и закрепления итогов объединительного процесса абхазских земель и планов Леона I в отношении Эгриси. Союз этот был скреплен династическим браком между братом Леона I и хазарской принцессой. Политический расчет, разумеется, был в основе и другого междинастического брака: император Константин IV (741–775) был также женат на дочери хазарского кагана Чичак. Эти браки, заключенные в период разгара арабо-хазарских войн, можно рассматривать как дополнительное подтверждение сложившейся расстановки политических сил. В целом речь идет о времени, когда внешнеполитические интересы Византии, Хазарии и Абхазии совпадали.

§3. ОБРАЗОВАНИЕ АБХАЗСКОГО ЦАРСТВА

В течение VII и первой половины VIII в. Абхазия прошла сложный путь становления в качестве независимого государства. Новые реалии Абхазии уже не вписывались в контекст давно установившихся отношений с Византийской империей. Абхазская правящая верхушка, неоднократно пытавшаяся избавиться от византийского военного и политического присутствия, имея более внушительный военно-политический ресурс, поддержку своего главного союзника в лице Хазарии, имидж главного антиарабского форпоста на Кавказе, теперь имела больше шансов на окончательное отторжение подвластной ей территории от Византии. Отсутствие реальной помощи со стороны византийских властей в связи с арабской опасностью на Кавказе можно рассматривать как одно из обстоятельств, позволивших Леону II окончательно усомниться в возможностях империи собственными силами противостоять арабам на Кавказе, что усилило его уверенность в безошибочности и перспективности соб-

ственных политических шагов. Борьба с империей, как мы выше убедились, имела давнюю традицию, и действия правителя Абхазии стали завершением длительного процесса политической эмансипации Абхазии, корни которой уходят еще в VI столетие.

В научной литературе повышенный интерес проявляется к вопросу, который предельно конкретно сформулирован акад. С. Н. Джанашиа. Это – вопрос о времени и условиях образования Абхазского царства.[136]

Единственным источником, содержащим уникальное сообщение об образовании Абхазского царства, является анонимное сочинение грузинского историка XI в. «Летопись Картли».

«Когда ослабли греки, – пишет аноним, – отложился от них эристав абхазов по имени Леон, племянник эристава Леона, которому дана была в наследство Абхазия. Сей второй Леон был сыном дочери хазарского царя, и с помощью его и отложился он (Леон) от греков, присвоил Абхазию и Эгриси до самого Лихи и нарекся царем абхазов, ибо мертв был Иоанн и состарился Джуаншер».[137]

Вокруг этого сообщения разрослась большая литература, которая, несмотря на давнюю традицию, все еще выявляет новые грани его понимания.

Отпадение Абхазии от Византии и образование независимого Абхазского государства преломлялось как значительный исторический факт и в сознании поздних историографов.

По рассказу Вахушти Багратиони, Леон II, абхазский владетель, сидевший в Анакопии, воспользовался тем обстоятельством, что византийцы были ослаблены от арабов, захвативших у них «заморские земли», и с помощью хазар обратил свое эриставство в «наследственное» владение. «И подчинялась ему вся Эгриси и почитала его, ибо он (Леон) был в родственных связях с эгрисским царем». После смер-

[136] Джанашиа С. Н. О времени и условиях образования Абхазского царства// Труды. – Т. 11. – Тб., 1962.

[137] Картлис Цховреба. – Т. 1. – С. 251.

ти царей Иоанна и Джуаншера, «отложился сей второй Леон и силами хазар, а также (пользуясь) покорностью эгрисцев, завоевал весь «залихский» Эгриси до моря и до Хазарии: и назвался он царем абхазов, а название своего эриставства перенес он на Эгриси, лета от рождества Христова 786, хроникона 6».[138]

Таким образом Вахушти перецитировал «Летопись Картли», отдельные места изложил исходя из своего понимания источника и, что особенно интересно, дополнил сведения анонима датой. Время воцарения Леона Вахушти связывает с датой смерти Иоанна и Джуаншера. Первый, по Вахушти, умер в 786 г., а второй – в 787 г. На чем основана эта хронология автор не сообщает. Но поскольку рассказ Вахушти основан исключительно на известиях «Летописи Картли», то отклонения от источника, нужно думать, объясняются его «домыслами и индивидуальным пониманием».[139]

Академик М.Броссе, введший в научный оборот новый, неизвестный Вахушти, источник по истории Абхазии – генеологическую таблицу абхазских царей, исходя из хронологических указаний этой таблицы полагал, что Леон II воцарился в Абхазии в 786 году. Одновременно М.Броссе говорил, что царский титул был принят уже Леоном I. В иных случаях он противоречиво датировал начало самостоятельной абхазской царской династии то 786, то 788 годом.[140]

Главное сообщение «Летописи Картли» привлек внимание историка И.Калфоглы, который по-своему интерпретировал его: Леон II, по мнению этого автора, очистил Анакопию от византийских войск, затем, получив подкрепление от хазарского царя, перешел в Эгриси и присоединил ее к своему царству, то есть Леон сначала освобождается от имперской зависимости, принимает титул царя и лишь после этого присоединяет к своему царству Эгриси.[141]

Время и условия возникновения Абхазского царства, то

[138] Вахушти. История Грузии// Картлис Цховреба. – Т. IV. – Тб., 1973.

[139] Джанашиа С. Н. Указ. соч. – С. 327.

[140] Brosset M. Additions et eclsrisement a l'histoire de la Georgie. – Petersbourg , 1951. – P. 174.

[141] Цит. по кн. Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии. – С. 95.

есть вопрос, когда и каким образом бывшее Абхазское владетельство освободилось от византийской зависимости, а владетель его принял титул «царя абхазов», специально впервые рассмотрел акад. С.Н.Джанашиа в своей работе «О времени и условиях образования Абхазского царства».

В ней на фоне исторической картины положения Византии в VIII в., С.Н. Джанашиа рассмотрел два важных обстоятельства образования Абхазского царства (ослабление греков, помощь Хазарии), на которых указал автор «Летописи Картли». Представленная здесь картина политического развития Византии показывает, что до исхода VIII в. она находилась на высоком уровне своего могущества. Следуя Гельцеру, С. Н. Джанашиа утверждает, что усиление Византии наступает с восшествием на престол Льва III Исавра (717–741).[142]

Гельцер же, как известно, придерживался мнения, что воцарение Льва III в Византии является одним из важнейших поворотных моментов в истории империи, «моментом действительно всемирного исторического значения». Поскольку, считает он, Лев III, как «военный гений окончательно устранил арабскую опасность, реорганизовал военное дело, упорядочил финансы и судебное управление в империи».[143]

Многие историки сосредоточили свое внимание на уточнении даты. Дискуссия по этому поводу началась более ста лет назад и продолжается до сих пор. По мнению С.Н. Джанашиа, отпадение Абхазии от империи могло произойти только при ближайших политических преемниках Льва IV Хазара (775–780), когда внутреннее и внешнее положение Византии значительно изменилось. Тогда, после смерти императора Льва Хазара, царскую власть с Константином разделила его мать, царица Ирина – жестокая и честолюбивая интригантка. Последовали заговоры и смуты. Придворная борьба получила свое внешнее выражение в вопросе об иконопочитании. Кончилась она тем, что Константин был низложен с престола и ослеплен по приказанию своей ма-

[142] Джанашиа С.Н. Указ. соч. – С. 237.

[143] Гельцер. Очерк политической истории Византии // Очерки по истории Византии. – Вып. I. СПб., 1912. – С. 63.

тери, которая стала единодержавной императрицей (797 г.). Это время характеризуется еще и ослаблением внешнего могущества и авторитета Византии: она становится данницей болгар, против нее выступают арабы, балканские славяне, Карл Великий и др. Из такой характеристики внутри – и внешнеполитической ситуации в Византийской империи и исходит С. Н. Джанашиа, когда говорит, что именно в это смутное время, и может быть, после 797 г. в единоличное правление Ирины и совершил Леон Абхазский свой акт»[144]. Именно теперь, считает ученый, должно было быть почувствовано «ослабление византийцев», как важнейшее условие свершения акта, подготовлявшегося всем предыдущим развитием Абхазии.

В качестве повода С. Н. Джанашиа рассматривает личное настроение Леона, близкого родственника несчастной жертвы – Константина, против императрицы Ирины и более активное настроение при дворе хакана, еще более ближе связанного с Константином.[145]

Для объяснения другого обстоятельства образования Абхазского царства – использования помощи со стороны хазар – С. Н. Джанашиа обращается к сведениям Иоанна Сабанисдзе о том, что картлийский эрисмтавар Нерсе, окончательно поссорившись с арабами, владевшими тогда Восточной Грузией, решил эмигрировать с родины, причем наиболее подходящим убежищем ему показалась Абхазия, куда он отправил свою семью, а сам со свитой из трехсот человек поехал в Хазарию, где его приняли очень радушно.[146]

«Нужно думать, – рассуждает С. Н. Джанашиа, что как действия Нерсе, так и благоприятное отношение хакана объясняется на политической почве – общностью антиарабского настроения и общими симпатиями и связями с эриставством Абхазии. Очевидно, что Нерсе с самого начала рассчитывал, в частности, на родство хакана с абхазским эриставом. По той же причине, нужно думать, и было оказано хаканом по-

[144] Джанашиа С. Н. Указ. соч. – С. 333.

[145] Там же. - С. 333.

[146] См.: Кекелидзе К. Раннефеодальная грузинская литература. – С. 65-66.

кровительство Нерсе в дальнейшем его движении из Хазарии в Абхазию».[147]

Справедливость этих рассуждений устанавливается при сопоставлении свидетельств автора «Летописи Картли» и Иоанна Сабанисдзе. Действительно, политический союз между Абхазией и Хазарией, надежно действовавший со времен Леона I (когда между хазарским царским и абхазским владетельским домами были установлены родственные связи), был необходим и выгоден не только сторонам, но имел значительное влияние в регионе. Выше уже говорилось о том, что в период сложной политической ситуации в Закавказье картлийский эрисмтавар Нерсе прибег к поддержке этого союза.

С точки зрения Ш.О. Бадридзе, конец VIII в. – не самое подходящее время для отпадения Абхазии от Византийской империи. Иначе оценивая политическое положение империи в рассматриваемый период, он склонен обозначить другой период и в этой связи констатирует, что «политические возможности Византии явно неустойчивы и совсем не характеризуются стабильностью именно для 70-х годов VIII в .».[148]

Касаясь сведений, содержащихся в названных сочинениях, Ш. Бадридзе делает следующее наблюдение: согласно анониму, в период предшествующий отторжению, Леон II был эриставом и управлял абхазскими областями на побережье Черного моря, входившими в политические границы Византии, а в сочинении И. Сабанисдзе, повествующем о событиях начала 80-х годов VIII в., под Абхазией понимается огромная территория на юге вплоть до границ Халдии и правитель ее носит титул «мтавар».[149]

Такое сравнение позволило исследователю сделать заключение, что отторжение Абхазии от Византии и «завладение» Леоном Абхазией и Эгриси для начала 80-х годов VIII в.

[147] Джанашиа С. Н. Указ. соч. – С. 334.

[148] Бадридзе Ш.О. О времени и условиях образования Абхазского царства //Труды Тбилисского госуниверситета. В. 4 (143), 1972. – С. 33.

[149] Бадридзе Ш. О. О времени и условиях образования Абхазского царства // Труды Тбилисского госуниверситета. В. 4 (143), 1972. – С. 36.

было свершившимся фактом.[150] В таком случае непонятно, почему И.Сабанисдзе в отношении абхазского правителя использует титул «мтавара», в то время как автор «Летописи Картли» присвоение Леоном II титула «царя абхазов» связывает с теми обстоятельствами, о которых говорилось выше.

К этой хронологической локализации Абхазского царства приближается датировка, предложенная Г. А. Амичба. Он также считает, что Абхазское царство образовалось еще до 80-х годов VIII в. и подробно анализирует источники и их данные о событиях начала 70-х гг. VIII в. Это важное политическое событие хронологически он связывает с последними годами правления в Картли Джуаншера (773–775). Исходя из того, что после смерти Иоанна Эгриси принадлежала Джуаншеру (этот последний и Леон I были одного поколения), Г. А. Амичба утверждает, что в 70-х годах VIII в. Джуаншер был уже стар. Обращение к другому отрывку из того же сочинения «...спустя много лет после того пришел агарянин эмир по имени Хуасро, что правил в Армении, Картли и Эгриси; он восстановил разоренный хазарами город Тбилиси»,[151] дает интересный результат. Факт разорения Тбилиси хазарами относится к 764 году и именно после этого сообщения в «Летописи Картли» и следует политический акт, совершенный Леоном. Результатом поисков ученого стало утверждение о том, что приход нового эмира в Тбилиси и отложение Абхазии от Византии синхронно происшедшие события, и происшедшие по истечении нескольких лет после 764 года.[152]

Приход нового эмира в Картли Г. А. Амичба связывает с 773 годом, когда был арестован Нерсе и его место занял Джуаншер. К приходу же Нерсе в Абхазию (начало 80-х годов), считает автор, Абхазия и Эгриси уже были объединены и оформилось Абхазское царство.[153]

---

[150] Бадридзе Ш. О. Указ. соч. – С. 3.

[151] Картлис Цховреба. – Т. I. – С. 251.

[152] Амичба Г. А. Политическое положение раннесредневековой Абхазии (VI–X вв.). – Сухуми, 1963. – С. 88.

[153] Амичба Г. А. Политическое положение раннесредневековой Абхазии (VI–Хвв.). – Сухуми, 1963. – С. 88.

Г.А. Амичба не абсолютизирует подчеркнутое летописцем обстоятельство образования Абхазского царства –«когда ослабли греки», но тщательно анализирует местный контекст, а именно политическую ситуацию в Закавказье.

Сравнение разных подходов показывает целесообразность возвращения историков новых поколений к проблеме. Не исчерпаны информационные возможности «Летописи Картли».

Вышеизложенные интерпретации главного сообщения «Летописи Картли» об образовании Абхазского царства М. М. Гунба оценивает как стереотипы, препятствующие приближению к объективной картине. Так, например, «завладение Леоном Абхазией и Эгриси», о котором говорит летописец, комментируется им как захват престола в своей стране. Став правителем объединенных Абхазии и Эгриси, Леон II объявил себя царем. Принятие Леоном имени царя абхазов М. М. Гунба не связывает с отделением Абхазии от Византии, а понимает как овладение тем Абхазией и Эгриси.[154] Также, как и акад. М. Броссе, М. М. Гунба придерживается мнения, что первым царем Абхазии был Леон I, предшественник Леона II.[155] Образование Абхазского царства он выстраивает в иной концептуальной плоскости. Имея в виду постанакопийское время, когда после изгнания арабов из Абхазии и Эгриси в конце 30-х годов VIII в. император вручил царскую корону на управление Эгриси – Арчилу и Миру, а Леону дал санкцию на наследственное владение Абхазией, М. М. Гунба пишет следующее: «То обстоятельство, что император не вручил корону абхазскому правителю, объясняется тем, что он не нуждается в новой короне, она у него была».[156] Факт передачи царской короны Арчилом Леону, исследователь интерпретирует как «символ перехода наследия Мира к Леону» в связи с тем, что последний женился на дочери Мира. Такая трактовка событий интересна, но высока доля умозрительности. Отсутствие сведений о семье Леона

---

[154] Гунба М. М. К вопросу о времени возникновения Абхазского царства. – С. 204.

[155] Гунба М. М. Указ. соч. Там же. – С. 206.

[156] Там же.

I и династической ситуации после его смерти создает определенный вакуум. Не удостоился внимания летописцев отец Леона II, ни точного имени его, ни возраста, ни о шансах на престол – ничего неизвестно. Известно только то, что он был мужем хазарской принцессы и отцом Леона II, ставшего основателем независимого Абхазского царства.

Такие вопросы как, когда и каким (мирным или немирным) путем произошло присоединение Эгриси к Абхазии – это важная составляющая проблематики истории Абхазского царства. Здесь историки сталкиваются с серьезными трудностями. Ни в «Летописи Картли», ни в других источниках нет сведений, которые позволили бы более точно определить дату и характер этого события.

Рассматривая присоединение Эгриси к Абхазии и образование на Кавказе независимого от Византии Абхазского царства как два разновременных акта, С. Н. Джанашиа полагал, что в 80-х годах VIII в. Эгриси уже была присоединена к Абхазии, но это политическое образование оставалось еще в зависимости от Византии.[157]

В развитие этой точки зрения З. В. Анчабадзе писал, что автор «Летописи Картли» в цитированном выше месте имел в виду «только один заключительный акт процесса образования Абхазского царства», а именно полное отложение Абхазии от Византии и принятие Леоном II титула «царя абхазов».[158]

Такого же мнения придерживается П. Ингороква «Абхазский эристав не из Абхазии,– пишет он, – завладел Эгриси, а оба края, Абхазию и Эгриси до Лихи, захватил у византийцев и освободил от византийского господства».[159]

Развести во времени два важных политических события – присоединение Эгриси к Абхазии и отложение от империи – сложно. На этот счет в историографии имеется точка зрения, сторонники которой отдают предпочтение времени правления византийского императора Льва Хазара (775–780). Вну-

[157] Джанашиа С. Н. Указ. соч. – С. 338.

[158] Анчабадзе З. В. Указ. соч. – С. 96.

[159] Ингороква П. Георгий Мерчуле – писатель X в. – Тб., 1956. – С. 116.

ки хазарского кагана – Леон II и Лев IV между собой были двоюродными братьями. Сторонники ее ссылаются на факт родства между Леоном II и Львом IV Хазаром, что могло быть использовано абхазами, к примеру, для присоединения слабеющей Эгриси. В разных условиях, в разное время и в разных странах пришли они к власти. Ко времени вступления Льва IV Хазара на императорский трон в Византии Леон II (если следовать византийской традиции, ему также подходит прозвище Хазар) уже двадцать лет правил в Абхазии.

Дату присоединения Эгриси к Абхазии З.В. Анчабадзе датирует периодом правления Льва IV Хазара. По его предположению, это могло произойти около 778 года, когда византийские войска одержали большую победу над арабами при Германикии и чувствовали себя достаточно сильными, чтобы разрешить Леону II расширить подвластную ему территорию за счет Эгриси. Идя на такую уступку, предполагает З. В. Анчабадзе, византийское правительство могло рассчитывать на освобождение от всех забот по непосредственному управлению Эгриси. Но главная причина объединения Абхазии и Эгриси видится им во внутренних обстоятельствах, с которыми Византия не могла не посчитаться в связи с тем, что Абхазия непосредственно граничила с хазарами и арабскими владениями.[160]

Присоединение это «произошло не сразу, а исподволь подготовлялось в течение определенного времени».[161] Его завершению способствовал династический кризис в Эгриси. В отношении более позднего времени Вахушти говорил о подчинении Эгриси абхазскому правителю при жизни Иоанна, который состоял с ним в родстве.[162] Данное обстоятельство (династическое родство) можно рассматривать в качестве важного аргумента, которым воспользовался Леон, чтобы канонизировать присвоение им царских прав потомков Арчила на Эгриси.[163]

[160] Анчабадзе З. В. Указ. соч. – С. 102.

[161] Там же. – С. 97.

[162] Вахушти. Указ. соч. – С. 270.

[163] Анчабадзе З. В. Указ. соч. – С. 98.

Стремление абхазских феодалов (аамыста) к расширению своих владений, чему тогда еще могла препятствовать Картли, вписывается в ценности и идеалы раннефеодального государства. Другой вопрос, почему именно в эгрисском направлении абхазский правитель проявляет особую активность. Возможно потому, что в противоположном, северо-западном направлении границы Абхазии определились еще раньше. Если следовать Джуаншеру, то они проходили в районе «р. Малая Хазария» (р.Кубань). Надо думать, что здесь не обошлось без конкретных договоренностей с хазарами.

Таким образом, наступательная политика абхазской правящей элиты, пассионарность правителя вкупе с отмеченными обстоятельствами подвели к важному моменту – образованию Абхазского царства, куда вошла и Эгриси. Присоединение Эгриси заложило основу восточной политики абхазских царей, которая будет еще более успешно реализовываться в IX-X вв.

Разные суждения о характере присоединения Эгриси к Абхазии вызвало сообщение из «Летописи Картли» о том, что Леон II «завладел Абхазией и Эгриси».

«К данному времени, – пишет С. Н. Джанашиа, – императорское правительство успело ликвидировать местные органы управления и последние остатки автономии Лазики, что обеспечило ее захват (или мирное присоединение с санкции императора) абхазским владетелем».[164]

Основным условием успешной политики Леона II по отношению к Эгриси С. Н. Джанашиа считает то, что развитие феодальных отношений выдвигало вопрос о необходимости более обширной и более устойчивой политической формы, внутри которой феодальное общество и его хозяйство развивалось бы свободнее. Кроме того, отмечает он, переход от алчной, продажной византийской администрации к феодальной зависимости от абхазского владетеля населению Эгриси должен был казаться более желательным для себя состоянием.[165]

[164] Джанашиа С.Н. Указ. соч. – С. 339.

[165] Джанашиа С.Н. Указ. соч. – С. 339.

О характере присоединения Эгриси предельно ясно высказался З. В. Анчабадзе. «Неправильно, – пишет он, – настаивать на мирном присоединении Эгриси к Абхазии только на том основании, что якобы слово «даипкра», употребленное автором «Матиане Картлиса», в древнегрузинском языке употреблялось лишь в смысле «овладел», а не «завоевал», как это делает П. Ингороква и некоторые другие исследователи».[166]

«На самом деле, – продолжает З. В. Анчабадзе, – слово «даипкра» в зависимости от контекста может быть переведено с древнегрузинского и как «завладел» и как «завоевал».[167]

М. М. Гунба предпочитает говорить о мирном характере присоединения Эгриси к Абхазии. После смерти Мира Эгриси должна была перейти к одному из ближайших его наследников, такой наследницей оказалась младшая дочь его – Гурандухт, выданная замуж за Леона I, – рассуждает он. Этот брак, по мнению М. М. Гунба, принес Леону I царскую корону и право на наследственное владение Эгриси.

Однозначно охарактеризовать характер и обстоятельства присоединения Эгриси к Абхазии было бы неправильно, прежде всего, из-за отсутствия убедительных данных. Вполне допустимо, что какие-то элементы эгрисского общества, прежде всего из среды феодальной знати, могли оказать сопротивление политике Леона II.[168]

Присоединение Эгриси можно рассматривать как поражение позиции Византии и Картли в Западной Грузии. Правители Абхазии Леон I и Леон II действовали продуманно. Они понимали, что пока империя стояла в Эгриси, абхазам было бы гораздо тяжелее отказаться от подчинения византийским властям.

Леон II, племянник Леона I, сын дочери хазарского кагана и двоюродный брат византийского императора Льва IV Хазара, стал править в Абхазском княжестве приблизительно с 746 г. Имея в виду именно его, М. И. Артамонов пишет:

[166] Анчабадзе З.В. – С. 100.

[167] Там же.

[168] Гунба М.М. Указ. соч. – С. 215.

«Правитель Абхазии был связан родственными отношениями и с Византией и с Хазарией. Номинально Абхазия находилась в зависимости от Византии, но, опираясь на хазар, вела независимую политику и вскоре (787)...объявила себя независимой».[169]

Имея в виду время, в рамках которого более зримо подготавливался процесс формирования независимого Абхазского царства, отметим, что в правление Льва III, бывшего спафария Льва, военно-политическая авантюра которого на Кавказе против абхазов (абасгов) еще в начале VIII в. не могла быть легко забыта, абхазо-византийские отношения получили новый импульс, а при императоре Льве IV Хазаре усиливается политическая эмансипация Абхазии от Византии.

В то же время объективные условия для полного освобождения страны от иноземной зависимости наступают не сразу. Стабилизация ситуации в империи, приурочиваемая ко времени правления Исаврийской династии, не благоприятствовала интересам Абхазии. Положение ее ко времени реставрации иконопочитания в значительной степени стало неустойчивым в результате внешней опасности. При иконоборческих императорах Византия имела перед собой врагов, ослабленных внутренней борьбой: в Болгарии были внутренние смуты, в халифате происходила длительная гражданская война. В 70-80-х годах VIII в. внешнеполитическая ситуация была благоприятной для радикальных действий правителя Абхазии. Тогда серьезно изменилось внешнеполитическое положение, в связи с началом активного арабского наступления. Вследствие опустошительного набега арабов в 782 году византийцы вынуждены были купить мир ценою ежегодной уплаты 70 тыс. номисим.

В конце VIII в., несмотря на то что хазарский двор принял иудейство, Византия сохраняла с ним дружественные отношения. Умеренной оказалась ее позиция и в 60-х годах, когда вспыхнуло восстание христианского населения Крымской Готии против хазар. «Безусловно, – пишет Б.Т. Горянов,

[169] Артамонов М.И. Указ. соч. – с. 348.

– Византия могла взять под защиту христианское население и использовать к своей выгоде религиозные смуты в Хазарии. Однако византийское правительство не желало разрывать с хазарским каганатом и ограничилось учреждением Готской митрополии, подчиненной Константинополю».[170]

Эти события перекликаются с событиями в Абхазии. «В ходе восстания готов против хазар, – продолжает Б. Т. Горянов, – Византия поддерживала готов, а хазары поддерживали абхазов, восставших против Византии».[171] Проабхазские и одновременно антивизантийские действия хазар, а также их мотивы подтверждаются сведениями из сочинения «Житие Иоанна Готского».[172]

Абхазское царство выдвинулось в ряды крупных государств Кавказа. Об это свидетельствует вся ее последующая история.

АНАКОПИЯ – КУТАТИС. Леон II перенес столицу Абхазского царства из Анакопии в Кутаис (Кутатис). Возможно, что решение это далось ему нелегко. Нельзя упрощать значение для абхазского этноса и правящей элиты значение Анакопии – центра объединения абхазских земель, а затем столицы независимого Абхазского государства, символа противостояния завоевателям. И только некая государственная сверхзадача могла быть оправданием такого шага. В чем состояла эта сверхзадача Леонидов? Ее историки видят в восточной политике, ставшей главным вектором экспансии абхазских царей. Именно с перенесением резиденции абхазских царей из Анакопии в г. Кутатис (совр. Кутаиси), то есть ближе к центральным грузинским областям, эта политика стала проявляться в более конкретных контурах. Кутаис становится опорным пунктом, плацдармом для реализации задачи по установлению контроля над восточными территорями с картвельским населением. Эффективность восточной политики, выражавшейся в территориальном расширении и распространении политического влияния абхазского царского

[170] Горянов Б.Т. Византия и Хазары // Исторические записки. – М., 1945. – №15. – С. 272.

[171] Там же.

[172] См.: Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского// Труды. – Т. III. – С. 351–427.

двора на восток, мотивировала стремление Леонидов к установлению гегемонии Абхазского царства в закавказском регионе.

В грузинской советской историографии, где чрезмерно велико увлечение огрузиниванием любых явлений, в том числе и социальных, связанных с Абхазским царством, вопросы Абхазского царства вывернуты наизнанку. Даже такой немаловажный вопрос, как характеристика социальной природы политики абхазских царей, которая носила феодально-захватнический характер, в основном остается второстепенным. Грузинские историки предпочитают видеть в Абхазском царстве грузинское государство и деятельность абхазских царей характеризуют как прогрузинскую политику. Политика правителей Абхазского царства в Восточной Грузии носила завоевательный характер. Как справедливо выразился Р. А. Хонелия «абхазские цари питали честолюбивые замыслы объединения всех грузинских земель под своей эгидой и поэтому вся их политика была направлена на Восток».[173]

Абхазские правители вместе с господствующей прослойкой и войском мечтали о широких завоеваниях. «Прогрузинскость» политики абхазских царей и «грузинскость» созданного теми государства, понимание под стратегией абхазских царей объединение Грузии, ее укрепление, развитие грузинской культуры, так часто подчеркиваемые грузинскими историками, не что иное как позиционирование в качестве идеологов грузинской националистической политики, проводимой Тбилиси в отношении Абхазии в XX веке.

Подобными издержками не страдает дореволюционная литература.

«Усилилось нравственное влияние абхазов на соседние народы, – писал еще А. Леонид, – страна их сделалась сильным царством и подчинила горные народы и Лазику».[174]

[173] Хонелия Р. А. Политические взаимоотношения Абхазского царства и царства армянских Багратидов в IX–X вв. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Ереван, 1967. – С.8.

[174] Леонид А. Указ. соч. – С. 92.

Внешняя политика абхазских царей имеет экономическое и социальное объяснение.

Академик Н. Марр подчеркивал значение факта густонаселенности Абхазии в эту эпоху. Леониды переселяли на восточногрузинские земли представителей абхазской знати, которые во владение получали крепости, земли, крестьян. Таким образом создавался необходимый для поддержки завоевательной политики абхазских царей социальный анклав.

Трактовку этнокультурной природы Абхазского царства в грузинской историографии подвергли критике абхазские историки (Ш. Д. Инал-ипа, М. М. Гунба, Г. А. Амичба).[175] Ш. Д. Инал-ипа указывал на важность таких фактов, как переселение части избыточного населения Абхазии на Северный Кавказ и в некоторые местности Западной и Восточной Грузии, ассимиляция абхазами иноплеменного населения смежных с Абхазией областей.[176] Такое утверждение вполне согласуется с данными средневековых авторов.

Попытаемся несколько подробнее представить эту картину.

В VIII в. Абхазия была цветущей христианской страной. Это следует из характеристики общеполитического положения Абхазии, представленной в сочинении «Мученичество Або Тбилели» Иоанна Сабанисдзе. Что касается наличия множества церквей, крепостей, ряда городов на территории Абхазии, то это свидетельство густонаселенности страны. С этими же данными согласуется и абхазское предание, согласно которому в Абхазии было такое густое население, что кошка по крышам домов, не сходя на землю, могла от берега моря добраться до вершины кавказского хребта.[177] Это во-первых.

В рассматриваемую эпоху имело место переселение части населения Абхазии на Северный Кавказ, что могло быть

[175] Инал-ипа Ш.Д., Амичба Г. А. Главная историческая достоверность //Советская Абхазия, 7 января 1989 г. –С. 3; Гунба М. М. Очерки истории Абхазии. – С. 56.

[176] Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухуми, 1976. – С. 403.

[177] См.: Кудрявцев К. Указ. соч. – С. 96.

вызвано перенаселенностью Абхазии, демографическим напряжением, которое при тогдашнем уровне развития производительных сил, могло быть снято только в результате переселения части жителей. Это во-вторых.

«Могущественное абхазское племя, – отмечал А. Н. Дьячков – Тарасов, – сумевшее образовать сильное царство, свергнуть опеку греков, оттеснить надвинувшиеся племена аланов и адыгов, избыток народонаселения через перевалы отдало северному склону».[178]

Феодальная колонизация абхазами территории Западной Грузии, а позднее, с расширением пределов Абхазского царства, и Восточной Грузии отчасти могло быть вызвано и перенаселенностью. Абхазский этнический и социальный анклав в Западной и Восточной Грузии со временем подвергся ассимиляции. На это обстоятельство обратил внимание С. Н. Джанашиа, который установил, в частности, абхазское происхождение известного в Грузии феодального рода Бараташвили.[179]

Аналогичными являются фамилии Чачибая, Алшибая, Какубава, Эзугбая, которые также принадлежат к абхазским фамилиям.

Наличие большого числа огрузинившихся впоследствии абхазов на территории Грузии Ш. Д. Инал-ипа объясняет обстоятельством перенесения столицы Абхазского царства в Кутаис, в результате которого туда переселились близкие абхазскому царскому роду знатные люди вместе с вооруженными отрядами и обслуживающим персоналом.[180]

Оседанию части абхазов в Восточной Грузии способствовало утверждение абхазских царей в Картли. Абхазские царевичи, попеременно сидевшие там, также были источником оттока туда определенной части абхазского населения. Абхазская элита, должно быть, многому научилась у византийцев.

[178] Дьячков – Тарасов А.Н. Гагры и их окрестности //Записки Кавказского отд. имп. русс. общ-ва. Кн. XXIV. –Тифлис, 1903. – С. 42.

[179] Джанашиа С. Н. К генеалогии Бараташвили // Труды. – Т. II. – С. 476.

[180] Инал-ипа Ш. Д. Указ. соч. – С. 404.

Абхазские цари подражали Византийской империи. Вся их деятельность в VIII–X вв. и в последующее время (XI–XIII) свидетельствует о строительстве им обширного многоэтничного государства. Именно это и имел в виду С. М. Ашхацава, когда говорил: «Вряд ли абхазские цари могли столь успешно продвигаться на восток, не опираясь на силу своей северо-западной части»[181]. История феодальной эпохи знает не одно полиэтничное государство. Сама Византийская империя была многоэтничным государством, которое посредством эллинизации и повсеместного исповедания православия было превращено в единый организм. Господствующим языком здесь был греческий.

Задолго до образования Абхазского царства в процессе христианизации абхазов и формирования на территории Абхазии церковной организации греческий язык стал выполнять функции языка богослужения и канцелярии. В Византии обучались абхазы, которые по возвращении на родину способствовали укреплению позиции христианства и распространению греческого языка. Постепенно формировалась влиятельная прослойка из правящей элиты и служителей церкви. Известный факт о возвращении из Константинополя абазга Евфрата в качестве «византийского кадра» для содействия делу христианизации, надо думать, не единичный и связан с языковыми проблемами, которые возникали в связи с приобщением абхазов к христианскому учению.

Известно, что на пороге раннего средневековья были созданы армянская и грузинская письменности. Невыясненной остается ситуация с абхазским языком. Естественно думать, что абхазы, переживавшие процесс ранней христианизации, не могли быть в стороне от таких важных событий. Так позволяют думать не только научная интуиция, но и некоторые сведения средневековых авторов. О существовании абхазского письма сообщают славянские просветители Кирилл и Мефодий. Это во-первых. Многозначительным намеком на существование абхазского письма, по непонятным причинам неполучившего распространения, является небольшой

[181] Ашхацава С.М. Пути развития абхазской истории. – С. 12.

отрывок из «Летописи Картли»: «Ибо было у Константина два сына: старший и другой, младший, рожденный от второй жены. Старшего звали Георгий, младшего – Баграт. И была меж ними жестокая усобица, о чем подробно сказано в их Жизнеописании». [182] Все же остается загадкой, почему абхазы оказались вне процессов создания собственной письменности, происходивших в Закавказье. Определяющую роль сыграло длительное (политическое и культурное) влияние со стороны Византии. Усиление позиции византийской культуры в Абхазском царстве косвенное свидетельство сохранения благоприятных условий для использования греческого языка в царской канцелярии и церкви. Скорее всего именно на нем Георгий II в свое время переписывался с патриархом Николаем Мистиком. Вопреки утверждениям грузинских историков о якобы имевшем месте доминировании грузинского языка в Абхазском царстве, «прогрузинской» политики абхазских царей, Георгий II с целью обучения посылает своих сыновей в Константинополь. Христианские памятники на территории Абхазии IX–XI вв., обнаруженные археологами предметы с греческими надписями (например, каменный крест X в. из Анакопии), также подтверждают сказанное выше.

Вопрос о роли абхазского языка в Абхазском царстве впервые специально был поставлен в зарубежной литературе Фр. Дворником. Он обратил внимание на сообщение славянских просветителей Кирилла и Мефодия, о котором говорилось выше. При перечислении письменных языков, среди таких, как грузинский, армянский, они называют и абхазский.

«Несмотря на религиозную активность абхазов», – считает Фр. Дворник, у них не было национальной литературы, что, на его взгляд, не отрицает употребления абхазского языка в богослужении, по крайней мере, частично.[183] Близкое суждение высказывает Е. К. Аджинджал. Он отмечает, что первоначально в Абхазии проповедь шла на абхазском языке, а с появлением официального церковного амвона – на греческом. И такое положение, как он предполагает, имело место до начала XI в.[184]

[182] Картлис Цховреба. – Т. 1 – С. 265.

[183] Дворник Фр. Миссии греческой и западной церквей на востоке в средние века //Международный конгресс исторических наук. Москва, 16–33 августа. – М., 1970. – С. 207.

Абхазский язык использовался не только на территории собственно Абхазии, но и в царском дворе, находившемся в основанном Леоном II Кутаисе. Даже в конце XII в. в окружении царицы Тамар, по традиции носившей титул «царя царей абхазов, картвелов...», заметную роль играли представители абхазской феодальной знати, которые не переставали употреблять свой язык. Более того, царица Тамар дает своему сыну Георгию второе имя «Лаша». Имя то, как сообщает грузинский летописец, переводится с абхазского («апсарейского») как «просветитель» или «блистательный».[185]

Изучение абхазского пласта в топонимах неабхазских регионов Абхазского царства станет в будущем важным аргументом в оценке роли абхазского языка за пределами собственно Абхазии. Значительная часть таких топонимов должна была отложиться в период активной деятельности здесь абхазских правителей, то есть в процессе реализации их восточной политики.

Рассуждения ряда историков о вытеснении греческого языка из церкви в Абхазском царстве и о доминировании грузинского в качестве официально-канцелярского и церковного языка не подкреплены документально, и мы склонны видеть в них стремление навязать определенные идеологические установки.

§4. ГРАНИЦЫ АБХАЗСКОГО ЦАРСТВА, ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТАТУС И ТИТУЛОВАНИЕ ЕГО ПРАВИТЕЛЕЙ

Абхазская государственность с момента образования Абхазского царства перешла этнические границы и весь последующий период функционирования этого государства сопровождался территориальным ростом.

[184] Аджинджал Е.К. Об одном аспекте ранневизантийской дипломатии на Кавказе //ВДИ. – М., 1987. – №7. –С. 186.

[185] Картлис Цховреба. Свод царя Вахтанга, изд. Чичинадзе З. – С. 434.

Армянский епископ X в. Ухтанес в своей «Истории Армении» писал: «Развился этот народ и, увеличив свою численность, распространился по разным берегам Понтийского моря, дошел до границ Армении и Агвании, стал народом многочисленным. Название этой страны Абхазия».[186]

Определение границ Абхазского царства (политически обусловленных его пределов) – задача нелегкая. И в этом вопросе главная информация имеется в «Летописи Картли», согласно которой Леон II стал царствовать на территории Абхазии и Эгриси до Лихи (Сурамского хребта).[187]

Западной границей Абхазского царства было Черное море, восточной – Кавказский хребет. Политические границы его отодвигались в северо-западном и, в особенности, юго-восточном направлениях, поскольку основная задача экспансии абхазских царей сводилась к стремлению овладеть Картли и другими областями Восточной Грузии.

Акад. К.С. Кекелидзе считал, что крайним пунктом владений абхазских правителей был город Трапезунт. Он исходил, главным образом, из собственного толкования следующего места из сочинения Иоанна Сабанисдзе «Мученичество Або Тбилели»» (в русском переводе: «Границей этой страны (Абхазии) являются: море Понтийское, обиталище христиан до пределов Халдии; в ней (т.е. по К. С. Кекелидзе, в Абхазии. – **И.А.**) находится Трапезунт, поселение Апсар и гавань Нафсай»[188]

Пункт Апсар К. С. Кекелидзе помещает в устье Чороха, а Напсай отождествляет с Никопсией. Отсюда он делает вывод, что Трапезунт входил в состав Абхазского царства. Подтверждением этого К. С. Кекелидзе считает и акты вселенского собора 878 г., под которыми стоит такая надпись: «Христофор, епископ Фазиса или Трапезунта»,[189] приведенную выше цитату из «Мученичества Або Тбилели»: «Граница их (т.е. абхазских владений Западной Грузии) есть Черное

[186] Ухтанес. История Армении. М., 1871. – С. 35.
[187] Картлис Цховреба. – Т. 1. – С. 251.
[188] Кекелидзе К. С. Памятники древнегрузинской агиографической литературы. – С. 34, 50.
[189] Там же. – С. 34.

море («море Понтийское»), обиталище христиан, до тех мест, до которых доходят границы Халдии («до рубежей Халдии»). Там (на Черноморском побережье Западной Грузии) расположены: Трапезунт (у южного рубежа), Апсар (посередине) и Напсайская гавань (у северного рубежа)».[190]

Такую же позицию в этом вопросе занимает П. Ингороква. Для обоснования своей точки зрения П.Ингороква приводит сообщение Епифана Константинопольского о Трапезунте как о «городе Лазики», а также свидетельство Ефимия Мтацминдели о том, что Трапезунт находится в «стране мегрелов».[191]

Еще акад. С. Н. Джанашиа отмечал, что такое толкование разбираемого текста, которое предлагает К. Кекелидзе, «совершенно неприемлемо как текстуально, так и исторически».

«Мы знаем хорошо, – пишет он, – что Абхазия, в политическом смысле, не простиралась южнее реки Чорох и едва ли она ее когда-нибудь достигала».[192]

Против мнения К. Кекелидзе и П. Ингороква высказался З. В. Анчабадзе, который говорит: «На самом деле, И. Сабанисдзе определенно указывает, что перечисленные пункты являлись владениями Византии, поэтому отождествление Напсайской гавани с Никопсией неправильно. В этом можно убедиться, если полностью процитировать соответствующее место из сочинения Сабанисдзе»[193].

И в самом деле «больше всех благодарил бога блаженный Або, потому что нашел он ту страну полной верующих во Христа, и никого неверующих не было среди коренных (жителей) в ее пределах. Ибо границей ее (Абхазии, является море Понтийское, обиталище полностью христиан, до границ Халдии, в ней (т.е. в Халдии, а не в Абхазии – по З. В. Анчабадзе) находятся Трапезунт, поселение Апсареа и Напсайская гавань. И подвластны города те и места слуге Христову,

[190] Ингороква П. Георгий Мерчуле – писатель X века. – С. 211.
[191] Ингороква П. Указ. соч. – С. 211.
[192] Джанашиа С. Н. Труды. – Т. 11. – С. 338.
[193] Анчабадзе З. В. Указ. соч. – С. 112.

ионскому царю, который восседает на престоле в великом городе Константинополе».[194]

С точки зрения З. В. Анчабадзе, мысль Иоанна Сабанисдзе сводится к следующему: Абхазия потому-де является христианской страной, что по соседству с ней находятся христианские владения, в частности города Трапезунт, Апсар и Напсайская гавань, которые подчинены «слуге Христа – ионскому».[195]

Относительно других источников, на которые ссылается П. Ингороква, З .В. Анчабадзе говорит, что указания этих источников имеют лишь гео-этнографическое значение и отнюдь не свидетельствуют о вхождении Трапезунта в состав Абхазского царства.[196]

Следуя «Летописи Картли», З.В. Анчабадзе считает, что южный предел Абхазского царства доходил до Сурамского хребта и с этим соглашаются многие историки.

Константин Порфирогенет называет Абхазию (Абазгию) среди «северных скифских стран» (имеются в виду Хазария, Алания, Зихия).

В исторической литературе много внимания уделено восточной политике абхазских царей и определению границ царства на юго-востоке, чего нельзя сказать о северо-западной политике абхазских царей и границах государства в этом направлении.

Особенность ситуации и в трудностях, связанных с бедностью источниковой базы. Обратимся к сведениям, имеющимся в сочинении Константина Порфирогенета «Об управлении империей». Мы имеем в виду то место в сочинении, где автор дает этническую дифференцировку территории Северо-Западного Кавказа.

В главе 42 сочинения «Об управлении империей» Константин Порфирогенет пишет: «От Таматархи на расстоянии 18 или 20 миль есть река, именуемая Укрух, которая отделяет Зихию от Таматархи. От Укруха до реки Никопсиса, на

[194] См.: Кекелидзе К. Раннефеодальная грузинская литература. – Тб., 1935.
[195] Анчабадзе З. В. Указ. соч. – С. 113.
[196] Анчабадзе З. В. Указ. соч. – С. 113.

которой находится город того же имени, на расстоянии 300 миль есть страна Зихия. Выше Зихии лежит страна, называемая Папагия, выше страны Папагии так называемая Казахия, под Казахией – Кавказские горы, а за горами – Алания. Морской берег Зихии имеет острова: один большой и три малых, между которыми есть и другие острова, население и возделанные зихами, т.е. Турганерхи Чарбагани, кроме того, еще остров при устье реки и еще около Птелеев, на последнем спасаются Зихи во время нападения Алан. По морскому берегу от Зихии, т.е. от реки Никопсис до города (крепости) Сотириуполя на расстоянии 300 миль, есть Абазгия.[197]

Венгерский ученый Г. Моравчик, издавший «Administrando imperio», в примечаниях к тексту дает краткие объяснения по имеющимся в нем топонимам. Так, например, Сотириуполь, по его мнению, это город и крепость на границе Абазгии, Укрух – река на границе Зихии и т.д.[198]

Большие споры вызвал в исторической литературе вопрос о местонахождении города Сотириуполя.

Расхождения по этому вопросу возникли еще в дореволюционной литературе.

Ю. Кулаковский считал, что Сотириуполь – это другое название Питиунта. Свой вывод он основывал на том, что в приложении к так называемому Иероклову Синекдому, где дается список городов и крепостей, переменивших свои имена, указывается Сотириуполь – прежде Пития.[199]

Этот вопрос рассматривается Ф. Бруном в V гл. второй части его книги «Сборник исследований по исторической географии Южной России» (Одесса, 1899). Под Сотириуполисом Константина Порфирогенета автор понимает Питиус (позже –Пицунда). «По крайней мере, – пишет Ф. Брун, – Константину Порфирогенету, который ничего не говорит о Питиусе, был известен абхазский город Сотируполь, тогда

[197] Constantine Porpherogenitus. De administraando imperio/Greek text ed.by Gy.Moravcsik.- Budapest, 1949. – P. 186-188.
[198] См. : Комментарий к «Administrando imperio».
[199] См. : Кулаковский Ю. Где был построен имп. Юстинианом храм для Абазгов? – М., 1897. – С.36.

как еще в 1347 г. Сотириупольская епархия была соединена с Аланийской».[200]

В. В. Латышев отождествляет Сотириуполь с Севастополем (совр. Сухум), основываясь на том, что в списках епархии Константинопольского престола, в которых Абазгия составляет отдельную епархию, отмечается нахождение ее кафедры в Севастополисе.[201] Такого же взгляда придерживались З.В.Болотов, епископ Агафидор и другие.

В советской исторической литературе также нет единого мнения по этому вопросу. Высказавшийся за отождествление Сотириуполя с Пицундой С.Г.Каухчишвили все же считает, что решение этого вопроса требует дополнительных изысканий.[202]

Совершенно новое положение выдвинул П.Ингороква, отождествивший Сотириуполь с пунктом Оф, близ Трапезунта.[203] Правда, вначале автор соглашался с исследователями, считавшими, что Сотириуполь – средневековый Сухум.[204]

Локализация Сотириуполя близ Трапезунта, по мнению З. В. Анчабадзе, противоречит указанию Порфирогенета о том, что Абхазия тянется «от реки Никопсиса до города Сотириуполя по морскому берегу на пространстве 300 миль». Расстояние между Никопсисом и тем пунктом, в районе которого П. Ингороква локализует средневековый Сотириуполь, по морскому берегу составит не менее 800 миль. Указанное Константином Порфирогенетом расстояние вполне соответствует расстоянию между Никопсией и Питиунтом, в котором мы и должны видеть Сотириуполь. Вполне возможно, что Питиунт мог получить такое дополнительное на-

[200] Брун Ф. Сборник исследований по исторической географии Южной России. – Одесса, 1899. – С. 245.

[201] См.: Епископ Агафидор. Успенско-Драндский общежительный монастырь в Абхазии на Кавказе, близ Сухума. – Ставрополь, 1894. – С. 6; Кулаковский Ю. Христианство у алан// Византийский временник. – Т. V. – М., 1899; Латышев В. В. К истории христианства на Кавказе // Сб. археологических статей. – СПб., 1911. – С. 173.

[202] Георгика. – Т. IV. Ч. 2. – Тбилиси, 1956. – С. 218.

[203] См.: Ингороква П. Георгий Мерчуле. – Тб., 1956. – С. 252 – 253.

[204] См.: Ингороква П. Георгий Мерчуле // Мнатоби, 1950. –№3. – С. 121.

звание от наименования одного из главных своих храмов, посвященных Христу – Сотеру, либо же именовался так, как один из самых ранних христианских центров на побережье Кавказа.[205] О наименовании Сотириуполиса еще в 1915 г. писал Л.Меликсет – Беков: «Очень может быть, что храм в Пицунде был посвящен Христу Спасителю и оттого город называется Сотириуполь».[206]

З. В. Анчабадзе отметил, что византийский автор не писал о границах Абхазского царства, предел которого на юге никак не мог быть в городе Сотириуполе, и что речь идет о границах исторической Абхазии (Абазгии) и, в частности, эриставства Абхазии, которое тогда составляло одну из административных областей Абхазского царства.[207]

Возможно, что Константин Порфирогенет доводит границу «Авазгии» на юге до города Сотириуполя потому, как последний был наиболее важным городским пунктом на юге Абхазского эриставства.[208]

Неконкретность источника затрудняет определение территории Абхазской Джигетии (северная граница которой, видимо, находилась в районе реки Ничепсухо), или же собственно Джигетии-Зихии (территории, населенной адыгскими племенами), доходившей до Тамани.

По мнению З. В. Анчабадзе, устойчивая политическая граница Абхазского царства на северо-западе находилась в Никопсисе. Однако, учитывая подвижность средневековых границ, он не отрицал расширения границы Абхазского царства в данном направлении и до р. Кубань.[209]

Цитировавшийся выше отрывок из сочинения Константина Порфирогенета нами уже был охарактеризован как этническая дифференцировка региона. Продолжая эту мысль, мы предполагаем, что границы, о которых говорит

[205] См.: Анчабадзе З. В. Указ. соч. –С. 115.

[206] Меликсет-Беков Л. Древнейшая Пицунда у Понта Евксинского // Зап. Одесского общества истории и древности. Т-XXXVI. – Одесса, 1915. – С. 120.

[207] См.: Анчабадзе З. В. Указ. соч. – С. 116.

[208] См.: Анчабадзе З. В. Указ. соч. –С. 116.

[209] Там же.

Константин Порфирогенет, больше соответствуют этноплеменным границам, чем государственным, и использованный им источник не отражал реалий X в. Сказанное не означает, что Константин Порфирогенет имел неправильное представление о границах Абхазского царства. Чтобы убедиться в этом, нам нужно следовать источнику дальше. Его автор прерывает описание северо-западного региона Кавказа на абхазском городе Сотириуполе, но позже, при описании политических событий в Закавказье, использует ключевую фразу о том, что крепость Артанудж «является ключом Иверии, Абхазии и Месхии».[210] Разумеется, в этом случае и речи не может быть о границах исторической Абазгии. Имеется в виду южный предел Абхазского царства. Правление в Византии Константина Порфирогенета совпадает с наибольшим усилением Абхазского царства, о чем свидетельствуют успехи Георгия II и в Закавказье, и на Северном Кавказе.

Источники в качестве северо-западной границы Абхазского царства называют то реку Никопсию (Нечепсухо), то район р. Кубань. Епифан Кипрский (автор X в.) первым отметил, что «могила Симона Кананита находится в городе Никопсии (который расположен) на границе между Абхазией и Джикией».[211] Никопсия (Нечепсухо) по мнению историков, анализировавших источники по данному вопросу, была расположена в районе совр. Туапсе (абх. назв. Ткуапс). Признание прав абхазского правителя на территорию, расположенную к северо-западу от Абхазии до р. Кубань византийским императором, согласно сообщению Джуаншера, произошло еще в первой половине VIII в. После Анакопийского сражения и изгнания арабов из Абхазии византийский император Лев Исавр утвердил наследственные права владетеля Леона на территорию, о границах которой последний сообщает в письме правителю Эгриси Арчилу: «Дал мне кесарь эту страну в наследственное владение... и отныне является моей вотчиной от Клисуры до Малой реки Хазарской (р. Кубань. – **И.А.**), куда достигают вершины Кавказские».[212]

[210] Constantine Porpherogenitus. De administerando imperio. – P. 222.

[211] Кекелидзе К. Этюды из истории древнегрузинской литературы. – Т. 4. –Т б., 1957. – С. 258.

Вахушти Багратиони (XVIII) территорию одной из административных единиц (владетельств) Абхазского царства (Абхазского эриставства) определяет как «Абхазию и Джигетию до р. Хазарской».[213]

По этому поводу М. В. Цинцадзе пишет: «Если «Хазарскую реку» Вахушти Багратиони отождествляет с рекой Кубань, то можно прийти к предположению, что этноним «джики» в данном случае является собирательным, кроме этнических джиков, обозначает и другие адыгские племена».[214] По мнению З.В.Анчабадзе, «Вахушти имеет в виду не Зихию в собственном смысле, а так называемую Абхазскую Джигетию, населенную в его время садзами, хотя и доводит ее границы до «Хазарской реки».[215]

Кстати, Вахушти знает о существовании Абхазской Джигетии и собственно Джигетии (Зихии): «Страну за Абхазией, к западу от Каппетис-цкали, от времени воцарения Багратидов до ныне называют Джигетией, но «Жизнь Горгасала» Джигетией называет страну к северу от этой (современной) Джигетии, потустороннюю часть горы Кавказа до моря».[216] В «Летописи Картли» (XI) есть сообщение о том, что Георгий II отправил провинившегося феодала Хахуа Аршисдзе в Джигетию (в крайний предел своего государства).[217] Поскольку речь идет о правлении Георгия II, которому предание приписывает строительство крепости Анапа, неподалеку от устья реки Кубани («Анапа» – по-абх. «рука»),[218] мы предполагаем, что речь идет о Джигетии, выше Никопсии.

«Географические названия, – писал академик Н.Я. Марр, – свидетельствуют о более обширной площади распростра-

[212] Жизнь Грузии. – С. 42.

[213] Вахушти. Описание царства Грузинского. – Тб., 1941. – С. 168.

[214] Цинцадзе М. В. Из истории грузино-адыгейских взаимоотношений. – Тб., 1982. – С. 87.

[215] Анчабадзе З. В. Указ. соч. – С. 116.

[216] Вахушти. Указ. соч. – С. 235.

[217] Жизнь Грузии. – С. 268.

[218] См.: Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. – Сухум, 1922. – С. 112.

нения абхазских племен, притом в северном направлении. «Анапа» – приморский пункт, расположенный у устья реки, по всей видимости получил такое название в связи с местоположением у рукава реки, или, вероятнее, у гавани».[219]

В X в. земли, заселенные зихами-адыгами, граничили с Черным морем, Абхазией, Кавказским хребтом и Аланией. Они начинались от Тамани, одного из рукавов Кубани по Черноморскому побережью, и тянулись до реки Начапсухо (Нечепсухо), несколько южнее Джубги.[220] З. В. Анчабадзе, например, говорит о вхождении адыгов в состав этого государства.[221]

Территория от Никопсии до реки Укрух (определенную Константином Порфирогенетом как пределы Зихии) длительное время находилась в сфере политического влияния абхазских царей.

В районе «Хазарской реки» проходила граница Абхазского царства с Хазарией и в момент образования Абхазского царства. Союзнический долг с Хазарией ограничивал дальнейшее расширение абхазского царя в этом регионе. Временное ослабление Византии и политическая активность Абхазского царства создали в регионе новую ситуацию с доминированием позиции абхазских царей. К сожалению, изменение границ в зависимости от конкретных обстоятельств слабо прослеживается по источникам.

Прав М. В. Бибиков когда говорит, что большие проблемы у кавказоведов, привлекающих сведения византийских землеописаний, географических комментарий и трактатов, где очевидна архаичность терминологии.[222] Возвращаюсь к сведениям Константина Порфирогенета. Если верить сообщениям Джуаншера и Вахушти, доводившим границу Абхазского царства на северо-западе до реки Кубани («реки Хазарской»), тогда ценность сообщения Константина Порфирогенета видится нами в указании им на р. Укрух (один из рукавов р. Кубани) как границы Зихии, отделяющей ее от Таматархи. Если Зихия подчинялась абхазским царям, то р. Укрух и есть граница и Зихии, и Абхазского царства. Расплывчатое понятие «река Хазарская» (то есть река Кубань) уточняется благодаря Константину Порфирогенету, а именно его указанию на р.Укрух.

[219] Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. – М. –Л.: 1938. – С. 95.

[220] Очерки истории Адыгеи. – Майкоп, 1967. – С. 61.

[221] См.: Анчабадзе З. В. Указ. соч. –С. 106.

[222] Бибиков М. В. К изучению византийской этнонимии // Византийские очерки. – М., 1982. –С. 149.

В VIII в., когда Хазария определяла сферу своего политического влияния в Предкавказье, были предприняты дипломатические шаги, приведшие не только к оформлению союзнических отношений с Абхазией, но и оформлению границ.

Р. Нечепсухо (Никопсис), или же р. Малая Хазарская, Лихи, Черное море, Кавказские горы – это наиболее устойчивые пределы Абхазского царства.

С изменением границ, территориальным расширением Абхазского царства связано и расширение значения терминов «Абхазия» и «абхазы».

О ПОЛИТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ И ТИТУЛОВАНИИ ПРАВИТЕЛЕЙ АБХАЗСКОГО ЦАРСТВА. Основатель Абхазского царства Леон II принял титул «царя абхазов», символизировавший независимость от империи. Новая политическая реальность, в том числе изменение титулования абхазских правителей, нашла отражение в «Летописи Картли». Если ранее грузинские средневековые авторы употребляли титулы «мтавари» и «эристави», после образования Абхазского царства используется титул «мепе», что означает «царь».

Однако византийские власти принципиально отказывались титуловать абхазских правителей «царями». Также как образование нового независимого государства на восточном берегу Черного моря не входило в планы имперских властей, титулование его правителей «царями» противоречило имперской политической доктрине, которую византийцы нарушали в редчайших случаях, как, например, это было с болгарами и франками.

«Однако, – пишет З.В. Анчабадзе, – следует обратить вни-

мание на то обстоятельство, что лишь глава Абхазского царства удостаивается звания «эксусиаста»(владетеля). Оно же, по византийской «табели о рангах», считалось выше звания архонта».[223] «Эксусиаст» переводится им как «владетель», хотя он соответствует и термину «властитель».

В данном высказывании допущена неточность, поскольку в сочинении «О церемониях византийского двора» «эксусиастом» назван и аланский правитель.

У Константина Порфирогенета имеется официальное обращение к правителю Абхазии, а именно: «Христолюбивому, Божьей милостью блистательному эксусиасту Абхазии».[224] Именно так обращался константинопольский патриарх Николай Мистик (901– 925) в своих письмах к абхазскому царю Георгию II. В традицию, согласно которой византийские официальные круги употребляли в отношении абхазских царей (магистры, эксусиасты), не вписывается фраза из письма патриарха Николая Мистика, а именно о «царском достоинстве».[225] Ее можно понимать как косвенное свидетельство противоречий, существовавших в вопросе титулования абхазских правителей византийской дипломатической канцелярией.

В сочинении Константина Порфирогенета «Об управлении империей» тот же Георгий носит титулы и магистра, и эксусиаста. Кроме того, правитель Абхазии, согласно сообщению Константина Порфирогенета, получает от византийского императора «золотую буллу (кольцо с изображением императора. – **И.А.**) весом в два солида».[226]

Сообщения Константина Порфирогенета подробно использовал Ю. Кулаковский применительно к истории Алании[227].

Сведения византийских авторов прямолинейно трактует В.В.Латышев: «...В первой половине X в., в царствование Константина Порфирогенета, мы снова видим Абхазию в вассальных отношениях к Византийской империи. Ее правители официально назывались тогда не царями, а «властителями» и подобно некоторым другим кавказским властителям получали от византийского императора «приказы». [228] С такими рассуждениями мы не согласны, потому как считаем, что «абхазский материал» Константина Порфирогенета вне контекста особенностей византийской дипломатии, а также имперских политических и идеологических концепций, не может быть проанализирован объективно.

«Перед специалистами, – пишет Бибиков М.В., – встает проблема не выборки из источников нужных ему отдельных фактов, а критическое постижение сложности, многоплановости самого факта, самого средневекового слова, передающего сообщение о событии. Делается попытка уловить внутреннюю динамику данных, установить причину появления именно тех, а не иных сведений, того, а не иного отражения в иноязычных памятниках событий, связанных с отечественной историей».[229]

В этой же связи хотелось бы обратить внимание на высказывание Ш. Диля о том, что «императорская канцелярия, всегда очень внимательная к формам этикета, с точностью определяла титулы, даваемые государям, с которыми она вступала в сношение, а также стоимость золотой печати, прикрепляемой к письмам, которые посылал император».[230]

Арабский автор X в. Ибн Хаукаль в списке имен крупных феодальных правителей в первую очередь называет Ширваншаха, а за ним – Абхазшаха[231]. Своего современника Георгия II, имевшего большие заслуги перед Византией, Константин Порфирогенет не удостоил титула «царя», в то время как «Летопись Картли» называет его «царем великим и богом возлюбленным».

---

[223] Анчабадзе З. В. Указ. соч. – С. 138.

[224] Constantine Porphyrogenitus. De ceremoniie sulse Bysantinse. – P. 686.

[225] Георгика. – С. 212, 214 –215.

[226] Constantine Porphyrogenitus. De ceremoniie sulse Bysantinse. –P. 686.

[227] См.: Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. – Киев, 1899.

[228] Латышев В. В. Указ. соч. – С. 1801; Бибиков М. В. Указ. соч. –С. 334.

[229] Бибиков М. В. Указ. соч. –С. 3.

[230] Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. – М., 1947. – С. 13.

[231] См.: Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI веков. – М., 1963. – С.9.

У Константина Порфирогенета Георгий упоминается в связи с его активным участием в делах Тао-Кларджети. Тао-Кларджетское царство, как свидетельствуют грузинские авторы, было одним из главных соперников Абхазского царства в борьбе за главенство над грузинскими землями. Как сообщает византийский автор, эристав эриставов Гурген Великий (901–941), игравший большую роль в Тао-Кларджети, был основным противником Георгия II Абхазского. Ему Георгий противопоставил сына первого таойского царя Адарнасе – Ашота Куропалата (903–964) женатого на сестре Георгия II. Союз этот вначале не увенчался успехом. Однако после смерти Гургена Георгий II восстановил свое влияние в Тао-Кларджети, даже захватил часть ее территории. И этот Георгий, так же как и другие кавказские правители, упоминаемые в трудах Константина Порфирогенета, не носит титула царя. Несоответствие в титуловании абхазских правителей в грузинских и армянских источниках, с одной стороны, византийских, с другой, подтверждает намеренное неупотребление византийскими авторами титула «царя» в отношении абхазских царей, что соответствовало дипломатической сдержанности имперских властей.

История Византии свидетельствует, что византийские власти только в исключительных случаях уступали своим принципам и признавали за иностранными правителями титул «царя». Нам известны два таких случая, которые связаны с болгарами и франками. В свое время агрессивные военные действия болгарского князя Симеона и его политические амбиции заставили византийские власти уступить в таком принципиальном для них вопросе и признать за ним титул «василевса болгар». Вырвать у византийцев титул «императора» удалось в свое время франкскому королю Карлу Великому. В обоих случаях Византия оказывалась на грани непредсказуемого антагонизма со своими врагами.

ГЛАВА III. АБХАЗСКОЕ ЦАРСТВО И ВИЗАНТИЯ В IX–X ВВ.

§1. ВИЗАНТИЯ И АБХАЗСКОЕ ЦАРСТВО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ IX В. НАЧАЛО БОРЬБЫ ЗА КАРТЛИ

После отпадения Абхазии от Византии, разрешившего многовековую задачу внешней политики абхазских правителей, началась важная веха в истории абхазо-византийских отношений.

Для своего времени Абхазское царство было одной из важнейших политических единиц Кавказа. Высокую оценку общеполитического состояния Абхазского царства, игравшего значительную роль в экономической и политической жизни региона, дает армянский историк (епископ) X в. Ухтанес в своей «Истории Армении» , о чем мы писали выше.

Абхазское царство было одним из тех раннефеодальных государств, о которых академик Б. Д. Греков пишет, что они «располагают огромными ресурсами, благодаря чему этим государствам удается расширить и укрепить свои границы, сплотить разрозненные части в политическое целое, дать народу возможность развивать свои производительные силы».[232]

Благодаря грузинским, а также армянским источникам удается проследить динамику политического развития Абхазского царства. Интересно наблюдать за тем, как абхазский царь, переместившись в новую столицу, активно вступает в борьбу за лидерство в кавказском регионе. В результате эти действия выливаются в решение сложных вопросов, связанных с политическими взаимоотношениями с Византийской империей, Армянским царством Багратидов, грузинскими княжествами – Тао-Кларджети, Кахетии, Эрети. Для автора «Летописи Картли» важны именно эти отношения, и он ничего не сообщает о возможных попытках со стороны визан-

[232] Греков Б. А. Киевская Русь. – М., 1953. – С. 321.

тийских властей принудить абхазского царя отказаться от своих политических решений

Уже присоединение Эгриси к Абхазии было важным сигналом, указывавшим на основной вектор действий абхазских царей для расширения территории Абхазского царства за счет восточногрузинских земель. Наступательность – вот что характерно было для деятельности Леона II и его ближайших преемников. Энергичный, целеустремленный Леон II начал осуществлять свои честолюбивые замыслы. Главным объектом экспансии ближайших преемников Леона II становится Картли. Почему? Она являлась центральной областью картвельских земель, здесь проходили и скрещивались торговые пути местного и международного значения. К примеру, из Внутренней Картли вели дороги в Западную Грузию (через Сурамский перевал), Кахетию, Армению и т.д. И, конечно же, желающих закрепить за собой эту область было много. В основном это были закавказские правители, которые поддерживались и внешними силами.

«Интересы Византии, Халифата и Хазарии, – пишет М. Д. Лордкипанидзе, – скрещивались в Закавказье. В начале Абхазия использовала противоречия между Византией и Хазарией и заручилась помощью хазар против Византии. У хазар в это время были свои особые планы в отношении стран Закавказья. Этим следует объяснить их активную помощь абхазским правителям в борьбе против Византии, картлийскому эрисмтавару – против арабов».[233]

Так, одним из главных политических соперников Абхазского царства выступило Тао-Кларджетское княжество (с 888 года – царство). Его образование произошло по инициативе и при поддержке византийских властей. В «Летописи Картли», непосредственно за сообщением об образовании Абхазского царства, следует информация о возникновении княжества Тао-Кларджети. Теснимый арабами наследник картлийского эристава Ашот Багратиони перешел в подвластную Византии грузинскую провинцию Кларджети и сделался

[233] Лордкипанидзе М. Д. Политическое объединение феодальной Грузии (IX–X вв.). Автореферат. – С. 30.

вассалом императора. Тот пожаловал ему титул куропалата. Этот Ашот «волею греческого царя» вскоре усилился.[234]

Так за спиной Абхазского царства византийские интриганы помогали укрепиться новой политической силе – Тао -Кларджети.

Подчеркнутую анонимом поддержку Ашоту Багратиони со стороны византийского императора можно понимать как действие, направленное против абхазского царя, за спиной которого стояла Хазария. Византия не была готова к антихазарским и антиабхазским действиям более открытого характера. Это подтверждается характером развития взаимоотношений между Византией и Тао-Кларджети, с одной стороны, Абхазским царством и Тао-Кларджети, с другой. То есть, Тао-Кларджети позиционирует как верный вассал империи и активный политический конкурент Абхазии. Правда, в IX–X вв. Тао-Кларджети активно участвует и в борьбе против арабов.

Интересы политических соперников Абхазского царства и Тао-Кларджети пересекались главным образом в Картли. Борьба за Картли была начата при абхазском царе Феодосии I (791– 825). На этом этапе он выступал на стороне тао-кларджетского куропалата против кахетинского правителя Григола.

«Активное участие абхазского царя Феодосия в этой борьбе объясняется не только стремлением оказать поддержку захватническим планам своего тестя, сколько желанием изгнать из Картли более опасного, на его взгляд, соперника – кахетинского мтавара. Самому же претендовать на овладение Картли у Феодосия, по-видимому, не было еще возможности».[235] Можно предположить, что его сдерживала неурегулированность отношений с Византией.

БОРЬБА С АРАБАМИ. КУЕЦХОБА, 853.

Время от времени создавались антиабхазские коалиции. Так, например, Абхазскому царству приходилось бороться за Картли не только с Тао-Кларджети, но и с Арабским хали-

[234] Картлис Цховреба. – Т. I. – С. 252.

[235] Анчабадзе З. В. Указ. соч. – С. 123.

фатом и тбилисским эмиром. Они препятствовали главной политической линии абхазских царей, направленной на распространение своей власти на восточногрузинские земли. Допущение усиления Абхазского царства означало бы установление его гегемонии в закавказском регионе.

Так, в начале 50-х годов IX в. для восстановления поколебавшегося арабского владычества халиф Мутаваккиль (846–861) послал в Закавказье большое войско под командованием Буги-турка. Тот в течение трех лет (852–854) подвергал разорению Армению, Азербайджан и Восточную Грузию. Тогда «царь абхазов Феодосий (надо полагать – Дмитрий. – **И.А.**) выступил против Буги и закрепился в Куецхоба. Когда Буга узнал об этом, то послал против него Зирака, своего военачальника и Баграта, сына Ашота Куропалата. Сразились они, абхазы были обращены в бегство, и погибло их бесчисленное множество».[236] Это событие произошло 5 августа 853 года, то есть после взятия арабами Тбилиси и убийства ими эмира Сахака, как это повествуется в надписи на Атенском храме.[237]

Согласно выдержке из «Летописи Картли», в то время, когда абхазский царь Дмитрий II (825 – 861) боролся с арабами в Картли, сын таоиского правителя Ашота Куропалата –Баграт поддерживал арабов. Видимо это обстоятельство и имел в виду А. Леонид, когда писал, что «цари абхазские, поддерживаемые греками, старались изгнать арабов из пределов единоверной им Грузии, но встречали неодолимые препятствия со стороны артануджских Багратидов, поддерживаемых арабами, и имевших также в виду покорение всей Грузии».[238]

Таким образом, не было хоть сколько-нибудь длительного постоянства во взаимоотношениях сторон. Союзники часто превращались во врагов.

Соперничество в регионе за главенство мешало созданию единой антиарабской коалиции. Это один из выводов, который можно извлечь из истории сражения у Куецхоба. Другим

[236] Картлис Цховреба. – Т. 1. – С. 256.

[237] См.: Джавахишвили И. А. История грузинского народа. – Т. II. – С. 95-96.

[238] Леонид А. Указ. соч. – С. 10.

выводом является продолжение функционирования абхазо-хазарского союза против арабов. После поражения, сообщает арабский историк Масуди (X в.), «абхазы и хазары платят дань владетелю пограничной области Тифлиса».[239]

Комментируя это место из сочинения арабского автора, З. В. Анчабадзе отмечает: «Весьма сомнительно, что абхазские цари платили дань тбилисским эмирам во времена Масуди (X в.), но вполне допустимо, что в IX в., в особенности после вторжения Буги, Абхазское царство было обложено данью на некоторый срок».[240]

Но дань эта не соответствовала тому грабительскому «хараджу» (поземельный налог), которым облагалось население завоеванных стран.

«Под «хараджем» Масуди, – продолжает З. В. Анчабадзе, – следует разуметь систематически выплачиваемую арабам денежную (частично, возможно, и натуральную) компенсацию за поддержание мирных отношений. Не случайно дань, выплачиваемую абхазами, Масуди упоминает наряду с хазарской данью».[241]

Поражение в сражении у Куецхоба не остановило абхазского царя. Его притязания на Картли не прекратились. И успех не заставил себя ждать. В 60-х годах IX в. Георгию I (861–868) Агцепскому удалось впервые завладеть Картли: «Прибыл Георгий, царь абхазский, брат Феодосия и Дмитрия, сын Леона: овладел он Картли и поставил здесь эриставом Чихской (области) сына Дмитрия».[242]

АБХАЗЫ И ВОССТАНИЕ ФОМЫ СЛАВЯНИНА. Образование Абхазского царства означало ослабление позиции Византийской империи на Кавказе. Первые сведения византийских авторов об абхазо-византийских отношениях в условиях независимой Абхазии относятся к 20-м годам IX в. Речь идет об одном важном эпизоде, автором которого является Иосиф Генесий. При описании участия павликиан

[239] См.: СМОМПК. – Вып. – С. 56.

[240] Анчабадзе З. В. Указ. соч. – С. 142.

[241] Там же.

[242] Картлис Цховреба. – Т. I. – С. 258.

в восстании Фомы Славянина он затронул важный момент истории абхазо-византийских отношений: «И никто не оставался не вовлеченным ни с востока, ни с запада, ни из тех, кто имел рабский удел и ненавидел господ, ни из целых народностей, которые в разные времена вливались и следовали за ним, как за новым Ксерксом. Итак, он заключил союз с агарянами, индами, египтянами, ассирянами, мидянами, абасгами, зехами, иберами, кабирами, славянами, гуннами, вандалами, готами и теми, кто разделил позорное заблуждение ману, лазами».[243]

Представители разных этносов, входивших в пределы Абхазского царства (абазги, зехи, лазы) участвовали в восстании под руководством Фомы Славянина. Массовое антифеодальное восстание в Византии, во главе которого стоял один из видных военачальников Фома Славянин, это крупное социальное и политическое движение в Византии датируется 820-825 годами и было поддержано многими недругами империи. Так, например, арабы организовали в Антиохии коронование Фомы и тут же стали собирать наемную армию из различных народностей Востока. Фома вербовал своих сторонников везде, где было возможно. Пользовавшийся широкой популярностью он создал многочисленную армию. Длинный перечень влившихся в повстанческую армию племен и народностей Малой Азии и Кавказа находит свое подтверждение в официальном письме императора Михаила франкскому королю Людовику, где в числе сторонников Фомы названы арабы, персы, иберы, армяне, абасги.[244] Восстание Фомы Славянина потерпело поражение. Содействие арабов Фоме дискредитировало его движение и дало возможность противникам объявить это движение «нашествием иноплеменников».[245] Кроме того, принятие Фомой имени Константина – сына восстановительницы иконопочитания

[243] Genes. – P. 32 / См.: Липшиц Е.Э. Очерки истории византийского общества и культуры. – М. Л–, 1961. –С. 82.

[244] СМ.: Липшиц Е. Э. Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII-IX вв. // ВДИ. 1939. №1. – С. 356.

[245] История Византии. – Т. II. – С. 73.

Ирины, зверски ею же ослепленного, по мнению Е.Э. Липшиц, «не могло не оттолкнуть от Фомы монахов, не переставших петь дифирамбы Ирине за ее покровительство монастырскому землевладению».[246]

Что привело абхазов в коалицию народов, поддерживавших антиправительственное выступление в Византии? Правильнее будеть искать мотивацию подобных действий населения Абхазского царства именно в общем контексте абхазо-византийских отношений, эволюционировавших в недружественном ключе. Это была возможность отомстить византийским властям, ослабить империю. Определенное воздействие на абхазов мог оказать факт принятия Фомой имени Константина (сына императора Льва IV Хазара, двоюродного брата Леона II). В свое время жестокое обращение с Константином могло быть фактором, ускорившим свершение политического акта Леона II. Трагическая судьба Константина, наследника византийского престола, от которого абхазы, думается, ожидали серьезную поддержку, долго волновала абхазское общество.

На взаимоотношения Абхазского царства и Византии в IX в. продолжала влиять Хазария. Нет повода для сомнения в продолжении абхазо-хазарского союза. Место Абхазии в системе византийско-хазарских отношений справедливо подчеркнуто Фр. Дворником.

«В случае вражды между двумя государствами (т.е. Византией и Хазарией. –**И.А.**), – отмечает он, – абхазы могли стать союзниками хазар и опасным врагом для Византии... Абхазы в самом деле занимали важное место во внешней политике хазар, так как они имели возможность оказывать давление на Византию».[247]

Усиление военно-политического потенциала и расширение территории Абхазского царства в ходе реализации абхазскими царями их восточной политики было в интересах Хазарии. Доминирующим фактором международной политики и абхазских и хазарских правителей были Византия и

[246] Липшиц Е. Э. Указ. соч. – С. 357.

[247] Dvornik / Fr. Les legends... – P. 175.

арабы. Одновременно союз с хазарами сдерживал антиабхазские настроения византийских властей и на протяжении столетия служил гарантией мира между Византией и Абхазией.

В начале IX в. Хазарию охватили длительные религиозные войны, ослабившие государство. Отношения с Византией становились все более напряженными: хазары опасались и торговой конкуренции византийцев, и прямого проникновения империи в причерноморские степи. Конфликт возник уже в 834 г., когда византийские строители во главе с Петроной прибыли в Хазарию, чтобы помочь хакану построить крепость Саркел на Дону. Попытки Петроны укрепить византийское влияние в Саркеле (он намеревался построить здесь христианский храм) встретили резкое сопротивление хазар. Тогда Феофил решил упрочить позиции империи в Крыму: Херсон был превращен в фему Климаты, во главе которой был поставлен стратиг».[248]

В 30-х годах IX в. напряженными были отношения империи и с арабами. Император Феофил (829–848) в отчаянии обратился к странам Запада за помощью против мусульман.

Продолжатель Феофана сообщает, что в начале 30-х годов IX в. абхазы оказались в состоянии войны с арабами и обратились за помощью к Византии, и она направила в Абхазию огромное войско: «И в его (т.е.Феофила) императорство в октябре месяце 8 индиктиона ромейский флот потерпел поражение в борьбе на острове Фасисе и весь совершенно был уничтожен. Но и после армия исмаелитов не прекратила нападений не только на жителей этого острова, но и на всех других островитян. И вновь в Абхазию были посланы с многочисленным войском Феофобом и братом Феодоры Вардой и так пострадали, что оттуда вернулись лишь жалкие (немногие) из них».[249]

Это известие рассказано в III книге Продолжателя Феофана. Комментируя его, Лебо писал: «Экспедиция эта была отправлена в Абхазию в 832 году. Здесь абхазы восстали

[248] История Византии. – Т. II. С. 75.

[249] Fheophanes Continuetus. – P. 325.

против саркинозов и попросили помощь у византийского кесаря».[250]

Правители Абхазского царства не могли быть заинтересованы в успехах арабов. Выше уже рассматривался один из эпизодов противостояния Абхазского царства с арабами. Возможно, что на антиарабской основе стороны и начали сближаться.

Эти комментарии приняты рядом историков, в том числе С. Г. Каухчишвили [251] и З. В. Анчабадзе[252]. Сведения Продолжателя Феофана в этой части поставил под сомнение Фр.Дворник, датирующий это событие 830-м годом. Он не согласен с утверждением о том, что поход византийцев был вызван просьбой самих абхазов для борьбы с арабами.

«Император Феофил, – пишет Фр. Дворник, – имел большой интерес в землях на побережье Черного моря. В особенности, он старался покорить отпавших абхазов. Его первая попытка датируется 830 годом. Если ссылаться на Продолжателя Феофана, военные операции, порученные Феофилу и Варде, остались безрезультатными и само византийское войско испытало серьезные потери».[253]

Фр. Дворник увязывает действия Византии не с арабами, а с враждебными устремлениями имперской политики в отношении Абхазского царства.

Абхазское войско противостояло арабам в Картли. Дальнейшее развитие событий больше подтверждает позицию Фр. Дворника. Так, в 837 году император Феофил попытался подчинить Абхазию. Однако поход, сопровождавшийся большими успехами в Армении, не был в такой же степени успешным и в Абхазии. После этого Феофил начал осуществлять идею реорганизации византийских провинций, пограничных с Арменией и арабами. Он учредил в независимой феме – Халдии часть пограничной с Арменией фемы: эта новая фема должна была, как полагает Фр. Дворник, позво-

[250] Dvornik Fr.Les legends... – P. 175.

[251] См.: Георгика. – Т. IV. – С. 327.

[252] Анчабадзе З. В. Указ. соч. – С. 140-141.

[253] Dvornik / Fr. Les legends ... – P. 175.

лить империи не только наблюдать за Арменией, но и основать базу для будущих операций против абхазов.[254] Противоречия в их отношениях, судя по источникам, наблюдаются и в начале 40-х годов IX в., когда империя выступила против Абхазии еще более энергично.

После смерти императора Феофила (842), когда власть оказалась в руках клики городской верхушки во главе с императрицей Феодорой и фактически правителем страны стал константинопольский вельможа Феоктист, против Абхазского царства было направлено морем многочисленное войско. Им командовал тот же Феоктист. Еще до высадки на побережье Абхазии, как свидетельствует Продолжатель Феофан, византийский флот был сильно потрепан бурей, а достигшие берега войска потерпели поражение и были отброшены.

Потери византийцев в этой экспедиции составили 40 тыс. чел.[255] Данное сообщение Продолжателя Феофана А.Н. Дьячков-Тарасов комментировал следующим образом: «Разгневанный император послал сильное войско в 40 тыс. воинов, оно заняло все стратегические пункты Абхазии, в том числе и Гагры: часть абхазов покорилась, часть удалилась в недоступные ущелья».[256]

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЦАРЯ БАГРАТА. СОПЕРНИЧЕСТВО АБХАЗСКИХ И АРМЯНСКИХ ЦАРЕЙ. После кончины бездетного царя Георгия I в Абхазском царстве произошли события, последствием которых стало отстранение от престола Леонидов. Наследниками Георгия I были его племянники (сыновья царя Дмитрия) – чихский эристав и малолетний Баграт. Однако вдова покойного царя организовала заговор, в результате которого чихский эристав был убит, Баграта же спасли его приверженцы и отправили в Византию. Абхазским престолом завладел мтавар Иоанн Шавлиани.[257]

В борьбе за абхазский престол противостояли две феодальные группировки: супруга умершего царя вместе с ее

[254] Ibid.

[255] Fheophanes Continuetus. – P. 325.

[256] Дьячков-Тарасов А. Н. Указ. соч. – С. 40.

[257] Картлис Цховреба. – Т. I. – С. 258.

ставленником из рода Шавлиани во главе царства, с одной стороны, и абхазская знать, поддерживавшая законного наследника престола Баграта, с другой стороны. Последующие 20 лет Баграт проведет в Константинополе. Судя по всему, законный престолонаследник не терял связи с родиной и готовил свое возвращение.

В частности, Баграт заключил союз с Насром, сыном таоиского владетеля Гуарама. Этот Наср, противостоявший Давиду Куропалату (876 – 881), находился в изгнании в Византии. Главное – Баграт получил поддержку со стороны Византии. «Летопись Картли» в этой связи сообщает: «Баграт, сын абхазского царя Дмитрия, находился в Греции, в Константинополе: дал ему царь войско и отправил морем на кораблях в Абхазию. (По прибытии туда) Баграт убил Адарнасе (сына Иоанна Шавлиани. – **И.А.**) и овладел Абхазией».[258]

Возможно, что византийская сторона пыталась восстановить свое влияние в Абхазии именно таким образом. Такая позиция византийских властей могла быть мотивирована их разочарованием в политике таокларджетских правителей, объявивших Тао-Кларджети царством. Это был шаг, спровоцировавший противоречия между Тао и Византией, и свидетельство того, как возрастали претензии Тао-Кларджети на самостоятельность.

Овладев абхазским престолом, Баграт стал открыто вмешиваться во внутренние дела Тао-Кларджети: «вывез Баграт, царь абхазов, шурина своего («брата жены») из Греции и дал ему свое войско. И Наср захватил три крепости: Одерке, Джварисцихе и Ломоната, построенные Гуарамом»[259] Главным противником Насра был Адарнасе, сын убитого им Давида Куропалата. Этот Адарнасе и его сторонники призвали на помощь армянского царя Ашота. Возможно, что поддержка со стороны армян и определила исход сражения, состоявшегося в 888 году на берегах р. Куры. В «Летописи Картли» говорится: «Прибыли Гурген и Адарнасе, сын Давида: помогали им армяне; сразились они на реке Куре и по-

[258] Картлис Цховреба. – С. 259. – Т. I.

[259] Там же. – С. 262.

бедили абхазов, убили Насра и правителя осетин Бакатара, а также эристава абхазского».[260]

«Искусно организованная борьба между Насром и наследником Давида, – пишет И.А. Джавахишвили, – была в действительности борьбой между абхазами и армянами».[261]

С 80-х годов особое значение приобретает борьба между Абхазским и Армянским царствами. Армянские цари становятся основными соперниками абхазских правителей в Картли. Они пытались распространить свое влияние на ряд областей Закавказья (кроме Картли еще и на Тбилисский эмират и Гугарк) и Северный Кавказ (территория близ Дарьяльского ущелья). На этом этапе позиции Армении в Грузии были предпочтительнее. В Алании же преимущественным влиянием пользовались абхазские цари, которые вместе с аланами противостояли армянским царям, пытавшимся занять собственные позиции на Северном Кавказе.

В течение IX в. Арабская держава переживала процесс политического распада. И в этих условиях арабам все труднее становилось поддерживать свое владычество на завоеванных территориях, а тем более думать о новых завоеваниях. И теперь все меньше было шансов усиливать свое влияние в Закавказье.

§2. ЛЕОНИДЫ В ПЕРИОД РАСЦВЕТА АБХАЗСКОГО ЦАРСТВА (КОНЕЦ IX–ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА X ВВ.).

Пожалуй, ни один из исследователей проблемы Абхазского царства специально не задавался целью дать периодизацию его истории. Но при этом в литературе мы неоднократно сталкиваемся с тем, что историки в той или иной мере подчеркивают значимость отдельных царей. Известный востоковед В. В. Бартольд в статье «Абхазы» говорит о наивысшем расцвете Абхазского царства в период между 850 и 950 гг., «когда цари абхазские распространили свою власть на Абхазию, Мингрелию, Имерети, Картли, вмешивались также и во

[260] Картли Цховреба. – С. 62.

[261] Джавахишвили И. А. Указ. соч. – С. 99.

внутренние дела Армении».[262] З.В. Анчабадзе и Ш. Д. Иналипа считали таковым время правления Георгия II. Нам же в этой связи хочется сделать некоторые уточнения. Не оспаривая мнение историков о времени правления Георгия II как о наиболее успешном, все же считаем, что будет правильнее учитывать существование неразрывной политической и идеологической связи между правлением Константина III (893 – 916) и Георгия II (916 – 957). Это одна эпоха, успешная с точки зрения достижения внутренней (политической и социальной) стабильности и решения задач внешнеполитического и стратегического характера. Правда, в сохранившихся источниках средневековыми авторами наиболее отмечен Георгий II.

На первом этапе (с момента образования Абхазского царства до вступления на престол Константина III) закладывается основа для наступательной внешней политики, определяется ее основной вектор, пресекаются попытки внешних сил, прежде всего Византии, сокрушить Абхазское царство.

На втором этапе Леониды уверенно управляли своим государством и реализовывали свои гегемонистские амбиции в закавказском регионе. Так, Константин III прочно завладел Картли, и правитель Армянского царства Багратидов вынужден был придерживаться дружественных отношений с Абхазией, кахетинский корепископ Квирике I впервые признал себя вассалом Константина, а область Эрети оказалась в его подчинении.

Имея в виду время правления Константина, успехи его завоевательной политики в Восточной Грузии, И. А. Джавахишвили отметил, что отныне «преимущество и главенство в Грузии оказалось в руках абхазских царей».[263] Этот же период имеется в виду, когда К. Туманов говорит, что «в одно время абхазам удалось оттеснить Багратидов из большей части Иберии и подойти вплотную к осуществлению объединения всех грузинских земель».[264]

[262] Бартольд В. В. Сочинение. – Т. II. Ч. I. – М., 1963. – С. 862.

[263] Джавахишвили И. А. Указ. соч. – С. 102.

[264] Toumanoff C. Cronology of the king Adasgie... – P. 76.

Реконструкция абхазо-византийских отношений во времена Конастантина III и Георгия II – трудная задача.

Константин III (893 – 916), наследовав Баграту в начале 90-х годов IX в., смог в течение короткого времени добиться политической стабилизации в своем государстве и сосредоточил свои силы на решении проблемы распространения своей власти на Картли и другие близлежащие районы Грузии. И вскоре усилия абхазского царя дали желаемый результат: он завладел Картли, одновременно вызвав недовольство со стороны армянского царя Смбата. Последний «выступил с большим войском и осадил Уплис-цихе»[265] В этой борьбе, как свидетельствует Иоанн Драсханакретци, Смбата Исповедника поддерживал царь Тао-Кларджети Адарнасе.[266]

Так обычно поступали правители Тао-Кларджети лишь бы как-нибудь воспрепятствовать усилению абхазских царей.[267] Кстати, косвенным подтверждением усиления Абхазского царства является то обстоятельство, что тао-кларджетские куропалаты и армянские цари только объединенными силами могли действовать против абхазов в Картли. При Константине III даже такой союз не оправдал своей цели. И только в 80-х годах IX в., в условиях временного ослабления Абхазского царства, в период двадцатилетнего правления узурпаторов Иоанна и Адарнасе Шавлиани, правитель Тао-Кларджети Адарнасе объявил себя «царем картвелов».

В конце IX – начале X вв. Армянское и Тао-Кларджетское царства не очень успешно соперничали с Абхазией. «В 906 году, – пишет А. Коллауц, – царь Константин... дружественно настроенный в отношении византийцев, аннексировал у Багратидов Картли, основную часть их владений, и Картли стала вице царством».[268]

Смбат I, рискуя перед угрозой арабов втянуться в войну с Константином, решил через Адарнасе вынудить абхазов

[265] Картлис Цховреба. – С. 262.

[266] Иоанн Драсханакертский. История Армении. – Ереван, 1986. Пер. с древнеарм., вст. сл. и коммент. Варбинян-Меликян М. О. – С. 188.

[267] Джавахишвили И. А. Указ. соч. – С. 101.

[268] Kollautz A / Abasgen-Abasgia... S. 20.

мирно очистить Картли. Получив ультимативное письмо, абхазский царь возмутился и сообщил Смбату, что не отдаст ему «область из отечества моего». Как видим, абхазский царь считал свои претензии на Картли настолько обоснованными, что включил этот край в пределы своего отечества.[269]

Видя безнадежность решения проблемы таким путем, армянская знать пошла на вероломство. Во время переговоров армянские феодалы по сговору с таоиским куропалатом пленили Константина и отправили в Армению, где заточили его в крепости Ани. В его отсутствие в Абхазии начались волнения. Узнав об этом, армянский царь освободил Константина.

Заключенный между ними мирный договор, согласно которому Смбат I уступил Константину крепость Уплис-цихе и всю Картли[270], был скреплен браком Константина с дочерью Смбата, был выгоден Абхазии. И не только. Это было признание армянским царем своего поражения в противоборстве с абхазами в борьбе за Картли. Армяне одновременно дистанцировались от Тао-Кларджети.

Уступчивость Смбата объясняется осложнившимися к тому времени его отношениями с арабами и тем, что армянские цари не желали одностороннего усиления куропалата.[271]

Что касается абхазо-византийских отношений в конце IX в. затруднительно их конкретизировать. И только ретроспективный взгляд более поздних авторов позволяет предполагать, что несмотря на неустраненность глубоких противоречий, заложенных новым правовым и международным статусом Абхазского царства с VIII в., в его отношениях с Византией началась мирная полоса.

Внешняя политика Византии конца IX – начала X вв. испытывала трудности переломного в социальной и политической истории страны периода, совпадавшим с началом правления Македонской династии (с 867 г.). В это время во внешней политике империя терпит одно поражение за

[269] Хонелия Р. А. Указ. соч. – С. 13.

[270] Картлис Цховреба. – Т. 1. – С. 362.

[271] Хонелия Р. А. Указ. соч. – С. 19.

другим, а разорение крестьянства затруднило набор ополчения.[272]

Общеизвестно, что в системе политических взаимоотношений Византии с окружавшими странами в IX – X вв. большое значение имели ее отношения с северными соседями. Во второй половине IX в. особенно ясно проявилась вся мудрость приверженности Византии к Крыму. Появление новых варваров на северном горизонте заставило империю установить другое равновесие сил в степной полосе. Первыми из пришельцев были печенеги. Византийская дипломатия ответила на угрозу политической реорганизацией: если до этого она опиралась на хазар, теперь же она повернула к аланам.[273]

Что касается Абхазского царства, то его правители в связи с международной ситуацией, осложнившейся арабским наступлением, были заинтересованы в мирных отношениях с империей. Интересы сторон сближались на Северном Кавказе, где Византия свои действия по установлению гегемонии строила на предпочтении мирных отношений враждебным.

Так, в начале X в., Византия, для которой не осталось незамеченным ослабление хазарского влияния на Аланию, активизировала там свою политику. В качестве основного средства она использовала христианизацию. Как всегда и в этот раз империя рассчитывала на эффективность христианизации для установления своего политического влияния. Именно в контексте новых и активных действий византийской дипломатии на Северном Кавказе наступает важный момент в истории взаимоотношений Абхазского царства и Византии. В предполагавшихся византийскими властями мероприятиях на Северном Кавказе Абхазскому царству отводилось важное место. Опираясь на поддержку Абхазского царства, Византия осуществляла христианизацию алан, возможно, что такая переориентация со стороны Византии преследовала задачу изоляции Хазарии и противопоставления ей Алании. Возможно, что такая переориентация византийской политики устраивала Абхазию. Одновременно ее

[272] Две византийские хроники X века. – М., 1969. – С. 10.

[273] Оболенский Д. Указ. соч. – С. 49.

посредничество в действиях империи по христианизации Алании могло быть отражением усиления абхазской церкви, интересы которой на Северном Кавказе могли совпадать с византийскими, а также свидетельством распада абхазо-хазарского союза. Иначе остается загадкой, почему в период наибольшего могущества Абхазского царства его правители отчаянно защищали византийское православие?

Вспомним, что абхазы имели к христианизации алан непосредственное отношение с давних пор. «Еще в VI в., – отмечает М. И. Артамонов, – западная часть алан была тесно связана с Абхазией и через нее с Византией, восточная же по большей части выступала на стороне Ирана»[274]. И в самом деле, наиболее затронутой христианством была часть Алании, которая прилегала к Абхазии и через горные перевалы Клухор, Санчаро и другие имела прямой выход к черноморским портам. Именно здесь в VII в. функционировал монастырь Иоанна Крестителя.[275] А к VIII в., как это явствует из сообщений Феофана Хронографа, постоянные связи между абхазами и аланами были давно установившимся фактом, с конца IX в. Абхазское царство и Алания совместно противостояли стремлению Армении утвердить свое церковное влияние на Северном Кавказе.

И вот, в первой четверти X в., в связи с возрастанием роли церкви в дипломатической практике Византии и Абхазского царства, абхазо-аланские отношения получили новый импульс. По инициативе константинопольского патриарха Николая Мистика (901 – 905, 912 – 925) начинается трудный процесс подготовки крещения алан.

«Весьма значительное содействие в «призвании» алан, – пишет М. И. Артамонов, – оказали князья соседней христианской Абхазии, издавна находившейся во владении или под влиянием Византии, в связи с чем христианство в Алании прочнее всего укрепляется в пограничных с Абхазией областях, о чем можно судить по значительному числу церквей и монастырей X–XI вв. в верховьях Кубани, Теберды, Большого Зеленчука, Малого Зеленчука и др., ближе всего

[274] Артамонов М. И. История хазар. – С. 360.

[275] Кузнецов В. А. Очерки истории алан. – С. 202.

соответствующих одновременной архитектуре Абхазского побережья».[276]

По мнению В. А. Кузнецова, в распространении христианства за хребтом, в Алании, активное участие принимал правитель Абхазии Георгий II, который «оказал содействие в сооружении кафедрального собора Аланской епархии – северного Зеленчукского храма».[277]

Главным источником при изучении истории взаимоотношений Абхазского царства и Византии в первой четверти X в. является эпистолярное наследие патриарха Николая Мистика, в особенности три его письма. В одном из них он пишет: «Преславному властителю Абхазии. Твоя набожность, безупречность поведения возбудили любовь к тебе, и вот первый раз обращаюсь к тебе с письмом и как бы находясь рядом обнимаю и по-отцовски преклоняюсь и целую.

Свидетельством твоего благочестия является твое вдохновенное усердие, которое ты явил и являешь в деле спасения и приобщения к истине народа алан. Мы от разных людей сведущих узнали о твоих успехах, что ты с божьей помощью много заботился о просвещении правителя Алании и о тех, кто с ним сподобился святого крещения. Какие же веские свидетельства могут служить безупречности и благотворительности? Достаточно твоего гостеприимства, заботы и прочего беспокойства, которые ты проявил искренне в отношении нашего сына, самому архиепископу, любимого богом. Поэтому мы просим Всемогущего во много крат возместить наградой в этом бренном мире и в будущем взамен своей богатой сердечности, пусть умножит милость, да сохранит тебя от всяких бед и от всяких недостойных дел человеческих, а в будущем пусть зачислит тебя к своим любимым и близким, в том числе тех, кто является его служителями. Пока ты можешь, самый любимый богом сын, архиепископ примет мужественное утешение твое, сын наш, вообще прими благословение во много крат».[278]

[276] Артамонов М. И. Указ. соч. – С. 360.

[277] Кузнецов В. А. Указ. соч. – С. 63.

[278] Nicholas 1 Patriarch of Constantinopole. Letters. – P. 196; См. : Георгика. – Т. IV/-Ч. II. – С. 214.

Цитированное послание Николая Мистика вместе с двумя другими дошедшими до нас посланиями абхазскому царю для исследователя абхазо-византийских отношений является бесценным источником. На основании этих посланий историк может судить о характере отношений Абхазии с Византией в тот период, о роли абхазского царя на Северном Кавказе, потенциале Абхазского царства, без опоры на правителей которого Византии было бы трудно обозначить свое влияние в регионе (как на Северном Кавказе, так и в Закавказье). Ценность и достоверность источника гарантируется тем обстоятельством, что Николай Мистик фактически был правителем империи после смерти в 913 году императора Александра, и хорошо осведомлен обо всем, что писал.

В другом письме (№46), используя все свое дипломатическое искусство, патриарх говорит: «Всевышнему и возлюбленному нашему сыну, преславному властителю Абасгии. Уходом от нас твоего блаженного отца, сын наш, мы глубоко опечалены и сочувствуем горестному сердцу твоему и всем тем, которые способны любить человека, щедро наделенного отвагой и добротой. Особым был твой отец, которого все и славили, и восхищались им. И все же нашу печаль смягчает то, что промысел божий благоволил тебе, кровному отпрыску и плоду семени его, принять начало власти и явиться народу как некий образ вместо ушедшего из бренной сей жизни. Вот это облегчает наше горе и прославляет дань божью. Мы желаем, чтобы ты, милостью божьей, нимало не уступил отцу в своих деяниях, а даже превзошел бы его, и стал для подданных таким отцом и правителем, чтобы делами своими засвидетельствовать, что справедливо бог дал тебе такой жребий, и делать отца еще более блаженнее благодаря твоей жизни и добродетели, и заслужить бессмертное имя, почет и блаженство в этом преходящем мире. В знак милости посылаем тебе накидку. А об архиепископе Алании, сын наш, мне писать нечего, ты довольно сознательный, разумный и знаком с деловитостью своего отца, чтобы для спасения человека, для прославления всемогучего, вообще в обществе и без нашего письма ты будешь помогать ему и содействовать

в его трудах, чтобы божьих друзей наградить должностной данью. И если он в этом племени, в чужой земле, нуждается в чем-либо необходимым и в каких-нибудь жизненных удобствах, с готовностью предоставь ему это, бог наделил тебя такой силой, да будет оно так, помогай страждующим, ибо такая сила в тебе в довольном избытке».[279]

В письме нет имени адресата. Но скорее всего им был Георгий II. Оно было написано в форме соболезнования, по мнению А. Коллауца, между 914 – 916 или 916 – 917 годами. Данное послание подтверждает, что еще при Константине III было заложено основание для тесного сотрудничества византийцев и абхазов на Северном Кавказе. Автор письма, главный инициатор христианизации алан Николай Мистик, дает оценку успехам абхазских правителей в Алании, где те имели большое политическое и церковное влияние. С нашей точки зрения, интересны, как и риторическая преамбула, так и содержание письма, целью которых являлось всяческое поощрение нового правителя Абхазии для продолжения им совместных абхазо-византийских мероприятий в Алании.

Из переписки Николая Мистика с абхазскими царями сохранилось всего три письма. Все три принадлежат его перу. К сожалению, не сохранилось ни одного послания, принадлежавших абхазской стороне. А между тем, они существовали. Это обстоятельство засвидетельствовано в последнем из трех писем патриарха (№161), в котором отразилось , что оно является ответным посланием патриарха Георгию II. Цитируем: «Георгию, властителю Абасгии. Благодарные люди особенно те, которых бог удостоил власти, должны отличаться от других добрыми делами и не столько телесным благородством, сколько должны быть озарены духовно. Мы слышали, сын наш, что ты именно такой, и это радостно. Просим бога, который есть причина всех добрых дел твоих, дабы он все более и более украшал тебя такими благородными качествами. Образ твой как властителя показан с наилучшей стороны, но после ухода твоего из этой тщетной жизни озарит господь твоих наследников, которые взойдут на трон

[279] Nicholas 1 Patriarch of Constantinopole. Letters – P. 29.

твоими свойствами и не утратят ничего от отцовской доброты и счастья. А что ты пишешь о болгарах, то не знаю, что это за наказание божье: злая вражда длится, и благой мир не приходит. А ты, сын наш, по царскому достоинству и обычаю храни чистоту дружбы, будь готов к союзу в войне и, если настанет необходимость, все требуемое исполни как великодушный долг, дабы и здесь проявилась твоя добродетель и верность в дружбе».[280]

Только в этом послании патриарха назван адресат – абхазский царь Георгий II. Однозначно судить о характере связей между Абхазией и Византией на этом этапе трудно. Материалы данной переписки не раскрывают внутренней «пружины» нового расклада политических сил. Но наблюдается ситуация, идущая вразрез с временами, когда византийские власти «повелевали» абхазским правителям. Патриарх говорит о «дружбе» и «союзе». Это было время, когда между империей и Болгарией складывались сложные отношения, болгарский князь Симеон «вырвал» у византийских властей титул «царя болгар», и это, наряду с сохранявшимся напряженным арабским внешнеполитическим контекстом, определяло мирный характер византийской политики в кавказском регионе, в отношениях с Абхазией в частности. В условиях крайней заинтересованности Византии в северокавказском регионе, позиция абхазского царя, его поддержка приобретали важную значимость.

Об участии Абхазского царства в международной жизни свидетельствует Николай Мистик, где говорит о болгарах.

Лесть, лукавство и прочие дипломатические и идеологические инструменты использовались византийской стороной во имя «искренней дружбы».

Важен вопрос о мотивах, определявших позицию Георгия II. Недостаточно было бы говорить о некоем иррациональном провизантийском настроении его. Г. Д. Тогошвили считает, что «оказывая большую помощь духовным кругам Византии в крещении алан, абхазский царь намеревался добиться их поддержки в борьбе за объединение грузинских

[280] См.: Георгика. – Т. IV. Ч. II. – С. 216.

царств и княжеств, в которой активно участвовало Абхазское царство».[281]

Правители Абхазского царства преследовали и собственно абхазские интересы в самой Алании, в особенности из-за возникшего церковного соперничества в северокавказском регионе с армянскими царями.

Господствующую в историографии концепцию, согласно которой христианство проникло к аланам уже в VII в., но официальное крещение алан имело место в начале X в., во второе патриаршество Николая Мистика (912 – 925) и посредником Византии в этом деле был абхазский царь, попытался пересмотреть К. Г. Догузов.[282]

В первой половине X в. политическая ситуация в Закавказье была очень неблагоприятной. Здесь все еще продолжались междоусобицы. А между тем арабы наступали. За кризисом, который охватил все Закавказье, внимательно наблюдала Византийская империя, хотя в свое время усиление армянских Багратидов и абхазских Леонидов вызывало определенную тревогу у константинопольского двора, теперь же Византии далеко небезразлично было, как здесь обернутся события.

Союз византийцев с аланами был недолговечным. И в 932 году аланский правитель, подстрекаемый Романом Лакапином, пошел войной на хазар и потерпел поражение, греческие священники были изгнаны из Алании и аланы вновь признали суверенитет Хазарии.[283]

Характерно в этом отношении письмо патриарха Николая Мистика армянскому католикосу Иоанну Драсханакертци, который был изгнан арабами из своей страны и к тому времени находился у куропалата Адарнасе. Патриарх обратился к нему, в 920 году, с посланием, в котором призывал закавказских правителей прекратить междоусобицы

[281] Тогошвили Г. Д. Византия и Алания // Известия АН ГССР. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства, 1978. – №2. – С. 67.

[282] Догузов К.Г. Византийско-аланские отношения (VI–XII вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Тб., 1987. – С. 16-17.

[283] История Византии. – Т. II. – С. 303.

и объединиться в борьбе с арабами, и призывал католикоса содействовать этому.

«... Я, нижайший, поторопился прежде всего Вам дать в письме небольшой дружеский совет. В связи с этим мы отправили письма также куропалату и начальнику (старшему. – **И.А.**) абхазов, убеждая их слушаться Ваших советов, забыть взаимные столкновения, обратить взоры к дружбе, единству, согласию и миру друг с другом и со всеми ишханами Армении и Алванка и, объединившись, бороться против нечестивого врага – сыновей Аду// сеча, дабы не приключилась всем вам погибель, а с вами вместе и потрясения для сопредельных народов... Пока Вы будете со своей стороны устанавливать такой порядок, наш самодержавный и богом увенчанный царь пошлет Вам в помощь многочисленное войско, дабы Ваш куропалат, начальник абхазов, ишханы и вельможи армянские, присоединились к нашему войску, с великой помощью божьей и при Вашем священнодействии начав воевать с врагом – лжепогибельным прислужником сатаны, отбили у неприятеля то, что было потеряно раньше».[284]

«В борьбу местных политических объединений... за независимость, – пишет А. П. Новосельцев, – активно вмешивалась усилившаяся Византия с целью, будто бы помочь закавказским, прежде всего христианским, правителям отделиться от халифата. На деле же... Византия заботилась о том, чтобы самой теми или иными путями закрепиться в Закавказье».[285]

Из-за боязни нового усиления арабов и необходимости защищать восточные границы от арабов с помощью закавказских народов, Византия не могла осуществлять по отношению к Закавказью активную завоевательную политику и вынуждена была удовлетвориться лишь номинальным признанием ее сюзеренитета и наделять фактически независимых от нее закавказских правителей своими придворными титулами.

[284] Иованес Драсханакретский. История Армении. – С. 188.

[285] Новосельцев А. П. Восток в борьбе за религиозное влияние на Руси //Введение христианства на Руси. – М., 1987. – С. 58.

Послание Николая Мистика Иоанну Драсханакретскому – еще один факт, подтверждающий активную переписку с абхазскими царями, которая сохранилась лишь частично. Например, не дошло до наших дней послание патриарха к абхазам с призывом включиться в единый антиарабский фронт.

Все эти события происходили на фоне явного усиления Георгия II (916 – 959). Весьма лестную оценку его деятельности дает автор «Летописи Картли». «Царь великий и богом возлюбленный»[286] – говорит он о нем. Очевидно его лидерство и на Северном Кавказе, и в Закавказье.

Тао-Кларджети, Картлия, Алания – это еще не все направления его наступательной политики. Георгий успешно соперничал с Арменией на Северном Кавказе и даже вмешивался в ее внутренние дела.

Достаточно крепко этот правитель утвердился в Картли, где он попеременно назначал правителями своих сыновей – Константина, Леона, Дмитрия. Первый из них, по истечении нескольких лет пребывания в должности наместника своего отца в Картли, стал враждовать с ним, домогаться царской власти. В этом его поддерживали «тбетцы и многие другие азнауры».[287]

«Если до этого времени, – пишет Джавахишвили И. А. – главнейшим явлением государственной жизни Грузии была борьба между грузинскими царями за достижение господства и главенства, то отныне, когда победу одержали абхазские цари, в этой борьбе принимали активное участие и крупные азнауры; в большинстве случаев они выступали против объединительной политики абхазских царей и ратовали за независимое существование местных царей».[288]

Мятеж царевича Константина сблизил абхазского царя с таоискими царями. Сближение Ашота Куропалата и Георгия II (первый был женат на сестре Георгия) можно объяснить тем, что в обмен на это таоиский царь получил поддержку абхазского царя в конфликте с Гургеном Великим.

[286] Картлис Цховреба. – Т. I. – С. 267, 269, 275.

[287] Там же. – С. 267.

[288] Джавахишвили И. А. Указ. соч. – С. 103.

О заинтересованности тао-кларджетского правителя в дружественных отношениях с абхазским царем говорят и сведения Константина Порфирородного. При описании политической ситуации в кавказском регионе этот автор упоминает Георгия II, отмечает его активное участие в делах Тао-Кларджети. Константин Порфирородный был хорошо информирован о делах в Закавказье и не случайно, что он выделил именно взаимоотношения Абхазии и Тао как главных соперников в борьбе за главенство в восточногрузинских землях.

Византия столкнулась с антивизантийскими настроениями закавказских правительств. Дело в том, что византийские войска осаждали Феодосиополь (Эрзерум) и для взятия этого города им нужно было опереться на крепость Кецей (находившуюся в Тао). Тогда сам Константин и его сын, и соправитель Роман, обратились к таоискому царю с просьбой передать им временно эту крепость, обещая возвратить ее после взятия Феодосиополя. Однако, как повествует Константин Порфирородный, «иберы... ответили господину Роману и нашему величеству: если мы это сделаем, то будем в бесчестии у наших соседей, именно у магистра и владетеля Абхазии, владетеля Васпуракана и владетелей армян, так как те скажут, что император не доказывает доверия иберам».[289]

Отказ таойцев передать крепость Кецей византийцам император объясняет их симпатиями к феодосиополитам.

«На самом деле – пишет З. В. Анчабадзе, – как это недвусмысленно было подчеркнуто в ответе, для правителей Тао-Кларджети было важнее сохранить за собой поддержку соседних правителей, в том числе абхазского царя, на случай возможной борьбы против Византии, нежели снискать симпатии византийских императоров предоставлением им возможности закрепить свои стратегические позиции на подступах к Грузии».[290] С нашей точки зрения, это один из немногих моментов, подтверждающих реальное существование общекавказских интересов и солидарности.

[289] Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. – P. 186.

[290] Анчабадзе З. В. Указ. соч. – С. 130.

Активную политическую позицию Георгий занимал не только в отношении Тао, но и Армении. Сложными оказались его отношения с прославившимися своими политическими деяниями армянским царем Абасом (928–957).

Армянский автор XI в. Асохик подробно описывает эпизод борьбы Абаса с абхазским царем. Он сообщает, что при Абасе на Армению напал «князь абхазов, вышедший из земли сарматов (?) и предъявил ультиматум: «не освящать церковь (по обрядам) православной веры святого Георгия, пока не придет он сам и не освятит по постановлению Халкидонского собора».[291]

Речь идет о соборной церкви в Карсе, выстроенной армянским царем. Благодаря Асохику становится очевидным факт вмешательства Абхазского царства во внутренние дела Армении.

В цитированном сочинении Асохика абхазский царь представлен мощным и грозным правителем: «в надменности своей, подобно Бэлу», «явился с бесчисленным полчищем на берег Куры с намерением опустошить всю нашу страну».[292]

О том же пишет и другой армянский автор – Вардан Великий.

Подводя итоги этой части работы можно сделать некоторые выводы.

Абхазское царство значительно усилилось в конце IX – первой половине X вв. Константин III и Георгий II распространили свою власть на обширной территории, достигнув в Нижней Картли и Самшвилде и подчинив также северную часть Тао-Кларджети.

В отношениях между Византией и Абхазским царством произошли важные изменения. Империя не «искала» в лице Абхазии врага, а активно использовала его потенциал как на Северном Кавказе, так и против арабов в Закавказье.

Должно быть между действиями абхазских царей на Северном Кавказе и в Закавказье была взаимосвязь. Поддерживая Византию в Алании, абхазы развязывали себе руки

[291] Всеобщая история Степаноса Таронского Асохика. – М., 1864. – С. 117-118.

[292] Там же. – М., 1864. – С. 118.

на востоке. Главное, Абхазское царство в период своего расцвета позиционировало как реальная политическая сила в кавказском регионе и как промежуточное звено и место пересечения противоречий между Северным Кавказом и Закавказьем (Южным Кавказом).

Абхазское царство как раннефеодальное государство вполне вписывается в ряд подобных средневековых государств. Немало общего с Болгарским царством. Но не в пример Болгарии, расколотой и залитой кровью, Абхазское царство представлено источниками как более монолитное государство. Одним из важных факторов политической стабильности в этническом плане неоднородном Абхазском царстве можно считать православие.

Однако сказанное не означает, что мы исследуем историю государства, в котором общество характеризовалось идеальным политическим равновесием. Напротив, абхазские цари многократно сталкивались с оппозиционными силами, разрушавшими государство. Об этом продолжим разговор ниже.

КАРТЛИЙСКИЕ И КАХЕТИНСКИЕ ФЕОДАЛЫ ПРОТИВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ. На протяжении X столетия наблюдается усложнение общественного и политического развития в Абхазском царстве. Противники центральной власти время от времени организовывали антиправительственные выступления. С этим не раз сталкивался и могущественный царь Георгий II. Именно оппозиционные феодалы организовали мятеж царевича Константина, с жестокостью подавленный Георгием.

Одним из решающих факторов, отвлекавших абхазских царей от решения внутренних задач, направленных на стабилизацию в стране и централизацию власти, был сепаратизм кахетинских правителей. Несмотря на то, что правители Тао-Кларджети были основными конкурентами Абхазского царства в Закавказье, абхазские цари «особенно упорно домогались ликвидации Кахетинского княжества». Присоединение Кахетии к Абхазскому царству сулило абхазским царям значительное упрочение их позиции в Картли, что в свою очередь привело бы к такому усилению Абхазского

царства, которое позволило бы ему окончательно закрепить за собой господство в регионе.

При Георгии II борьба за Кахети вступила в новую фазу. Правитель ее Квирике II, потерпев поражение от войска абхазского царя, попал в плен и вынужден был запросить мира. Добившись гарантии неприкосновения, он передал Кахетию Георгию, а сам был освобожден. Однако же вскоре картлийские азнауры принудили Квирике отступить от договора и вновь начать борьбу против Абхазского царства. Повстанцам удалось захватить ряд кахетинских укрепленных пунктов.

«Разумеется, – пишет по этому поводу З. В. Анчабадзе, – что лично картлийские азнауры не были заинтересованы в ликвидации независимой царской власти в Кахетии, и если это было бы явлением лишь кахетинской жизни, то они сидели бы спокойно; но ликвидацию независимости Кахетии они не желали допустить: это ведь вызвало бы усиление абхазского царя! Но поскольку абхазский царь в то же время был повелителем Картли, то расширение и укрепление его прав вызвало бы обуздание прежнего произвола и самовольных действий картлийских дидебулов; именно поэтому картлийские азнауры, вместо того, чтобы содействовать своему царю в деле присоединения Кахетии, наоборот, снова сорвали организованное и законченное дело, настроили кахетинского правителя против абхазского царя и сами приняли активное участие в возникшем мятеже».[293]

На следующем этапе из-за болезни Георгия II борьбу с кахетинцами возглавил его сын Леон. «Летопись Картли» сообщает: «Пришли к царю Георгию и поведали о захвате Кахетии. Тяжела была ему весть и стал винить всех тех, кто подвигнул его на отпущение корепископа Квирике. И когда же прошла эта зима, вновь отправил свое войско под предводительством сына своего Леона. Вторгся он в Кахети и сжег ее. Во время этого похода сообщили ему весть: кончину великого и боголюбивого царя Георгия. Леон тут же призвал корепископа Квирике, встретились они в Базалети, на оберегу

[293] Анчабадзе З. В. Указ. соч. – С. 104.

озера, сопутствуемые по одному всаднику и собеседовали целый день, прежде чем (Леон) сообщил о кончине своего отца. И высказал Любовь и поведал о желании сделать сына его (корепископа) зятем своим».[294]

По заключенному миру Квирике II, правитель Кахетии, признал себя вассалом абхазского царя.

Картлийские феодалы, пытавшиеся освободиться из-под опеки абхазского царя, также часто выступали в качестве дестабилизирующей силы. И сохранение власти над Картли требовало со стороны абхазского царя все больше и больше сил.

Усилия Леона III (957 – 967) были направлены на закрепление достижений его отца по усилению Абхазского царства как христианского государства. Построенный по его инициативе Моквский собор, является свидетельством уровня экономического, политического и духовного развития средневекового абхазского государства.

Другой сын Георгия II, Дмитрий II, правил еще меньше, а именно в 967 – 975 годах, и был втянут противниками сильной центральной власти в конфликт, приведший к династическому кризису.

Дело в том, что два сына Георгия II – Феодосий и Баграт – еще в детстве были посланы своим отцом в Византию, «чтобы они там воспитывались с той целью, чтобы после его смерти не было между ними вражды».[295] Однако после смерти Леона III «какие-то люди» вызвали Феодосия, чтобы он начал борьбу против своего брата – царя Дмитрия.

Из Византии Феодосий приехал прямо в Самцхе, где к нему присоединились месхийские азнауры. Однако Дмитрий поспешно выступил в поход и неожиданно напал на лагерь Феодосия и его сторонников. Последние были разбиты и Феодосий бежал в Картли к одному из виднейших картлийских дидебулов Адарнасе, который приютил его в своей крепости Дзамис-цихе. Эту крепость войско абхазского царя осаждало около трех месяцев. На этом этапе борьба закон-

[294] Картлис Цховреба. – Т. II. – С. 269.

[295] Матиане Картлиса. – С. 268.

чилась тем, что Феодосия отпустили с миром. Ушел он к Давиду Куропалату и провел у него год.

Затем Феодосий покинул Тао и направился к кахетинскому правителю Квирике. Неудивительно, что он ищет поддержку у кахетинцев. Узнав об этом, Дмитрий направил к Квирике послов и предложил отпустить к нему Феодосия, пообещав сделать его своим соправителем. Видимо, на этом этапе кахетинский правитель по какой-то причине не хотел обострять отношения с абхазским царем и уговорил Феодосия помириться с Дмитрием и принять его условия, в том числе стать его соправителем. Однако, заполучив брата в свои руки, Дмитрий нарушил свою клятву и приказал ослепить Феодосия.

Абхазский царь поступил так, как нередко поступали византийские императоры. (Выжигание глаз (ослепление) известно как византийский принцип лишения власти соперника).

Таким образом, трудно приходилось абхазским царям, распространившим свою власть далеко за пределами основной территории своего государства и собравшим под своей эгидой этнополитические «лоскутки» на территории Восточной Грузии. Из кавказских правителей только они могли в это время рассчитывать на успех в этом направлении.

ЦАРЕВИЧ БАГРАТ (СЫН ГЕОРГИЯ II) И ЦАРЬ ЧАЛА: К ВОПРОСУ ИДЕНТИФИКАЦИИ. В истории династии абхазских царей (Леонидов) много неясного. Несмотря на множество очагов дестабилизации и активность оппозиционных аристократических кругов в провинциях, представители мужской ветви продержались у власти в течение двух столетий (с конца VIII по конец X вв.). Изложенная выше картина показывает, что за исключением двадцатилетнего правления узурпаторов из рода Шавлиани все остальное время престол стабильно передавался по старшей линии. При этом история абхазского царского двора была полна интриг и крови.

«Летопись Картли» как единственный источник, наиболее полно отразивший сложность политической жизни Абхазского царства и ее династии, служит нам главной опорой в

процессе всей работы над темой. Данное творение средневекового автора не раз подвергалось источниковедческому анализу и по сей день немало в нем трудно комментируемых мест. Период правления Георгия II и его сыновей не является исключением в этом отношении. Главное противоречие времени – это достижение военно-политического могущества страны, с одной стороны, и рост агрессивных действий сил, направленных на ослабление центральной власти, с другой.

В связи с династическими трудностями, возникшими в Абхазском царстве в правление Дмитрия и Феодосия Слепого, более подробно остановимся на особенностях истории абхазской династии в X веке. Как известно, Георгий II оказался не только наиболее крупной политической фигурой среди Леонидов (после основоположника династии Леона II), но и отцом большого семейства. (Доподлинно известно, что он был отцом мятежного царевича Константина, Леона III, Дмитрия II, Баграта, Феодосия, Гурандухт и был женат дважды). Последнее обстоятельство не стало гарантией династической стабильности, ибо отпрыски Георгия II своей бездетностью и политической недальновидностью подвели страну к политическому и династическому кризису. Выход из него был найден (воцарение внука Георгия II – сына его дочери Гурандухт от брака с таойским феодалом Гургеном), что, однако, стало началом постепенного падения роли абхазской знати в качестве доминирующей силы в закавказском регионе. По всей вероятности, Георгий воцарился в начале 20-х гг. X в., наследовав своему знаменитому отцу Константину III. Начало его царствования было нелегким. После смерти Константина «в стране абхазов на некоторое время наступила смута. Ибо было у Константина два сына: старший и другой, младший, рожденный от второй жены. Старшего звали Георгий, младшего – Баграт. И была меж ними жестокая усобица, о чем подробно сказано в их жизнеописании»[296]. Но даже этот небольшой фрагмент из «Летописи Картли» показывает сложность ситуации воцарения Георгия II. «Баграт

[296] Матиане Картлиса //Картлис Цховреба. Т. I. – С. 249–317.; Летопись Картли. Перевод, введение и комменетарий Цулая Г. В. – Тб. : Мецниереба, 1982.

же этот был зятем эристава эриставов Гургена; вспомоществовал Гурген ему всеми силами своими. И до смерти Багpата не было мира. А со смертью его царство сполна принял царь абхазов Георгий».[297] Может быть именно эту ситуацию и намекал константинопольский патриарх Николай Мистик в послании, адресованном абхазскому царю Георгию : «Мы желаем, чтобы ты, милостью божьей, нимало не уступил отцу в своих деяниях... чтобы делами своими засвидетельствовать, что справедливо бог дал тебе такой жребий».[298]

Вахушти сообщает, что данная смута продолжалась полтора года.[299]

Позже, в период расцвета Абхазского царства, когда прочность положения Георгия на престоле не вызывала никаких сомнений, центробежные силы (феодалы Картли, Кахетии и др.) выдвинули против абхазского царя его собственного сына Константина, наместника в Картли. Противостояние было кровопролитным и завершилось суровым наказанием царевича, возглавившего феодальную оппозицию в надежде отнять престол у отца. Георгий не стал щадить сына: «царь покарал его немилосердно: вначале выжгли глаза, затем оскопили, и он умер»[300].

Могущество страны Георгий готов был отстаивать любыми средствами. Предвидя династические интриги и в будущем, он сделал еще один шаг по пути их предупреждения, то есть: «еще при жизни великого царя абхазов Георгия были посланы на воспитание в Грецию два сына его, Феодосий и Баграт, дабы после смерти его не было бы промеж них ссоры и борьбы».[301]

В исторической литературе давно проанализированы события времени царствования сыновей Георгия II – Леона III (957 – 967) и Дмитрия II (967 – 975). Возвращение из Визан-

[297] Матиане Картлиса. – С. 265.

[298] Nicholae 1 Patriarch of Constantinopole. Lettere||Greek text and Englisy by R. J. H|Jenkins, L. C/ Westerink.-Washington, 1973, 11. – P. 29.

[299] Вахушти. История Грузии. /Картлис Цховреба. – Т. IV. – Тб., 1973.

[300] Матиане Картлиса. – С. 268.

[301] Там же. – С. 270.

тии царевича Феодосия дестабилизировало ситуацию. Автор «Летописи Картли» описал главные контуры этого противостояния. Опираясь на центробежные силы, Феодосий оспаривал престол у своего брата.

Во время жесткого противостояния Дмитрию удалось убедить кахетинцев, что он готов помириться с братом и даже объявить его соправителем. После этого произошло то, чего боялись Феодосий и его сторонники: Дмитрий подверг мятежного брата страшному наказанию – выжиганию глаз.

После развязки противостояния Дмитрия и Феодосия автор источника повествует: «когда же узрели это воочию пребывающие в отчине их, стали выставлять (в цари) брата его, коего именовали ц а р е м Ч а л а (разрядка наша. – **И.Ш.**). Но не в силах оказались осуществить это, ибо был Дэмэтрэ сильным и отважным»[302].

К сожалению, «история с царем Чала» обрывается здесь. И потому стремление историков идентифицировать личность «царя Чала» наталкивается на непреодолимые трудности. Не есть ли царь Чала и тот Баграт, сын Георгия (отосланный в свое время с братом своим Феодосием в Константинополь), одно и то же лицо? Источник замалчивает дальнейшую судьбу Багpата в Константинополе. Каким образом он позиционировал в процессе острой борьбы за власть между его братьями – Дмитрием и Феодосием? Может он поддерживал действия оппозиционных сил и потому именно его и стали выдвигать в цари после ослепления» Феодосия?

Согласно летописи, «когда же преставился царь Деметрэ, все жители страны, видя, что не осталось (у царя) преемника в Абхазии и Картли, вывели Феодосия и утвердили его царем».[303] Царствование Феодосия Слепого оказалось коротким (975 – 978 гг.). Феодосию Слепому все же было с ним (Дмитрием) не сравниться. Царь Дмитрий III, как сообщает летописец, был «решителен и могуч».[304]

Восточнокартвельская знать, инициатор борьбы за власть

[302] Матиане Картлиса. – С. 272.

[303] Там же..

[304] Там же.

в Абхазском царстве, постепенно добивалась ослабления центральной власти, которая, действуя в течение длительного времени в контексте своей восточной политики, приобщила к традициям абхазской государственности не только западногрузинские, но и восточногрузинские народности. Противники абхазского царя преследовали различные политические цели. К примеру, месхийские и картлийские дидебулы в купе с некоторыми абхазскими феодалами были противниками сильной централизованной власти и носителями узкопартикуляристских целей; кахетинский корепископ и тао-кларджетский куропалат боролись против абхазского царя, поскольку каждый из них сам желал господствовать в Восточной Грузии.

Феодосий Слепой не мог твердой рукой управлять своим государством, хотя ожидавшееся ослабление Тао-Кларджети было только на руку Абхазскому царству. Центробежные силы активизировались и для государства Леонидов настали смутные времена. Знать активно включилась в политические и династические интриги. Наиболее задействованными оказались тао-кларджетский царь Давид Куропалат, сестра Феодосия Слепого Гурандухт, наместник абхазского царя в Картли Иоанн Марушисдзе. Они объединились против слабого, больного и бездетного царя Феодосия Слепого и свергли его. Они же и возвели на абхазский престол в Кутаиси племянника Феодосия, то есть сына Гурандухт и видного таойского феодала Гургена – Баграта (Баграта III). Недовольных воцарением таойца на абхазском престоле было немало. О дальнейшей судьбе свергнутого в 978 г. Феодосия «Летопись Картли» ничего не сообщает, не распространяется и по поводу обстоятельств воцарения Баграта. Он правил с 978 по 1014 гг. и был обеспокоен приданием характера легитимности акту своего воцарения. Последнее обстоятельство подтверждается «Диваном абхазских царей», инициатива составления которого исходила от Баграта III.

Нет уверенности в том, что единственным и законным претендентом на абхазский престол был именно Баграт из

Тао. Нельзя исключать существования соперников не только в лице «царя Чала», Баграта Георгиевича, дочери Леона III. Напротив, можно предполагать наличие целого ряда фигурантов, потенциальных претендентов на абхазский престол, которые могли принять участие в обострившейся при Феодосии Слепом борьбе за власть. В используемом источнике вряд ли отражена вся сложность ситуации свержения Феодосия.

Находясь в зависимости от сведений «Летописи Картли», историки сконцентрировали свое внимание на трех фигурантах политических событий в Абхазском царстве в 70-х гг. – Дмитрии, Феодосии и Баграте III (сыне Гурандухт).

Воцарение Баграта, за спиной которого стояло Тао-Кларджети во главе с Давидом Куропалатом, его могучие отец Гурген и мать Гурандухт, ускорило процесс трансформации Абхазского царства в закавказское государство.

«В царствование Иоанна Цимисхия (969 – 976), – пишет В.У. Копалиани, – когда киевский князь Святослав сильно угрожал Византии, император Иоанн вынужден был перенести центр внимания на север и ослабить активные действия в восточном направлении. Это обстоятельство объективно имело определенное значение для народов Закавказья. Оно оттягивало начало борьбы Византии за завоевание земель этих народов».[305]

Воцарение в Абхазском царстве Баграта, усыновленного Давидом Куропалатом, осмысливается в литературе поразному. Эти события, описанные в «Летописи Картли», легли в основу концепции формирования единого грузинского феодального государства, сформулированного грузинскими историками. Отправным пунктом этой концепции, впервые сформулированной И. А. Джавахишвили, является летописный рассказ о том, как в 975 г. сторонник единодержавной власти Иоанн Марушисдзе, получивший этот сан из рук правителя Абхазии, обратился к Давиду Куропалату с предложе-

[305] Копалиани В. У. Политические взаимоотношение Византии и Грузии (70-е годы X в. – 20-е годы XII в.). Автореферат дисс. на соискание ученой степени доктора ист. наук. – Тб., 1971. – С. 1.

нием присоединить Картли к своим владениям или пожаловать ее своему воспитаннику Баграту.[306]

В течение долгого времени в грузинской историографии факт этот представлялся следующим образом: в борьбе за объединение грузинских царств и княжеств долгое время первенствовало Абхазское царство, но во второй половине X в., вследствие внутренних неурядиц, оно уступило главенство Тао-Кларджетскому царству, правитель которого Давид Куропалат с помощью некоторой части грузинских феодалов, осуществил объединение Грузии. И что сделал он это, поставив во главе его своего воспитанника из рода тао-кларджетских багратионов Баграта, племянника последнего абхазского царя Феодосия.[307]

«Принятие представителем дома Багратиони титула «картвалта мепе, – считает М. Д. Лордкипанидзе, – преследовало две цели. С одной стороны, это являлось декларацией политической независимости Тао – Кларджети; с другой стороны, дом Багратиони этим актом предъявлял свои преимущественные права на Картли и объявлял себя наследником древних картлийских царей и эрисмтаваров. Однако в общегрузинской политике владетели Тао-Кларджети вынуждены были уступить первенство более централизованному Абхазскому царству.[308]

По мнению этого автора, положение изменилось со второй половины X в., когда Тао-Кларджети приобретает большую силу и владычествует во всем Закавказье. Его правитель Давид Куропалат сыграл решающую роль в объединении Грузии.[309]

Согласно изложенной концепции, внутренние неурядицы и борьба за престол помешали Абхазскому царству возгла-

[306] Джавахишвили И. А. История грузинского народа. – Т. II. – С. 52.

[307] См.: История Грузии. Под ред. Джанашиа С. Н. – Тб., 1946. – С. 156-158; История Грузии. Под ред. Бердзенишвили Н. Я. – Тб., 1960. – С. 82, 83, 88; СИЭ. – Т. IV. СТБ. 812.; Анчабадзе З. В. Указ. соч. – С. 134-135, 166, 169; Месхия Ш. А. История Грузии (Краткий обзор). – Тб., 1968. – С. 9–10.

[308] Лордкипанидзе М. Д. Указ. соч. – С. 236.

[309] Там же.

вить объединение Грузии и с 70-х годов X в. гегемония перешла к Тао-Кладжети.

«К концу X в., – пишет З. В. Анчабадзе, – в феодальной Грузии полностью сложились все необходимые социально-экономические и политические предпосылки для объединения царств и княжеств в единое централизованное государство. Вопрос сводится лишь к тому, под чьей гегемонией должно было завершиться это политическое объединение, подготовленное предшествующим периодом... Руководящую роль в борьбе за объединение Грузии на протяжении более чем полтора века играло Абхазское царство... Однако к началу последней четверти X века Абхазское царство было значительно обессилено династической борьбой»[310].

В 1968 году вышеизложенная концепция была подвергнута сомнению М. М. Гунба в небольшой статье, изданной на абхазском языке.[311] Суть его сводилась к выводу о том, что объединение грузинских земель произошло при ведущей роли Абхазского царства. Новый взгляд на события 978 года наиболее развернуто изложен акад. Г. А. Меликишвили, в его монографии «Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии» (Тбилиси, 1978). Ученый высказался против преувеличения роли Тао-Кларджети в объедительном процессе. Такие обстоятельства, как то, что цари объединенной «Грузии» именовали себя в первую очередь «царями абхазов», а титул «царя картвелов» занимал в их титулатуре лишь второе место и столица Абхазского царства Кутаиси превратилась в столицу объединенной «Грузии» и оставалась ею в течение более чем целого столетия и отсюда, опираясь в основном на силу того же Абхазского царства, абхазские цари еще долгое время вели упорную борьбу за сохранение этого объединения, в частности за овладение тем же Тао-Кларджети, который будто

[310] Анчабадзе З. В. Указ. соч. – С. 162.

[311] Гунба М. М. Кумурдоуская надпись и один вопрос из истории Абхазии //Алашара, №4. – Сухуми, 1968. – С. 32.

бы объединил Грузию в конце X в., являются его главными аргументами.[312]

Г. А. Меликишвили усматривает источник преувеличения роли Тао-Кларджети в «Летописи Картли», для которой характерно возвеличение Давида Куропалата, что в значительной степени отразилось на литературе. «Акт 978 года, – пишет он, – видимо, состоялся с согласия центральной власти Абхазии, – возможно, уступки Картли Давиду Куропалату следует рассматривать как вознаграждение за помощь, которую оказал последний Феодосию при его воцарении в Абхазии. Вместе с тем, переход правления Картли из рук Иоанна Марушисдзе в руки Баграта никак не следует рассматривать как отторжение Картли от Абхазии. Картли получал во владение Баграт (скорее всего его мать Гурандухт...) как представитель абхазского царского рода...»[313].

«Абхазское царство и в эту эпоху, – констатирует Г.А. Меликишвили, – несмотря на внутренние неурядицы, было столь сильным и вполне независимым, в отличие от Тао – Кларджети, политическим образованием, что правители последнего вряд ли могли тешить себя иллюзиями о присоединении его к своим владениям. Наоборот, с воцарением Баграта в Абхазии рушились надежды на присоединение к Тао-Кларджетскому царству и она ускользала из рук Давида Куропалата».[314] Именно этим обстоятельством считает необходимым объяснить колебание Давида в деле воцарения Баграта в Абхазии. «Видимо, было ясно, что этим делалось не его, а чужое дело – правящая прослойка Абхазии получала возможность мирным путем получить то, что ей не удалось добиться силой: присоединить к Абхазии не только Картли, но и во всяком случае одну часть владений багратионов в Южной Грузии (в Тао), которая полагалась Баграту по наследству по отцовской линии».[315]

«Возникновение столь крупного независимого государ-

[312] Меликишвили Г. А. Указ. соч. – С. 7.

[313] Там же. – С. 11.

[314] Там же. – С. 12.

[315] Там же.

ства около своих границ, – считает Г. А. Меликишвили, – несомненно, шло вразрез с интересом Византии».[316]

Это объединение должно было создаться в процессе преодоления византийского противодействия, в борьбе с Византией. И такая роль больше подходила Абхазии, с самого начала возникшей именно в ходе борьбы с Византией, а не Тао-Кларджети, возникновение и дальнейшее существование которого связано с покровительством Византии, зависимость от которой в той или иной мере сохранялась все время, вплоть до могучего Давида Куропалата, видимо, не мыслящего своей деятельности вне общевизантийской большой политики.

Следует сказать, что мнение о невозможности охарактеризовать политическое положение Тао в отношении Византии как суверенного государства наиболее убедительно высказывание Ш. Бадридзе.[317]

О характере зависимости Тао от империи существует и иная точка зрения. В. В. Копалиани, например, полагает, что вассальная зависимость Багратидов носила формальный характер. То есть, как он говорит, «один из Багратионов получал от императора титул куропалата и в борьбе с общими врагами выступал в роли его союзников».[318]

С этим автором соглашается Г. В. Цулая, который оперирует тем, что многообразие форм вассалитета необязательно предполагает безоговорочное и абсолютное подчинение и что одним из условий «благорасположения» византийских императоров к правителям Тао было воздержание последних от попыток переступать через свои рубежи с целью проводить самостоятельный внешнеполитический курс.[319]

По Г. А. Меликишвили, возможно, что и в прошедших 975 и 978 гг. актах (воцарение Баграта сперва в Картли, а затем в

[316] Меликишвили Г. А. Указ. соч. – С. 12-13.

[317] Бадридзе Ш. А. Из истории политической структуры «Грузинского царства» //Труды ТГУ. – Т. 113, 1965. – С. 257.

[318] Копалиани В.К. Грузино-византийские политические взаимоотношения в 970–971 гг. – Тб., 1969. – С. 310.

[319] Цулая Г. В. Указ. соч. – С. 12-13.

Абхазии) позиция Давида в той или иной мере соответствовала позиции византийского двора: если акт 975 г., т.е. шаг по направлению отделения Картли от Абхазии и присоединению к Тао, одобрялся Византией, то воцарение Баграта в Абхазии в 978 г. должно было вызвать основательное беспокойство со стороны Византии, поэтому требование заложников Давидом от абхазского вельможи возможно было также требованием византийского двора.[320]

Что касается событий, связанных с восстанием картлийских азнауров, нежелавших подчиниться абхазскому царю, то следуя Г. А. Меликишвили можно предположить, что они могли рассматривать присутствие у себя правителем Баграта, сына Гурандухт как выражение связи с Тао-Кларджети (а через нее с Византией), чем с Абхазией.[321]

В итоге Баграт III силой подчинил Картли, а мать свою увез в Абхазию. Таким образом в Картли установилась непосредственная абхазская администрация. Чуть позже Абхазское царство попыталось сделать то же самое и в отношении Клдекарского княжества, что привело к столкновению с Давидом Куропалатом, на стороне которого выступали и армянские владетели. В результате же решить эту задачу Баграту удалось лишь в следующем году, когда он воспользовался невыгодным для Давида положением (тогда Давид принимал участие в восстании Варды Склира и Варды Фоки в 989 г., потерпевших поражение от императора Василия II).[322]

Договоренность между Василием II и Давидом Куропалатом фактически носила антиабхазский характер.[323]

В первые годы правления Баграта III положение в стране было нестабильным. В 980 году, как сообщает летописец, он направился в Картли, чтобы «упорядочить расстроенные дела картлийские». Там ему противостояли представители рода Тбели, возглавившие борьбу против объединения Картли с Абхазским царством.

[320] Меликишвили Г. А. Указ. соч. – С. 136.

[321] Та же. – С. 136.

[322] Картлис Цховреба. – Т. I. – С. 276-277.

[323] Меликишвили Г. А. Указ. соч. – С. 24.

За время отсутствия Баграта в Абхазском царстве имело место выступление части феодалов, недовольных воцарением в Абхазии Баграта. Летописец рассказывает, что тот, вернувшись из Картли «подобно кормчему и пастырю уладил все дела абхазские... Всех непокорных сместил с их мест и заменил верными ему людьми».[324]

Баграту III противостоял и Давид Куропалат, боявшийся чрезмерного усиления его.

Вскоре после этого Василий II и Давид Куропалат помирились и договорились, что после смерти Давида все его владения отойдут к Византии.

«Именно эта договоренность, – пишет Г. А. Меликишвили, – положила начало созданию на этой территории византийской административной единицы – иберийского катопаната и серии войн между Византией и Абхазским царством, владения которых отныне непосредственно соприкасались друг с другом».[325] В 1001 году, после смерти Давида Куропалата, царь Баграт III попытался вступить во владение Тао-Кларджети, но этому воспротивилась Византийская империя. Правитель последней Василий II с многочисленным войском вступил в Тао. Из-за чего Баграт вынужден был поехать в Византию и добиваться уступок от императора.

По поводу этого армянский историк Асохик сообщает: «Направляя далее свой путь (император. – **И. А.**), достиг горы Хав-Тчич и города того же имени, где он был встречен Багратом, царем Апхазским и отцом его Гургеном, царем иверийским, Василий, сделав великолепный прием апхазскому царю, пожаловал его в достоинство куропалата, а отца его в магистра. И отпустил их в их землю».[326]

Тем самым Византия, с одной стороны, укрепила свои северо-восточные границы, а с другой стороны, создала военный плацдарм против закавказских политических единиц. В 1008 году скончался отец Баграта Гурген, под непосредственным подчинением которого находилась значительная

[324] Меликишвили Г. А. Указ. соч. – С. 24.

[325] Картлис Цховреба. – Т. I. – С. 276.

[326] Всеобщая история Асохика Таронского. – С. 180.

территория, состоящая из Шавшети, Кларджети, Самцхе и Джавахети. Эти земли Баграт присоединил к своим владениям. И таким образом, Абхазское царство и Тао-Кларджети были объединены (за исключением территории, захваченной византийцами).

Позже, в начале XI в., Византия освобождается от арабской опасности, и народы Закавказья потеряли значение союзников для правящих кругов империи. В этой обстановке она перешла в наступление в этом регионе. Так, при Багарате IV (1027–1072) центр собственно абхазской территории – Анакопия – оказался в подчинении Византии. И отвоевана Анакопия была лишь в годы правления сына Багарата IV – Георгия II (1072 – 1089).

Баграт III достойно продолжал дела своих предшественников – Леонидов. Однако при его преемниках в XI в. начинается другой этап абхазо-византийских отношений, когда с изменением международного положения в пользу Византии, имперские власти решаются вмешиваться во внутренние дела Абхазского царства и даже захватить один из абхазских регионов.

Источник силы абхазских правителей в VIII–X вв. Г. А. Меликишвили видит именно не в высоком, а в низком уровне развития феодальных отношений, в большей монолитности, в наличии более широкой базы в виде малодифференцированного общества и незакрепощенных общинников.

Кроме того, считает он, важную роль в успехах Абхазского царства сыграл также союз с крупными северокавказскими объединениями (Хазарией и др).[327]

Что касается абхазо-византийских отношений при Багарате III, можно сказать, что империя активно препятствовала централизации страны. Он же старался следовать традициям своих предшественников на абхазском престоле, отстаивавших независимость Абхазского царства и упрочение своих позиций на завоеванных ими восточнокартвельских землях.

[327] Меликишвили Г. А. Указ. соч. – С. 50.

ГЛАВА IV. КУЛЬТУРНЫЕ И ЦЕРКОВНЫЕ СВЯЗИ АБХАЗСКОГО ЦАРСТВА И ВИЗАНТИИ

Византийская цивилизация оказала глубокое и устойчивое воздействие на развитие многих государств средневекового мира. Наиболее интенсивно византийское культурное влияние сказывалось в странах, где было православие.

Французский ученый Ш. Диль отметил, что византийская культура заслуживает внимания в двух отношениях: для нас интересно и то, чем она была сама по себе, и то, что она вносит в историю нашего времени.[328] Сказанное в полной мере относится к кавказскому региону, для которого с принятием христианства открылись возможности для проникновения сюда византийской культуры. Вопросы о характере византийского культурного влияния на народы Кавказа, о роли византийского культурного наследия в формировании культуры этого региона вызывают научные споры.

Культурные связи Византии и Абхазского царства являются важным аспектом проблемы взаимоотношений Абхазского царства и Византии в VIII – X вв. Они отражали уровень и своеобразие внутреннего развития сторон и во многом обусловливались характером исторической и политической ситуации.

Важным фактором культурного влияния Византии на Абхазское царство являлась христианская идеология, имевшая глубокие корни на территории Абхазии уже к началу эпохи раннего средневековья. В частности, в истории абхазо-византийских отношений, в интенсивных и многообразных контактах раннего периода, наряду с «союзническим» сотрудничеством, восстанием абхазских племен против Византии с последующими репрессиями против восставших, имели место строительство Юстинианом храма Богородицы для абазгов, обучение абхазских мальчиков в константинопольской школе и многое другое. Эти события широко отражены в письменных источниках и памятниках археологии и

[328] Диль Ш. История Византийской империи. – М., 1948. – С. 49.

архитектуры: в церквах, в их декорациях, в культовых предметах, в посуде, украшениях.

Историческая легенда о пребывании в I в. н.э. на кавказском берегу Черного моря, в том числе в Абхазии, апостолов Андрея Первозванного и Симона Кананита, проповедовавших здесь христианство, присутствие Пицундского епископа Стратофила на вселенском соборе в Никее в 325 г. указывают на значение христианства в Абхазии еще в отдаленное время. Главный авторитет о царствовании Ираклия Феофан Исповедник сообщает об участии в спорах монофизитов и диофизитов епископа Фазисского, жившего в Севастополе (совр. Сухум).

По единогласному утверждению большинства историков, официальное принятие христианства в Абхазии произошло в VI в. при императоре Юстиниане (525 – 565).[329] Мнение это основано на сообщении Прокопия Кесарийского о том, что абазги приняли христианство «при ныне царствующем императоре Юстиниане».[330]

Среди историков, затронувших вопрос хронологии этого события и Е. К. Аджинджал. Он считает, что событие это приходится на конец 20-х или 30-е годы VI века.[331]

Бесспорно, что абазги приняли христианство на фоне интенсивно развивавшихся абхазо-византийских отношений при Юстиниане Великом, то есть до начала военного конфликта между Абхазией и Византией в середине VI в. В связи с официальным принятием христианства на территории Абхазии исключительный интерес представляет и другой аспект этого вопроса: что понимать под «абазгами» Прокопия? Ведь речь идет о том времени в истории Абхазии, когда на ее территории функционировали отдельные этнополитические объединения, среди которых была и Абазгия. К тому же у того же Прокопия, а также Агафия Миринейского имеются сведения, заставляющие нас усомниться в том, что абазги, апсилы, мисимиане, то есть основные абхазские на-

[329] Анчабадзе З. В. Указ. соч. – С. 23-28; Аджинджал Е. К. Указ. соч. – С. 178.

[330] Прокопий. Война с готами. – С. 383.

[331] Аджинджал Е. К. Об одном аспекте ранневизантийской дипломатии на Кавказе. – С. 178.

родности, приняли христианство одновременно. Так, например, имея в виду апсилов, Прокопий свидетельствует, что они «с давних пор христиане» [332]. Агафий же говорит о том, что во время переговоров мисимианских послов с римскими военачальниками послы называли себя продолжателями «народа, уже с давних времен подчиненного римлянам и одной с ними религии».[333] С нашей точки зрения, византийскими авторами представлена картина многоэтапного обращения абхазов в христианство. И сообщение Прокопия о крещении абазгов при Юстиниане I можно рассматривать как завершающий этап в приобщении абхазов к христианской вере. Археологические материалы говорят в пользу нашей точки зрения, они свидетельствуют о том, что христианизация Апсилии (как в прибрежной зоне, так и в горах) уже к V – VI вв. достигла значительных масштабов. Монументальные сооружения, архитектурные детали с христианскими символами, мелкие предметы культа[334]– важные свидетельства раннего христианства в Абхазии (доюстиниановское время).

Таким образом, в течение первой половины первого тысячелетия н.э., от проповеднической деятельности апостолов Андрея Первозванного и Симона Кананита до официального принятия христианства абазгами при Юстиниане I, прошел длительный период распространения христианства среди древних абхазов. Затем новая идеология и новое мировоззрение стали важным стимулом ускорения объединительного процесса, актуальность которого была очевидной в связи с постоянно возраставшей внешней угрозой. Возможно, что есть определенный парадокс между позитивным

[332] Прокопий. Война с готами. – С. 380.

[333] Агафий . О царствовании Юстиниана. – С. 134.

[334] См.: Кобахия Б. С., Хрушкова Л. Г., Шамба С.М. Новая раннехристианская церковь на городище Гюенос //ВДИ. – №1. –М., 19876; Хрушкова Л. Г. О религиозных верованиях апсилов (IV–VII вв.). Труды АбНИИЯЛИ. –Вып. XII, 1963 //Труды АбНИИЯЛИ. – Вып. XII. – Сухуми, 1983; Леквинадзе В. А. О древней базилике в Питиунте и ее мозаике //ВДИ, 1970. – №2. – С. 190; Агрба З. В. Раскопки раннесредневековой базилики в с. Алахадзы Гагрского района // Мацне. – №3. – С. 159; Трапш М. М. Труды. – Т. III. – Тб., 1971. – С. 206-207; Шамба Г. К. Ахачараху –древний могильник нагорной Абхазии. – Сухуми, 1970. – С. 62-64.

влиянием на Абхазию христианства, которое вводилось империей с целью упрочения здесь своих позиций и укреплением местного христианизированного общества, упорно сопротивлявшегося имперским амбициям Византии.

После VI в. христианство еще 100 – 150 лет постепенно завоевывала массы (Ю.Воронов, О. Бгажба). Благодаря принятию христианства Абхазия приобщилась к духовной культуре Византии. Христианская церковь внесла важный вклад в развитие абхазской феодальной культуры. Она способствовала созданию многих великолепных памятников архитектуры и живописи.

Значение принятия христианства не ограничивалось этим. Позитивное влияние этого события можно видеть и в консолидации абхазской народности, дальнейшем утверждении феодальных отношений, распространении христианства через Абхазию на Северный Кавказ. Абхазская церковь стала функционировать в виде Севастополисского епископата. Основная часть западногрузинских земель в организационном отношении составляла Лазскую епархию во главе с Фазисским митрополитом. Позже Иоанн Сабанисдзе, как это отмечалось выше, описал Абхазию 80-х годов VIII в. как страну «процветающей в вере христовой», где «никого неверующих там не было».[335] К тому же Абхазская церковь находилась в длительных и прочных связях с Константинополем.

Важный период истории Абхазской церкви связан с функционированием Абхазского царства. Последовал ли за политическим отчуждением Абхазского царства от империи разрыв церквей, заявило ли абхазское духовенство об автокефалии Абхазской церкви, как происходило формирование, каков характер единой церковной организации – Абхазского католикосата, характер его взаимоотношений с византийской церковью и Мцхетским католикосатом – это вопросы, которые давно обсуждаются историками.

Часть историков высказывается в пользу обретения абхазской церковью самостоятельности в период Абхазского царства.

[335] См.: Кекелидзе К. Раннефеодальная грузинская литература. – Тб., 1935. – С. 65-66.

Вахушти предполагал, что отделение абхазской церкви от константинопольской произошло вскоре после образования Абхазского царства, либо сразу же с провозглашением Леона II царем абхазов, либо при его ближайших преемниках.[336] Другой дореволюционный автор Ю. Кулаковский обратил внимание на то, что в списке епархии Константинопольского патриархата, относящегося к первой половине IX в., в числе автокефальных архиепископий значится епархия Абхазская с центром в Севастополисе, а в списке епархий времени императора Льва Мудрого (886 – 911) епархия Абазгии (Абхазии) обозначена уже иначе, а именно – Сотириупольская. В этом Ю. Кулаковский увидел какую-то перемену, происшедшую в течение IX в.[337]

И. А. Джавахишвили принадлежит мнение, что еще в XI в. севастопольский (сухумский) архиепископ мог находиться в подчинении у константинопольского патриархата. «Если списки епископов константинопольского патриархата правильно отражают положение того времени, – писал он, – то один абхазский архиепископский престол в Севастополе входил тогда в паству иерарха константинопольской церкви в качестве автокефального архиепископа».[338]

Акад. Н. Я. Бердзенишвили специально рассматривал этот вопрос в своей работе «Вазират феодальной Грузии». Проанализировав те же нотиции константинопольского патриархата, пришел к выводу о том, что в течение всей первой половины IX в. Абхазское царство в церковном отношении входило в состав епископий, подчиненных патриарху. Время отпадения от византийской церкви он датирует временем правления Баграта I (861 – 891).[339]

С. Г. Каухчишвили утверждает, что византийская церковная администрация в Абхазском царстве существовала в течение почти всего IX в., а упоминание севастопольской

[336] Вахушти. Описание Царства Грузинского. – С. 174.

[337] Кулаковский Ю. Где был построен имп. Юстинианом храм для абазгов? //Археологические известия и заметки издав. имп. Московским археологич. обществом. – М., 1897. V. №2. – С. 36.

[338] Джавахишвили И. А. Указ. соч. – С. 120.

[339] Бердзенишвили Н. Я. Везират в феодальной Грузии. – С. 296.

архиепископской кафедры в нотиции №Хб, относящейся к началу X в. (901 – 907), он рассматривает как чисто формальное явление.[340]

Иного мнения З. В. Анчабадзе, с точки зрения которого отделение церковной организации Абхазского царства произошло после 40-х гг. IX в., когда была совершена последняя попытка византийского правительства вооруженным путем установить здесь свое политическое господство.[341]

Анализ грузинской историографии по этому вопросу показывает, что грузинские историки пытаются привязать в хронологическом плане освобождение Абхазской церкви к IX в., одновременно навязывая мнение будто тогда же произошло и подчинение абхазской церкви Мцхетскому католикосату.[342]

С точки зрения алановеда В. А. Кузнецова, даже в конце X в., когда в Абхазском царстве правит Баграт III, христианские кафедры Абхазии оставались под властью Константинополя.[343]

К сожалению, возможности источников таковы, что трудно проследить и процесс создания Абхазского католикосата и характер формального (правового) статуса абхазской церкви. По мнению Н.Я. Бердзенишвили руководящую роль в церковном объединении страны должен был сыграть епископ Абхазии, который вскоре был возведен в ранг архиепископа.[344]

По мнению К. Кекелидзе католикосат в Абхазском царстве складывается во второй половине X в., когда были ликвидированы существовавшие здесь греческие митрополии

[340] См.: Георгика. – Т. IV. – С. 7.

[341] Анчабадзе З. В. Указ. соч. – С. 146 Ломоури Н.Ю. К истории взаимоотношений Западной Грузии и Византии в VIII–IX вв. //Седьмая Всесоюзная конференция византинистов в Тбилиси (3–18 декабря 1965). Тезисы докладов. – Тб., 1965. – С. 23.

[342] Ломоури Н. Ю. К истории взаимоотношений Западной Грузии и Византии в VIII–IX вв. // Седьмая Всесоюзная конференция византинистов в Тбилиси (3–18 декабря 1965). Тезисы докладов. – Тб., 1965. – С. 23 Кузнецов В. А. Алания и Византия. – С. 50.

[343] Кузнецов В. А. Алания и Византия. – С. 50.

[344] Бердзенишвили Н. Я. Указ. соч. – С. 296.

Лазики и автокефальный архиепископ Абазгии.[345] Ему возражает З. В. Анчабадзе, который полагает, что объединение церквей в Абхазском царстве не могло произойти так поздно. В качестве аргументов он ссылается на ряд фактов. Это, например, отсутствие упоминания о никопсийском епископе как о самостоятельном иерархе в нотициях X в., что ученый объясняет как свидетельство вхождения никопсийской кафедры уже раньше в состав единой абхазской церковной организации, подчиненной севастопольскому архиепископу. Это во-первых. Свидетельство Николая Мистика об абхазской церковной организации начала X в. как о единой и находящейся в подчинении у центральной власти.[346] Это во-вторых.

Вопрос о взаимоотношениях абхазской и восточнокартвельской церквей – не менее трудный вопрос. И. А. Джавахишвили говорил о сближении абхазской церкви с Мцхетским католикосатом, Н. А. Бердзенишвили – о вынужденности абхазских правителей, в связи с их политической линией в отношении Грузии, считаться с восточногрузинской церковью. Абхазские цари, защищавшие интересы православия (византийского христианства) на Северном Кавказе (сведения патриарха Николая Мистика) и в Закавказье (сведения Асохика) не могли заниматься строительством христианских храмов, открытием новых епископских кафедр на подчиненной им территории успешно, не исключив, не преодолев возможного противодействия со стороны восточнокартвельского духовенства. Бессмысленно вести разговор о возможной церковной реорганизации в Абхазском царстве, не располагая необходимой источниковой базой и только опираясь на существование общехристианских интересов, при котором могло быть сглажено не только соперничество Абхазского католикосата с Мцхетским, но и с Константинопольской патриархией.

Важный этап в сближении восточной и западной грузин-

[345] Кекелидзе К. Памятники древнегрузинской агиографической литературы. – Тб., 1966. – С. 40.

[346] Анчабадзе З. В. Указ. соч. – С. 148-149.

ских церквей исследователи обычно связывают именно с освобождением Абхазского царства от византийской зависимости. Н. А. Бердзенишвили в связи с этим обратил внимание на то обстоятельство, что в состав Абхазского царства была включена Аргвети, которая была связана с Иберией еще с античного времени и потому в ней особенно сильно было влияние восточногрузинской церкви. И это, с его точки зрения, ставило Леона II и его преемников перед необходимостью считаться с этой церковью».[347]

Согласно К. Кекелидзе, абхазский и мцхетский католикосаты были «равноправными в своих паствах, но во взаимоотношениях друг с другом мцхетский каталикос пользовался преимуществом в почтении».[348] Абхазские католикосы, по предположению З. В. Анчабадзе, в первое время после освобождения от византийской церковной зависимости в административном отношении не подчинялись мцхетскому католикосу».[349]

Вернемся к вопросу о том, повлекло ли за собой образование независимого от Византии Абхазского царства церковное отчуждение. С нашей точки зрения, это важное политическое событие нельзя априори проецировать и на церковно-религиозные и культурные отношения между Абхазским царством и Византией. (Выше мы цитировали М. Д. Лордкипанидзе по вопросу соотнесения степени политической и культурной зависимости). Стремление найти аргументы под концепцию выхода Абхазской церкви из подчинения Константинопольской патриархии и последующее ее слияние с воточногрузинской церковью (Мцхетским католикосатом) – одна из задач грузинской историографии и составляющих грузинского взгляда на абхазскую историю. Реальные факты из истории взаимоотношений сторон (Абхазии и Византии) в X в., о которых неоднократно говорилось выше, не подтверждают антагонизма в церковной сфере, наоборот, наблюдается активное сотрудничество абхазских царей и

[347] Бердзенишвили Н. Я. Указ. соч. – С. 296.

[348] Кекелидзе К. Этюды из истории древнегрузинской литературы. – Т. IV. – Тб., 1950. – С. 357.

[349] Анчабадзе З. В. Указ. соч. – С. 150.

Константинопольской патриархии в северокавказском и закавказском регионах.

Разрабатывая аналогичный аспект, но в отношении более позднего периода истории Грузии, М. Д. Лордкипанидзе пришла к выводу о том, что степень политической зависимости от Византии не является единственным и определяющим фактором степени культурной зависимости. «Хотя, – отмечает она, – наибольшее влияние византийской культуры испытывали те регионы Грузии, которые в большей степени зависели от империи (Западная и Юго-Западная Грузия), в XI–XII вв. в условиях наивысшего политического могущества феодальной Грузии, при абсолютной политической независимости от Византии... ориентация на византийскую культуру была наиболее интенсивной».[350]

В «Летописи Картли» абхазские цари характеризуются с позиции их духовности, отношения к вере. В этом нет ничего неожиданного, ибо, как не раз подчеркивалось, на территории Абхазского царства еще задолго до образования этого государства христианство играло серьезную роль и церковная служба велась на греческом языке. Леониды же проводили активную церковную политику как в пределах страны, так и за ее пределами. Автор «Летописи Картли» рассказывает о строительстве и учреждении ими новых епископских кафедр: в частности, Георгий II был «боголюбив и более всего устроитель церквей, милосерден к убогим, щедр и кроток и исполнен всякого добра и благодати».[1] Не уступал Георгию II Леон III, который «был также боголюбив и преисполнен всякого добра. Он построил церковь в Мокве и превратил его в храм епископства»[351]. При нем построен также замечательный храм в Кумурдо (недалеко от Ахалкалаки).

Об абхазском царе Баграте III летописец говорит, что «великий царь построил Бедийский храм и основал в нем епископат, заменив им Гудаквский епископат»[352].

Характеризуя политику правителей Абхазии в области

[350] Лордкипанидзе М. Д. Указ. соч. – С. 123.

[351] Картлис Цховреба. – С. 270.

[352] Там же.

культуры и церкви М. Д. Лордкипанидзе утверждает, что ими «после приобретения политической независимости (конец VIII в.) долго еще велась борьба за и с к о р е н е н и е (разрядка наша. –**И. А.**) византийской культуры и особенно церковного влияния.[353]

Невозможно не оппонировать автору данного тезиса, тем более что он не подкреплен фактами. Абхазские цари, отчаянно противостоявшие арабам и исламу, укреплявшие позиции восточного христианства, не могли одновременно заниматься «искоренением» влияния византийской культуры и церкви. В условиях наступления ислама абхазским царям не выгодно было предпринимать радикальные шаги, исключавшие Абхазское царство из общевизантийского христианского мира. Ориентация абхазской церкви на северо-запад (в сторону Зихии и Алании), результатом чего стало объединение Абхазской (Сотириупольской) митрополии с Аланской и Зихской уже в XIV в. также не в пользу вышеизложенного тезиса М. Лордкипанидзе. [354]

Византийская христианская культура и церковь оставались глобальными ценностями для кавказских христианских народов.

Сходства между абхазскими и северокавказскими христианскими памятниками, в основе которых византийские образцы, – важный аргумент против подобных тезисов

Необходимо еще раз коснуться вопроса аланского фактора в абхазо-византийских отношениях. В историографии, посвященной христианизации алан, существует две концепции. Согласно первой, христианство бытовало у алан еще до X века, оно стало проникать к ним с VII в. (В. А. Кузнецов)[355]. Согласно второй, официальное крещение алан произошло в X в. при активном участии абхазских царей (Ю. Кулаковский) [356].

---

[353] Картлис Цховреба. – С. 261.

[354] Лордкипанидзе М. Д. Политическое объединение феодальной Грузии (IX–X вв.). Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора ист. наук. – Тб., 1963. – С. 38.

[355] Кузнецов В. А. Христианство у алан до X века //Известия ЮОНИИ. – Вып. XXIII. – Тб., 1978. – С. 25-36.

[356] Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. – С. 31.

Мнение об официальном крещении алан Византией во второе патриаршество Николая Мистика (912–925) при посредничестве Абхазии попытался пересмотреть К. Г. Догузов.[357] Он утверждает, что крещение алан было осуществлено мцхетским католикосатом, мирским союзником которого являлся Георгий II, и что последователи противоположного взгляда упускают из виду обстоятельство вхождения в X в. Абхазского царства в пределы Мцхетского каталикосата, соперничавшего в деле христианизации Кавказа с константинопольским престолом.[358]

Проанализированный выше материал, прежде всего письма патриарха Николая Мистика, адресованные абхазским правителям, убедительная иллюстрация предвзятого отношения К. Г. Догузова, «заложника» грузинской историографии. Им упорно навязывается точка зрения будто в Алании наблюдается распространение элементов церковного зодчества, носящих черты грузинской архитектуры, что прямо противоречит научным работам, базирующимся на исследовании северокавказских археологических материалов. Последние доказывают преимущественное влияние Византии и Абхазского царства в Алании и значительные сходства между памятниками христианского строительства Абхазии и Алании.

Таким образом мы считаем, что нет серьезных аргументов у тех историков, которые пытаются пересмотреть мнение Ю. А. Кулаковского и В. А. Кузнецова в этом вопросе. Следуя рассуждениям В. А. Кузнецова, напомним, что еще задолго до X в. христианство распространилось в Алании из Византии через Абхазию (особенно в западной части Алании, непосредственно примыкавшей к территории Абхазии) и что крещение алан было осуществлено в первой четверти X в. византийской церковью при поддержке абхазского правителя, пользовавшегося здесь большим политическим авторитетом и влиянием.

---

[357] Догузов К. Г. Византийско-аланские отношения (IV–XIII вв.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата ист. наук. – Тб., 1987.

[358] Там же. – С. 107.

Неслучайно, что автор «Летописи Картли», не пропустивший факт столкновения политических и церковных интересов абхазских и армянских царей, почему-то не проявил серьезного интереса к вопросу взаимоотношений абхазской церкви с Мцхетским католикосатом.

Касаясь наблюдаемого в первой половине X в. острого политического и религиозного соперничества между Абхазией и Арменией можно отметить, что оно вписывается в контекст византийских интересов или позиции империи по отношению к Армянскому католикосату. Известно, что политика Византии упиралась в упразднение армянского католикосата, в уничтожении экономической мощи армянской церкви. Более того, Византия всячески стремилась насадить в Армении халкидонистское вероисповедание. Видимо, абхазскому царю было выгодно поддерживать амбиции византийской церкви.

Вот что пишет по этому поводу армянский автор Асохик: «...князь Абхазов (вышедший из земли Сарматов, что по ту сторону гор кавказских, предпринял поход во главе войска в несколько десятков тысяч и шел (на Армению) в надменности своей, подобно Бэлу. Он явился с бесчисленным полчищем на берег Куры с намерением опустошить всю нашу страну. Он отправил посла к армянскому царю (с приказанием) не освящать церкви (по обрядам) православной веры святого Григория, пока не придет он сам и не освятит по постановлению халкидонского собора; (ибо в то время) царь построил соборную церковь в городе Карсе из больших гранитных, статью тесаных камней, (церковь законченную) великолепным куполом, расписанным на подобие небесного свода».[359]

Описанные Асохиком события имели место в период правления Георгия II (916-957) в Абхазии и Абаса (928 – 957) в Армении. Они отражают политическую и церковную активность Абхазского царства в закавказском регионе. Вмешательство во внутренние дела Армении со стороны абхазского царя под предлогом защиты интересов византийской

[359] Всеобщая история Степаноса Таронского Асохика. – С. 117–118.

церкви, его приверженность решениям Халкидонского собора 451 года, готовность навязать свою церковную политику с оружием в руках, а не только в догматических спорах, уверенность в своей несокрушимости – все это позволяет трактовать подобную позицию как действия сильного правителя, не сомневающегося в своем лидерстве в кавказском регионе. Подобные амбиции выглядели реально в условиях, когда Абхазия и Византия пересмотрели свои взаимоотношения и перешли от войны к миру и тесному союзу.

В проблематике абхазо-византийских связей самостоятельное место занимает влияние византийской культуры на культуру Абхазского царства.

Вторая половина VIII – X вв. являются отдельным этапом в истории материальной культуры раннесредневековой Абхазии. Он характеризуется существованием на территории Абхазии многих десятков малоисследованных поселений, крепостей и недостаточно изученных храмов[360]. Такая ситуация делает работу в данном направлении перспективной.

Уже сегодня можно утверждать, что византийское влияние охватывало различные стороны общественной и культурной жизни Абхазии.

Так, давние традиции имелись в процессе заимствования абхазами из Византии в области военного искусства. Еще в VI в. абхазы входили в личную гвардию императора Юстиниана, значительные армейские отряды из абхазов, называвшиеся иногда «союзниками», входили в императорские войска. Именно абхазские отряды под названием «Первое крыло абазгов» составляли особую часть византийской армии.

Такой важный и показательный элемент материальной культуры древности, как вооружение, свидетельствующее о прогрессе общества, также отражает ситуацию реального византийского влияния. В частности, археологические раскопки цебельдинских могильников, проявляющих основные закономерности развития местного вооружения в эпоху великого переселения, показывают, что в своих основных

[360] Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. //Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. – М., 1962. – С. 121.

чертах боевое снаряжение одного из абхазских племен – апсилов тесно смыкается с комплексом вооружения, складывающегося в этот период под непосредственным влиянием римско-византийского культурного мира на огромной территории от Западной Европы до Передней Азии включительно.[361] Вооруженный и внешний облик абхазского войска часто ничем не отличался от византийского.Так, перед вторжением арабов абхазское войско было перевооружено по византийскому обычаю в сплошные латы (в то время как другие кавказские народы носили кольчужные доспехи) и на них «кругом смотрели со страхом и трепетом».[362]

Византийское влияние испытали военно-фортификационные сооружения Абхазии, наиболее значительным памятником из которых является Великая Абхазская стена. Строительство ее, по предположению О. Х. Бгажба, началось при Юстиниане (525 – 565), когда активность византийцев в абхазском регионе была наибольшей. И в последующее время она достраивалась.[363]

Этот же автор, исследуя материальную культуру Абхазии раннего средневековья, отмечает, что в VIII – X вв. происходит обогащение керамического комплекса за счет появления новых типов пифосов, амфор, кухонных горшков; появляется лощеная керамика.

Все это говорит о динамике развития керамического производства, о тесных связях Абхазии с Закавказьем, Северным Кавказом, Крымом и Византией.[364]

Изложенный ниже материал также свидетельствует о том, что проникновение и утверждение христианства и разнообразные контакты с Византией – важные факторы в сложении облика культуры раннесредневековой культуры Абхазии.

---

[361] Георгика . – Т. 1. – Тб., 1962. – С. 171.

[362] Цит. по кн. Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов – С. 403.

[363] Бгажба О. Х. Материальная культура средневековой Абхазии (VI–XIII вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. – М., 1972. – С. 14.

[364] Бгажба О. Х. Материальная культура средневековой Абхазии (VI–XIII вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. – М., 1972. – С. 26.

Начнем с архитектуры, поскольку среди надстроечных явлений общественной жизни именно она наиболее полно отражает экономическую и политическую жизнь. Относительно памятников христианской архитектуры, воздвигнутых в Абхазском царстве в IX–X вв., можно говорить, что они явились доказательством высокого уровня его экономики. К тому же культурные заимствования из Византии особенно сильно затронули архитектуру, представленную рядом выдающихся произведений.

В рассматриваемый период складывается выразительный тип абхазских крестовокупольных трехапсидных (Лоо, Хашупсе, Пицунда, Бзыбь, Лыхны, Симона Канонита, Моква) и одноапсидных (Хоста, монастырь Ковалевское, Анакопия) храмов. Характерной чертой раннесредневековых абхазских храмов являются алтарные апсиды, выступающие в восточной части здания.

Художественно-научная оценка средневековых архитектурных памятников Абхазии, как справедливо отмечает Э. Нойбауэр, необычайно противоречива. «Поверхностные исследования, – пишет она, – приводили к утверждениям, которые после тщательного исследования памятников не могут быть поддержаны».[365]

В грузинской советской историографии исследователи ссылались на византийские формы архитектурных памятников Абхазии, в то же время относили их к грузинской архитектурной школе. Такой подход недооценивает значение византийского влияния и тем более исключает существование собственного характера в абхазской средневековой архитектуре.

О византийской культурной и прочей активности в Абхазии в этот период свидетельствует «антропоидный» тип найденных здесь саркофагов (Сухум, Пицунда, Мрамба, Цебельда).[366]

Несколько слов о мраморном декоре. Известно, что он

---

[365] Neubauer E. Abchasische Architektur im Spannungefeld zwischen Georgien und Byzans. – S. 270.

[366] Хрушкова Л. Г. Раннехристианские саркофаги из Абхазии //ВВ. – Т. 45. – М., 1984. – С. 90.

широко применялся в интерьере храмов стран византийского культурного мира. Для раннего средневековья это в основном изделия проконесских мастерских. Произведения этого типа известны также в Херсонесе и некоторых других центрах Северного Причерноморья, а также в различных пунктах Восточного Причерноморья. Интересно, что мраморные изделия, связанные с византийской строительной деятельностью, встречаются и в северо-западной части Абхазии. Это – две базилики Пицунды IV и VI вв., базилика Цандрипша-Гантиади. Кроме того, привлекают внимание развалины одного из храмов близ реки Кодор, которые до сих пор носят абхазское название – Мармал Абаа (Мраморная крепость). По предположению Л. Г. Хрушковой в древности этот храм имел мраморный декор.[367]

В то же время во внутренних районах Грузии мраморные произведения византийского происхождения очень редки.[368]

Споры вокруг вопроса об архитектурной принадлежности раннесредневековых памятников Абхазии наиболее остро обозначились в свете изучения Драндского храма. Этот храм (с.Дранда, северо-восточнее совр. Сухума) располагался там, где на рубеже горной и прибрежной зон исторической Апсилии, начинался знаменитый в древности Мисимианский путь, связывавший абхазское побережье с Северным Кавказом.

Еще в XIX в. Драндский храм привлек внимание епископа Агафедора, отнесшего его к древнему византийскому типу храмов VI – VIII вв. и считавшего его «одним из представителей византийской архитектуры на Кавказе».[369]

В противоположность ему Л. Д. Рчеулишвили считает, что храм в с. Дранда чужд византийской архитектуре.[370]

---

[367] Хрушкова Л. Г. Мраморные изделия византийского происхождения из восточного Причерноморья //ВВ. – Т. 40. – М., 1976. – С. 134

[368] Там же. – С. 134.

[369] Агафидор. Успенско-Драндский общежительный монастырь в Абхазии. – Ставрополь, 1884. – С. 7.

[370] Рчеулишвили Л. Д. Некоторые аспекты грузинской архитектуры...

М. В. Цинцадзе относит церковь в Дранде к типу грузинского Джвари VI – VIII вв. Хотя вначале он говорил, что Дранда значительно отличается от Джвари и указывал на характерные для византийских памятников возведение стен кирпичом и тесаным камнем при купольном барабане.[371]

Мнение это подвергнуто критике со стороны М. К. Хотелашвили и А. Л. Якобсон, которые считают, что «храм в Дранде резко отличается от грузинской, как и от армянской и албанской архитектуры, строительной техникой. Он почти целиком построен из кирпича, что, как известно, совсем не характерно для зодчества других стран Закавказья».[372] Эти исследователи в результате специального изучения рассматриваемого памятника пришли к выводу, что храм в Дранде не только не чужд византийской архитектуре в широком понимании, но, напротив, близок ей всем своим существом».[373]

Развивая эту позицию, Э. Нойбауэр пишет: «Если сравнить план Дранды с планом Джвари и последующими постройками того же типа, то имеются совершенно поверхностные совпадения».[374] Исследования образцов византийской архитектуры позволяют относить церковь в Дранде к типу построек, получивших особое распространение в Константинополе, в Салониках и в Афинах. Они характеризуются тем, что между крестовыми сводами приведены угловые помещения, которые непосредственно не соединены с центральным помещением и которые дополняют крестовидную форму к прямоугольнику.[375]

В период Абхазского царства были построены такие замечательные памятники архитектуры Абхазии, как Моквский, Псырдзхский, Лыхненский, Бедийский и др. храмы. Моквский храм, представляющий собой пятинефное од-

---

[371] Цинцадзе М. В. Дранда //Дзеглис Мегобари. – Тб., 1979.

[372] Хотелашвили М. К., Якобсон А. Л. Византийский храм в с. Дранда (Абхазия) //ВВ. – Т. 46. – М., 1084. – С. 303.

[373] Там же. – С. 303.

[374] Neubauer E. Abchasische Architektur im Spannungefeld zwischen Georgien und Byzans. – S. 21.

[375] Ibid.

нокупольное сооружение и сложенное из тесаных камней, был построен при Леоне III (957 – 967). По своему облику он сближается с памятниками Киевской Руси, в частности имеет сходство с планом знаменитого Софийского собора в Киеве (построенного значительно позднее – в 1037 г.). Это сходство, по-видимому, объясняется наличием у обоих храмов общих прототипов в византийской архитектуре. Еще Д. Бакрадзе отметил, что церковь в Мокве когда-то была покрыта живописью, написанной византийскими мастерами. Основывался он на сведениях иерусалимского патриарха Досифея, побывавшего в Мокве в 1659 г.и нашедшего здесь в храме надпись следующего содержания: «Расписана при императоре Алексее Комнине и при великом абхазском царе Давиде».[376] (Алексей Комнин правил в Византии между 1080 и 1118 годами, Давид Строитель – в 1089 – 1125 гг.).

З. В. Анчабадзе писал, что «в начальный период существования Абхазского царства в церковном зодчестве на территории собственно Абхазии чувствовалось еще сильное влияние византийских архитектурных канонов и в качестве характерного примера он приводил храм святого Симона Канонита в Новом Афоне, построенный в IX в. или в начале X в.[377]

Э. Нойбауэр высказала предположение, что резкий поворот с середины X века к византийским образцам архитектуры объясняется сопротивлением тогда еще независимого Абхазского царства экспансионистским устремлениям грузинских политических образований.[378]

Анализируя развитие абхазской средневековой архитектуры, Э. Нойбауэр отметила факт творческого перенимания абхазами архитектурных достижений Византии и Грузии. Причем, по справедливому замечанию автора,

[376] Бакрадзе Д. Кавказ в древних памятниках христианства //Записки общества любителей кавказской археологии. – Кн. 1. – Тифлис, 1875.

[377] Анчабадзе З. В. Указ. соч. – С. 152.

[378] Neubauer E. Abchasische Architektur im Spannungefeld zwischen Georgien und Byzans. – S. 21.

степень влияния с их стороны в разные периоды была разной.[379]

В ходе изучения Пицундского храма А.Л. Якобсон пришел к выводу о том, что храм в Пицунде в нынешнем виде является результатом капитальной перестройки более древнего храма, относящегося ко времени не позднее VI в.

Храм в Пицунде и грузинские храмы XI – XII вв. принадлежат к разной архитектуре. «Различие не только в пропорции, – пишет А. Л. Якобсон, – которые у большинства грузинских храмов после Хв. значительно короче, но и многие другие черты ....храма Баграта и Алаверди; совершенно иное понимание архитектурного фасада, столь расчлененного у грузинских храмов и монолитного в Пицунде, где снаружи стены совершенно лишены членений, ливоны и декора, которым насыщены фасады грузинских храмов XI и последующих веков».[380]

В последующий за Абхазским царством период происходят изменения в облике монументальных сооружений Абхазии, главным образом, храмов. Они утрачивают и византийскую гранность апсиды, которая приобретает прямоугольный наружный план в соответствии с традициями восточногрузинской храмовой архитектуры.

Данное обстоятельство Ю. Н. Воронов рассматривает как результат перемещения центра государственности и культуры далеко на восток (из Кутаиси в Тбилиси)[381]. Отражение его видится в абхазской архитектуре XI – XIII вв., когда в Абхазии строится множество небольших зальных церквей и создаются значительные монастырские комплексы.[382]

Изучение памятников скульптуры Абхазии периода с V по X вв. позволило Л. Г. Хрушковой прийти к выводу о том, что

[379] Neubauer E. Abchasische Architektur im Spannungefeld zwischen Georgien und Byzans. – S. 23.

[380] Якобсон А. Я. О дате большого храма в Пицунде //Краткие сообщения института археологии АН СССР. – М., 1979. – С. 44.

[381] Воронов Ю. Н. Указ. соч. – С. 14.

[382] Там же.

они близки к византийским памятникам.[383] К византийским изделиям прикладного искусства близка трактовка цветочного орнамента с его явностью построения на фрагменте алтарной преграды рубежа X–XI вв. из храма в с. Лыхны.

«В грузинской резьбе по камню, – пишет Л. Г. Хрушкова, – орнамент носит другой характер – он плотный, сложный, сочетается с различными плетениями»[384].

Скульптура Абхазии более позднего времени обнаруживает близость с памятниками соседней Грузии, что явилось естественным отражением процессов культурной интеграции в рамках единого Грузинского царства.[385]

Много интересных соображений о влиянии византийской культуры на культуру Абхазии высказал Л. А. Шервашидзе.

Одним из основных выводов его является то, что живопись на территории Абхазии в одних случаях в большей, в других в меньшей мере испытывала иноземное влияние: в одном случае (пицундский мозаичный пол) – эллинизма и раннехристианского искусства, в другом (например, лыхненская роспись) – столичного византийского искусства, в третьем (роспись Пицундской усыпальницы) – искусства Афонской горы.[386]

Примером непосредственного воздействия столичного византийского искусства на абхазские памятники служат великолепные и изысканные по рисунку и колориту росписи Лыхненского храма. Об этом говорят отдельно, иногда очень сильно выраженные, черты, присущие именно византийской столичной школе с его необычно изысканным рисунком и колоритом, с его широкой манерой письма; на константинопольскую школу указывает и иконография отдельных сцен Лыхненской росписи (например, Богослужение в Скинии).[387]

---

[383] Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. V–X века. – Тб., 1980. – С. 96.

[384] Там же.

[385] Там же. – С. 90.

[386] Шервашидзе Л. А. Некоторые средневековые стенные росписи на территории Абхазии. – Тб., 1971. – С. 142.

[387] Шервашидзе Л. А. Некоторые средневековые стенные росписи на территории Абхазии. – Тб., 1971. – С. 142.

В используемой нами литературе полемика сконцентрирована вокруг вопроса о том, чье влияние испытало искусство Абхазии в раннем средневековье. Отсутствие специальных работ, ориентированных на выявление самобытных черт абхазской средневековой архитектуры, скульптуры и живописи не может не отразиться на уровне обоснованности тех или иных выводов.

«Если в восточной, южной и центральной Грузии, – пишет Ш. Я. Амиранишвили, – складываются строительные традиции, тяготеющие к малоазийским, то в Абхазии они больше тяготеют к собственно византийским. Кроме того в грузинской и абхазской традициях наблюдаются и взаимовлияния...»[388].

Что имеется в виду под абхазскими строительными традициями? Л. А. Шервашидзе говорит о существовании местного художественного центра, о необходимости рассматривать восприятие иноземных влияний не как простое копирование чужих образцов, а как процесс творческого их отбора и переработки.[389] Еще раньше (в 50-х годах XX в.) Л. А. Мацулевич высказывал мысль о том, что имеющийся в пицундской мозаике мотив коровы с телком, будучи связан с местными преданиями и в то же время не находя повторения ни в одной из восточных или средиземноморских мозаик, представляет явление местного характера.[390]

Благодаря исследованиям Л. А. Шервашидзе, Л. А. Мацулевича и др. авторов можно сказать, что имеется серьезный научный задел в этом направлении. Определение уровня местной самобытной культуры крайне необходимо для определения степени эффективности византийского влияния. Это обстоятельство находилось в зависимости не только от активности византийского государства и православной

---

[388] Амиранишвили Ш. Я. Вклад Грузии в сокровищницу художественной литературы. – Тб., 1963. – С. 16.

[389] Шервашидзе Л. А. Указ. соч. – С. 142.

[390] Мацулевич Л. А. Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте //ДВИ. – №4. 1956. – С. 147.

церкви, но и от уровня развития дохристианской народной культуры.[391]

В контексте культурно-религиозных связей Византии и Абхазии большую научную значимость представляет византийско-северокавказский формат сотрудничества через Абхазию. В этой области происходило то, что должно было расширить пространство византийской цивилизации. Есть факты, свидетельствующие о том, что культурная экспансия из Византии через Абхазию перешла и границы Древней Руси.

Еще Д. И. Гулиа писал, что «абхазы, как побережные жители, сообщавшиеся со многими заморскими культурными ... главным образом с цивилизованными греками, безусловно, являлись распространителями культуры среди соседних жителей, живших на севере и северо-западе, а так же на востоке от них»[392].

Выше неоднократно отмечалось, что в X в. расширяется территория активности Абхазского царства на севере и северо-западе. Аланы и адыги были связаны политическими, экономическими и культурными отношениями с Абхазией.

Дореволюционный археолог П.С.Уварова указала на параллели, существующие между памятниками христианского строительства Абхазии и Северного Кавказа.[393]

Позже Н. П. Северов пришел к заключению, что ряд храмов Абхазии (например, Лыхненский купольный храм конца X – начала XI в., храм Симона Кананита в Новом Афоне) являются выдающимися представителями целой группы церквей не только Абхазии, но и Северного Кавказа. И в отличие от большинства грузинских храмов, как утверждал этот автор, сооружения этой группы имеют самостоятельное оформление, обычно круглые трехчастные абсиды, выступающие на восток.[394]

В последнее время археологи выявляют новые материа-

[391] Удальцова З. В. Византийская культура. – М., 1988. – С. 279.

[392] Гулиа Д. И. Собрание сочинений. – Т. VI. – Сухуми, 1986. – С. 137.

[393] Уварова П. С. Христианские памятники. МАК. – М., 1894. – С. 16.

[394] Северов Н. П. Памятники грузинского зодчества. – М., 1947. – С. 194.

лы, обнаруживающие близость многих аспектов материальной культуры Абхазии и Алании. Прежде всего это находит отражение в архитектурных памятниках X в.

Так, разные авторы в разное время отмечали большую близость между Северным Зеленчукским храмом и Лыхненским храмом в Абхазии.[395]

Лыхненский (конец X – начало XI вв.) и Северный Зеленчукский храмы сближаются не только самой значительной общностью плана и основных модульных размеров, но и многочисленными совпадениями в деталях. Так, например, и там, и здесь имеются в наличии одинаковые открытые притворы, трехступенчатые цоколи и т.д.[396]

К. Н. Афанасьев, анализировавший Верхнекубанскую группу храмов Северного Кавказа, в результате их сопоставления с группой абхазских памятников архитектуры X в., пришел к выводу, что своеобразная культурная экспансия Абхазского царства преодолела перевалы Кавказа и вышла в верховья Большого Зеленчука. Типологические качества Северного храма Н.Архыза позволили исследователю сопоставить его с храмами Абхазии, такими, как церкови в Лыхны, в Новом Афоне, на реке Бзыбь, в местечке Лоо и храм в Мокве. У всей этой группы храмов подкупольное звено плана точный квадрат; у Северного храма Архыза так же квадрат. В целом проделанная работа позволила К. Н. Афанасьеву утверждать, что Северный храм Н. Архыза принадлежит к группе абхазских памятников архитектуры X в.[397]

Нижнее – архызское городище – вероятный центр Аланской епархии X – XIII вв. Город находился на важной маги-

[395] Мшвениерадзе Д. М. Некоторые вопросы строительного искусства в древней Грузии. – Тб., 1949; Сысоев В. М. Поездка на реки: Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 года. МАК, VII. – М., 1968. – С. 123.

[396] Кузнецов В. А. Северный Зеленчукский храм X века //Советская археология. – М., 1964. – №4. – С. 148.

[397] Афанасьев К. Н. Типологический и пропорциональный анализ Верхнекубанской группы храмов Северного Кавказа // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. – Орджоникидзе,1986. – С. 108.

страли, связывающей Северный Кавказ с Абхазией и через нее с Византией и Средиземноморьем.

Другим храмом той же архитектурной школы является храм в селении Коста-Хетагурово. Он сооружен на скалистом обрыве г. Шоана над долиной реки Кубани, по которой пролегал путь к Клухорскому перевалу, являющемуся другим путем со стороны северных склонов Кавказского хребта в Абхазию.[398]

Важнейшие черты церквей Абхазии (например, крещатая форма столпов) могут быть, как отмечает К. Н. Афанасьев, поставлены во взаимосвязь с такими церквями, как церковь Иоанна Предтечи в Керчи и открытыми акад. Б.А. Рыбаковым фундаментами храма на Тамани (в Тмутаракани?) и храмами Херсонеса №21 и №9.[399]

В Краснодарском крае, на правом берегу р.Уруп находится большое средневековое городище. Имеющаяся там церковь № 31 в плане – четырехугольная, зального типа. Вдоль северной и южной сторон зала выявлена одноступенчатая каменная клада, образующая выступ для сидения. Подобное устройство обнаружено в храме Ачануа в Гудаутском районе Абхазии.

Все названные нами выше памятники Абхазии и Алании носят в себе явные черты византийской архитектурной школы. Одновременно они перекликаются с рядом архитектурных памятников X в. Болгарии и Киевской Руси.

[398] Афанасьев К. Н. Типологический и пропорциональный анализ Верхнекубанской группы храмов Северного Кавказа // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. – Орджоникидзе, 1986. – С. 109.

[399] Там же. – С. 116.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В VIII в. Абхазское царство стало первым самостоятельным государством на средневековом Кавказе. Принятие Леоном II титула «царя» символизировало независимость от Византийской империи. Анализ известий средневековых источников и обширной историографии позволил нам остановиться на узловых вопросах истории Абхазского царства и его взаимоотношений с Византией в VIII – IX вв.

Абхазское царство было обширным государством, население которого было этнически неоднородным. Политические границы его могли меняться в зависимости от политических обстоятельств и в периоды наибольшего усиления политического влияния абхазских царей они могли доходить до р. Кубань (точнее – до р. Укрух; это один из рукавов р.Кубани, которую упоминает Константин Порфирогенет).

Действия абхазского царя Леона II спровоцировали жесткое неприятие со стороны имперских властей. Однако позже необходимость совместной борьбы с арабами, союзничество в решении северокавказских проблем и другие обстоятельства привели к мирному сотрудничеству сторон – Абхазского царства и Византии. В X в. абхазские правители активно поддерживали политику Византии в Алании. Таким образом, они обеспечивали благоприятные условия для успешного осуществления Абхазским царством политики за главенство в Закавказье и недопущения влияния армянских царей на Северном Кавказе.

В политике правителей Абхазского царства особое место заняло восточное направление, то есть борьба за главенство в Восточной Грузии, главным образом в Картли. На этой почве Абхазскому царю пришлось решать сложные вопросы политических взаимоотношений с грузинскими царствами и княжествами – Тао-Кларджети, Кахетии, Эрети, а также с царством армянских Багратидов. Наибольших успехов в этом направлении добились Константин III и Георгий II, чье

правление мы рассматриваем как период наибольшего усиления государства.

В итоге Абхазское царство оказалось в авангарде борьбы за главенство в Закавказье.

С воцарением на абхазском престоле Баграта III завершается один из важных периодов в истории абхазо-византийских отношений. Договор между Давидом Куропалатом и императором Василием II, заключенный в 80-х годах X в. и предусматривавший переход всех владений Давида после его смерти к Византии, был направлен против Абхазского царства. Его осуществление уже в начале XI в. положило начало серии войн между Византией и Абхазским царством. К тому времени для Византии, освободившейся от арабской опасности, страны Закавказья, в том числе и Абхазское царство, потеряли значение союзников и она перешла в наступление.

Раннефеодальное государство Абхазское царство в течение двух столетий проделало значительный шаг по пути дальнейшей феодализации. Экономически окрепшее феодальное сословие в значительной части своей составляло центробежную силу, применяло разные методы борьбы для ослабления центральной власти в лице абхазского царского двора в Кутаисе.

В период за VIII и X вв. в разные моменты в истории Абхазии важную роль играли военно-политические союзы, как например, Византия – Абхазия – Хазария или Византия – Абхазия – Алания.

Особыми были контакты с Византией в культурной и церковной сферах. Даже самые враждебные отношения на отдельных этапах не смогли разрушить силу общевизантийского цивилизационного влияния на Кавказе, в том числе и в Абхазском царстве, долгое время лидировавшем в кавказском регионе.

«Диван абхазских царей» в интерпретации разных авторов

Генеалогия абхазских Леонидов	«Диван»	Вахушти – Броссе	Е. Такаишвили	З. В. Анчабадзе	С. Туманов
Леон I	–	735–786	–	–	736–766/7
Леон II	45 лет	786–806	746–791	–	766/7–810/11
Феодосий II	27 лет	806–845	791–818	умер в 835 г.	810/11–836/7
Дмитрий II	36 лет (у Досифея–26)	–	818–854	825–861	836/7–871/2
Георгий I	7 лет (у Досифея опущен)	845–877 (у Броссе – 845–875)	854–861	861–868	871/2–877/8
Иоанн	–	877–879 (у Броссе – 875–879)	–	868–конец 80-х годов	877/8–879
Адарнасе	–	879–887	–		879–887
Баграт I	12 лет	887–906	861–873	с конца 80-х годов до 893 г.	887–899
Константин III	39 лет	906–921	873–912	893–929	899–915/6
Георгий II	45 лет	921–955	912–957	929–957	915/6–959/60
Леон III	10 лет	955–957	957–967	957–967	959/60–968/9
Дмитрий III	8 лет	957–975	967–975	967–975	968/9–975/6
Феодосий III	3 года	975–985	975–978	975–978	975/6–978
Баграт III	36 лет (у Досифея опущен)	985–1014	978–1014	978–1014	978–1014

ИСТОЧНИКИ:

1. Агафий. О царствовании Юстиниана. Перевод, статья и примечания Левченко М.В. – М. – Л.: АН СССР,1963.

2. Армянские источники об Абхазии и абхазах. Материалы собрал и перевел с древнеармянского Абгарян Г. В. – Ереван, 1967 (рукопись хранилась в архиве Абхазского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа).

3. Баладзори. Книга завоевания стран. Перевод Жузе П. К. //Материалы по истории Азербайджана. Вып.11. – Баку: Изд. Общества обследования и изучения Азербайджана, 1927.

4. Genessi Josephusregum Libri/Rec. Lesmueller-Werner A. et Thurn H/Berolinienovi Eborechi. De Gruyter, 1878.-XXIX,143// Corpusfontium historae Byzantinise provehendie destinetae ed.,Vol.14.Ser. Berolintnsis. – Indices. – P. 92-142 (текст на немецком, греческом и латинском языках), 1878.

5. Всеобщая история Вардана Великого. Пер. Эмина Н. – М.: изд. Лазаревского ин-та вост. яз., 1864.

6. Всеобщая история Степаноса Таронского Асохика. Пер. Эмина Н. – М.: изд. Лазаревск. ин-та вост. яз.,1864.

7. «Георгика». Сведения византийских писателей о Грузии. Под ред. Каухчишвили С. Г. –Т.IV. – Ч.II. – Тб., 1952.

8. Герберштейн С. Записки о московитских делах. – СПб.: изд. А. С. Суворина, 1908.

9. Грузинские документы IX–XV вв. Перевод и комментарий Какабадзе С. С. – М.: Наука, 1982.

10. Грузинские источники по истории Византии. Составил Каухчишвили С. Г. – Тб., Мецниереба, 1974.

11. Джуаншер. Жизнь Вахтанга Горгасала //Картлис Цховреба. Грузинский текст подготовил к изданию по всем рукописям Каухчишвили С. Г. – Тб.: Госиздат, 1965.

12. Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала. Перевод, издание и примечания Цулая Г. В. – Тб.: Мецниереба, 1986.

13. Драсханакертци Иованес. История Армении. Перевод

с древнеармянского, вступительная статья и комментарий Вербинян-Меликян М.О. – Ереван: Советокаг грох, 1986.

14. Иоанн де Галопафонтибус. Сведения о народах Кавказа. – Баку: Элм, 1980.

15. Константин Багрянородный. «О фемах» и «О народах». Перевод Ласкина Г. – М.: изд. Московского ун-та, 1899.

16. Constantine Porphyrogenitue /Du administrando imperio /Greek text ed. by Gy. Moravcaik. – Budapest, 1949.

17. Constantint Porphyrogenitus /De cerimonie aulee Bysentinee. /Greece et latine E.Recensione J.C. JAC Re iskil// Corpus scriptcrum historiae Byzantinee. Vcl. VIII, Editic anastatica. – Bonne.

18. Леонти Мровели. Жизнь картлийских царей //Картлис Цховреба. – Тб.: Госиздат, 1955. – Т.1.

19. Летопись Картли. Перевод, введение и комментарий Цулая Г. В. – Тб.: Мецниереба, 1982.

20. Матиане Картлиса //Картлис Цховреба. – Тб.: Госиздат. – Т.1.

21. Матиане Картлиса. Перевод, введение и примечания Лордкипанидзе М. Д. – Тб.: Мецниереба,1976.

22. Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк. Перевод с древнеармянского и комментарий Смбатян Ш. В. – Ереван: изд. АН Армянской ССР, 1984.

23. Nicholas 1 Patriarch of Constantinopole. Letters/Greek text and English transl.bu R.J.H.Jenkins, L.C.Westerink.– Weshington/ Dumbaron Cahe Texts/ – 1973,11/ 1981. IV.

24. Пейсонель. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 гг. //Материалы для истории черкесского народа. – Краснодар: Изд. Общества изучения Адыгейской автономной области, 1927. – Вып.2.

25. Прокопий Кесарийский. Война с готами. – М.: АН СССР, 1950.

26. Прокопий. О постройках. Перевод Кондратьева С.П. // Вестник древней истории. – М.: Наука, 1939. – №4. – С. 203–283.

27. Путешествие Гюльденштедта по Грузии. Немецкий

текст с грузинским переводом издал и исследовал Гелашвили Г. – Т.1. – Тб.: Мецниереба, 1962.

28. Путешествие турецкого туриста по восточному берегу Черного моря //Записки имп. Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1875.

29. Описание перкопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де – Люка, монаха доминиканского ордена //Записки имп. Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1879. – Т. XI.

30. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – В. XXXI. – Тифлис: Изд. Упр. Кавказского учеб. окр., 1902.

31.Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – В. XXXI. - Тифлис: Изд. упр. Кавказского учеб. окр.,1908.

32. Theophanes Continuatus. Ed/I/Bekker/– Bonnee. 1838/–686 p.

33. Theophanie Chronographia \Rec. C. de Boor, I–II.–Lipsiae, 1883–1885 (Heldeahum,1963)/.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абуладзе И. А. Труды. – Т.I. – Тб.: Мецниереба, 1975.
2. Абуладзе И. А. Труды. – Т.II. – Тб.: Мецниереба, 1976.
3. Аджинджал Е. К. К вопросу о проникновении христианства в Абхазию //Труды Абх. гос. музея. – Вып.55. – Сухуми: Алашара, 1980.
4. Аджинджал Е. К. Об одном аспекте ранневизантийской дипломатии на Кавказе // Вестник древней истории, 1967. – №3.
5. Адзинба И. Е. Архитектурные памятники Абхазии. – Сухуми: Абгиз, 1958.
6. Амиранишвили Ш. Я. История грузинского искусства. – М.: Искусство, 1960. – Т.I.
7. Амиранишвили Ш. Я. История грузинской монументальной живописи. – Т.I. – Тб.: Сахелгами, 1967.
8. Амичба Г. А. Политическое положение раннесредневековой Абхазии (VI–X вв.). – Сухуми: Алашара, 1983.

9. Амичба Г. А. Средневековые грузинские нарративные источники об Абхазском царстве и Абхазском княжестве: Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Тб., 1969.
10. Амичба Г. А. Папуашвили Т. Г. Из истории совместной борьбы грузин и абхазов против иноземных завоевателей (VI–VIII вв.). – Тб.: Мецниереба, 1985.
11. Античные, византийские и местные традиции в странах Восточного Причерноморья. Всесоюзная научная конференция, май, 1975. Тезисы докладов. – Тб.: Изд. Тбилисского университета, 1975.
12. Анчабадзе З. В. Вопросы истории Абхазии в книге П. Ингороква «Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века» //Труды АбНИИЯЛИ им. Д.И.Гулиа АН ГССР. – Сухуми, 1964.
13. Анчабадзе З. В. Вопросы истории Абхазии в трудах акад. Джанашиа С.Н. //Труды АбНИИЯЛИ им. Д.И. Гулиа АН ГССР. – Сухуми, 1954.
14. Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). – Сухуми: Абгосиздат, 1959.
15. Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории абхазского народа. – Сухуми: Алашара, 1976.
16. Артамонов М. И. История хазар. – Л.: Изд. Государственного Эрмитажа, 1962.
17. Арутюнова В. А. Типик Григория Пакуриани и некоторые вопросы истории Византии. Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Ереван, 1968.
18. Афанасьев К. Н. Типологический и пропорциональный анализ верхнекубанской группы храмов Северного Кавказа //Новые материалы по археологии Центрального Кавказа в древности и средневековье. – Орджоникидзе: Сов. Осет. НИИ истории, филологии и экономики, 1986.
19. Ашхацава С. М. Пути развития абхазской истории. – Сухуми: Изд. Наркомпроса Абхазии, 1925.
20. Бадридзе Ш. А. О времени и условиях образования Абхазского царства //Труды ТГУ. – Тб.: Изд. Тбилисского университета, 1972. – Вып. 4 (143).

21. Бадридзе Ш.А. Таоиское царство и наследство Давида Куропалата. Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора ист. наук. – Тб.: Изд. Тбилисского ун-та, 1975.

22. Бадридзе Д. Кавказ в древних памятниках христианства //Записки общества любителей кавказской археологии. – Тифлис, 1875. – Кн.1.

23. Банк А. В. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. – М. – Л.: Сов. художник, 1978.

24. Банк А. В. К проблеме «Константинополь и национальные школы» в малых формах искусства (связи с Грузией). – Тб.: АН Груз. ССР, 1977.

25. Банк А. В. Некоторые памятники скульптуры и их связи с искусством Закавказья. – Ереван: АН Арм. ССР, 1978.

26. Бартольд В. В. Абхазы // Сочинения. – М.: изд. Восточной литературы, 1963. – Т. II.

27. Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н. История изучения археологии Абхазии (до 1975 г.). – Тб.: Мецниереба, 1982.

28. Бгажба О. Х. Материальная культура средневековой Абхазии (VI–XIII вв.). Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Тб.: 1972.

29. Бгажба Х. С. Из истории письменности Абхазии //Труды АбНИИЯЛИ им. Д.И. Гулиа АН ГССР. – Т. XXX.

30. Бгажба Х. С. Некоторые вопросы этнонимики Абхазии //Труды АбНИИЯЛИ им. Д. И. Гулиа АН ГССР. – Т. XXVII.

31. Бердзенишвили Н. А. Везират в феодальной Грузии // Известия ИЯИМК. – Т. X, 1941.

32. Бибиков М. В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) //Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1980. – М.: Наука, 1981.

33. Богверадзе Л. А. Из истории раннефеодальных общественных отношений в Картли. – Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Тб.: Изд. Тбилисского ун.та. 1962.

34. Бокучава Г. К. Нумизматические приобретения Абхазского госмузея за 1967 год //Труды Абхазского госмузея. – Т. III. – Сухуми: Алашара, 1968.

35. Бриллиантов А. О месте кончины и погребения св. Максима Исповедника //Христианский Восток.–Вып. 1. Т. VI. Пг, 1917.

36. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983.

37. Brosse M. Addition et eclerisstment a l'histoire de le Georgie. – Peterbourg, 1851. – 203 p.

38. Брун Ф. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии южной России. – Одесса: Изд. Г. Ульриха, 1880. – Ч. II.

39. Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. – СПб.: Изд. И. Н. Скороходова, 1900.

40. Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. – СПб.: Изд. И. Н. Скороходова, 1902.

41. Васильевский В. Г. Труды. – Т. I. – СПб. АН, 1908.

42. Вахушти. История Грузии //Картлис Цховреба. – Т. IV. – Тб.: Сабчото Сакартвело, 1973.

43. Византиноведение в Советской Грузии //Византийский временник. – 1968. –Т. IV.

44. Византийский сборник. Под ред. Левченко М. В. – М.: Изд. АН СССР, 1945.

45. Византийские очерки. Труды советских ученых к XIV конгрессу византинистов. – М.: Наука, 1971.

46. Виноградов В. Г., Мамаев Х. М. К изучению византийско-северокавказских связей (по археологическим материалам Терско-Сулакского междуречья) //Византийский временник. – 1983. – Т. 44.

47. Вопросы истории феодальной Грузии. Сб. ст. – Тб.: Мецниереба, 1986.

48. Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. – Сухуми: Алашара,1969.

49. Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. – М.: Искусство, 1978.

50. Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. //Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. Советско-венгерский сборник. – М.: Наука, 1982.

51. Воронов Ю. Н. Восточное Причерноморье в железном веке. Вопросы археологии и интерпретации памятников в VIII в. до н.э. –VIII в. н.э. Автореферат дисс. на соискание ученой степени доктора ист. наук. – М., 1984.

52. Воронов Ю. Н, Из истории византийско-аланских связей VI-VII вв. //Конференция по археологии Северного Кавказа. XII Крупновские чтения. – М.: Ин-т археологии АН СССР, 1982.

53. Воронов Ю. Н. Материальная культура Абхазии в 1 тысячелетии н.э. //Краткие сообщения института археологии АН СССР. – №159. – М.: Наука, 1979.

54. Всеобщая история архитектуры. – Т.3. – М.: Изд. Акад. Архитектуры СССР, 1966.

55. Габриелян Р. А. Армяно-аланские отношения в древности и средние века. Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Ереван, 1984.

56. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа. IV–X вв. – Л.: Изд. ЛГУ, 1979.

57. Голенко К. В. Клад византийских монет VII в., найденный близ Анапы // Византийский временник. – Т.XXIV. – М., 1964.

58. Голенко К. В. Монеты из раскопок Анакопийской крепости в 1957–1958 гг. //Византийский временник. – Т. XXIV. – М., 1964.

59. Горянов Б. Г. Византия и хазары //Исторические записки. – №15. – М., 1945.

60. Грен А. Династия Багратидов в Армении /Журнал Министерства нар. просвещ. – №11. – М., 1893.

61. Грузинская советская историография. – Тб.: Мецниереба, 1964.

62. Грузинские источники по истории Византии. Сост. Каухчишвили С. Г. – Тб.: Мецниереба, 1974.

63. Гулиа Д. И. История Абхазии //Собрание сочинений. – Сухуми, 1986.

64. Гунба М. М. Ередвская надпись о походе царя абхазов Константина в Эрети //Материалы по археологии и искусству Абхазии. – Сухуми: Алашара, 1974.

65. К вопросу о времени возникновения Абхазского царства //Труды АбНИИЯЛИ им. Д.И.Гулиа Ан ГССР. – Т. II. Сухуми, 1973.

66. Гунба М. М. Кумурдойская надпись и один вопрос из истории Абхазии //Алашара. – №10. – Сухуми, 1968.

67. Гунба М. М. Западная Грузия и Византия. Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Тб., 1963.

68. Гунба М. М. Очерки истории Абхазии (I – X вв.). – Сухуми: Алашара, 1982.

69. Dvornik Fr. Lea legendes de Constantin et de methode mes de Byzance / –Prague. 1933.– 443 p.

70. Дворник Фр. Миссии греческой и западной церкви на Востоке в средние века //XIII Международный конгресс исторических наук, Москва,16-23 августа 1970 года. –М.: Наука, 1970.

71. Джавахишвили И. А. Древнегрузинская историческая литература (V–XVIII вв.). – Кн. 1. -- Тб.: АН Груз. ССР, 1945.

72. Джавахишвили И. А. История грузинского народа. – Тб.: Изд.Тбилисского ун-та, 1949. – Т.II.

73. Джанашиа С. Н. Труды. – Т. 1 – Тб.: АН Груз. ССР, 1949.

74. Джанашиа С. Н. Из истории Абхазского царства // Труды. – Т. II. – Тб.: АН Груз. ССР, 1952.

75. Джанашиа С. Н. О времени и условиях образования Абхазского царства //Труды. – Тб.: АН Груз. ССР, 1952. – Т. II.

76. Дзидзария Г. А. Из истории мореходства в Абхазии // Труды Сухумского пединститута. – Т. XII. – Сухуми, 1969.

77. Диль Ш. История византийской империи. – М.: Изд. иностранной лит-ры, 1948.

78. Догузов К. Г. Византийско-аланские отношения (VI–XII вв.). Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Тб., 1967.

79. Дьячков-Тарасов А. Н. Гагры и их окрестности //Записки кавказского отделения имп. Русского географического общества. – Т. XXIV. – В. I. –Тифлис, 1903.

80. Дьячков – Тарасов А. Н. Неизвестный древний путь из Хорезма в Византию через Кавказ //Новый Восток. – М.: изд. Научной ассоциации востоковедов СССР. 1930. Кн. 28.

81. Зетейшвили С. Г. Сведения об аланах в «хронографии» Феофана //Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. – М.: Наука, 1976.
82. Иерусалимская А. А. «Великий шелковый путь» и Северный Кавказ. – Л., 1972.
83. Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми, Алашара, 1965.
84. Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов. – Сухуми: Алашара, 1976.
85. Инал-ипа Ш. Д. О мореплавании в Абхазии в античный период и феодальную эпоху //Труды АбНИИЯЛИ им. Д. И. Гулиа АН Груз. ССР. – Т. XXX. – Сухуми, 1969.
86. Ингороква П. Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века. Очерки по истории литературы, культуры и государственной жизни древней Грузии. Сабчота мцерали, 1954.
87. Исканян В. Взаимоотношения Византии и Армении в IX–X вв. Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Ереван.: АН Арм. ССР, 1950.
88. История Византии. Под ред. акад. Сказкина С.Д. –М.: Наука. 1967. – Т. II.
89. История Грузии с древнейших времен. Под ред. Бердзенишвили Н. А. – Тб.: Мецниереба, 1956.
90. Итоги и задачи изучения древнейших государств нашей страны //История СССР. – М.: Наука, 1974.
91. Кавказ и Византия. – Вып.3. – Ереван, 1962.
92. Каждан А. П. Деревня и город в Византии IX – X вв. Очерки по истории византийского феодализма. – М.: Изд. Акад. наук СССР, 1960.
93. Canard M.L'aventure caucasienne de spathaire Leon le futur empereur Leon III//Revue des etudes armeniennes/ Nouvelle serier. Paris.– T. VIII/.– 1971/.– P353-357.
94. Кация А. К. Памятники архитектуры в долине Цкуара //Материалы по археологии Абхазии. – Тб.: Мецниереба, 1967.
95. Кекелидзе К. Труды. – Т. I. – Тб.: Мецниереба, 1956.
96. Кекелидзе К. Социально –политическое и культурное состояние Грузии в эпоху Руставели //Шота Руставели и его время. Сб. ст. – М.: Политиздат, 1939.

97. Кекелидзе К. Грузинская литература ранней феодальной эпохи. – Тб.: АН Груз. ССР, 1936.
98. Кекелидзе К. История древнегрузинской литературы в 2-х томах. – Тб.: Мецниереба, 1980.
99. Кобахия Б. С., Хрушкова Л. Г., Шамба С. М. Новая раннехристианская церковь на городище Гюнос //Вестник древней истории. – М., 1987.
100. Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. Века и народы. – М.: Наука, 1984.
101. Kolautz A. Fbasgen-Abasgia \\Reellexikon der Byzantinistik. Amsterdam/– 1969. – Reihe A/. – Bd/.1/. – Hf/2 /– 30 s.
102. Кондаков Н. П. Древняя архитектура Грузии. – М.: Изд. Синода, 1879.
103. Копалиани В. У. Грузино-византийские политические взаимоотношения в 970–1070 гг. – Тб.: Изд. ТГУ,1969.
104. Копалиани В. У. Политические взаимоотношения Византии и Грузии в 70-е годы X в. 20-е годы XI в. Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора ист. наук. – Тб.: Изд. Тбилисского ун-та, 1971.
105. Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. – Сухуми, 1992.
106. Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. – Киев: Изд. Имп. ун-та св. Владимира, 1899.
107. Кулаковский Ю. Где был построен императором Юстинианом храм для Абазгов? //Археологические известия и заметки, издав. Имп. Московским археологическим обществом. – М.: 1897.
108. Курбатов Т. Л. История Византии (Историография). – Л.: Изд. Ленинградского ун-та, 1975.
109. Кузнецов В. А. Алания и Византия //Археология и традиционная этнография Северной Осетии. – Орджоникидзе: Ир, 1985.
110. Кузнецов В. А. Алания в X–XIII вв. – Орджоникидзе: Ир, 1971.
111. Кузнецов В. А. О чем рассказывают археологические памятники Северной Осетии. – Орджоникидзе: Ир, 1968

112. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. – Орджоникидзе: Изд. Ир, 1984.
113. Северный Зеленчукский храм X века //Советская археология, 1964. – №4.
114. Кузнецов В. А. Христианство у алан до X века //Известия Юго-Осетинского НИИ. – Вып. XXIII. – Тб.: Мецниереба, 1978.
115. Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978.
116. Лавров Л. И. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа // Сборник статей по истории Кабарды. – Нальчик, 1954.
117. Ласкин Г. А. Ираклий. Византийское государство в первой половине седьмого века. – Харьков: изд. Губ. правл., 1889.
118. Латышев В. В. К истории христианства на Кавказе. Греческие надписи из Ново-Афонского монастыря //Сборник археологических статей. – СПб., 1911.
119. Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. – М.: Изд. АН СССР. 1956.
120. Леонид А. Абхазия и ее христианские древности с картой абхазского приморского берега в пользу миссионерской абхазской школы. Изд. 2-е. – М.: Изд. И. Ефимова, 1887.
121. Леквинадзе В. А. Вислая печать Константина Абхазского //Сообщения АН ГССР. – Тб., 1965.
122. Леквинадзе В. А. О древней базилике в Питиунте и ее мозаике //Вестник древней истории. – 1970.
123. Липшиц Е. Э. Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII–IX вв. //Вестник древней истории. – 1939.
124. Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры. VIII – первая половина IX в. – М.-Л.: АН СССР, Ленинградское отделение, 1961.
125. Литаврин Г. Г. Как жили византийцы. – М.: Наука, 1974.
126. Ложкин М. И. Новые памятники средневековой архитектуры в Краснодарском крае //Советская археология, 1973.

127. Ломоури Н. Ю. К истории взаимоотношений Западной Грузии и Византии в VIII–IX вв. //Седьмая Всесоюзная конференция византинистов. Тезисы докладов. – Тб.: АН ГССР, 1965.
128. Ломоури Н. Ю. К истории восстания Варды Склира // Труды ТГУ, – Т.67. – Тб.: Изд. Тбилисского ун-та, 1967.
129. Ломтатидзе К. В. О некоторых вопросах этнической принадлежности и расселения абхазов//Мнатоби. – Тб., 1956. – №12.
130. Лордкипанидзе М. Д. Грузинская историческая литература раннефеодальной эпохи. – Тб.: Сабчото Сакартвело, 1966.
131. Лордкипанидзе М. Д. Из истории борьбы за политическое объединение Грузии //Материалы по истории Грузии и Кавказа. – Тб.: АН Груз. ССР, 1954.
132. Лордкипанидзе М. Д. Из истории грузино-византийских отношений на грани X–XI вв. //Вопросы истории феодальной Грузии. – Тб., 1972. – Т. II.
133. Лордкипанидзе М. Д. Из истории византийско-грузинских взаимоотношений (70-е годы XI в.) //Византийский временник. – Т. 40.
134. Лордкипанидзе М. Д. Политическое объединение феодальной Грузии (IX – X вв.). – Тб.: Изд. АН Груз. ССР, 1963.
135. Лурье Я. С. О так называемой «презумпции невиновности» источников //Источниковедческие разыскания. – Тб.: АН Груз. ССР, 1965.
136. Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. – М.-Л.: АН СССР, 1938.
137. Материалы по археологии Абхазии. – Тб.: Мецниереба, 1967.
138. Медведев И. П. Империя и суверенитет в средние века (на примере истории Византии и некоторых сопредельных стран) //Проблемы истории международных отношений. Сб. ст., посвященный памяти Тарле Е. В. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972.
139. Меликишвили Г. А. Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии. – Тб.: Мецниереба, 1973.

140. Меликсет-Беков М. М. Введение в историю государственных образований Юго-Кавказа. – Тифлис: Госиздат ССР Грузии, 1924.

141. Меликсет-Беков М. М. Древнейшая Пицунда у Понта Евксинского. – Одесса: Изд. Е. Хрисогелоса, 1914.

142. Меписашвили Р. Ередвский архитектурный памятник 906 года «Грузинское искусство» //Труды института истории грузинского искусства. – Тб.: АН Груз. ССР, 1955. – Т. IV.

143. Мшвениерадзе Д. М. Некоторые вопросы строительного искусства в древней Грузии. – Тб.: Государственное техническое издательство Груз. ССР «Техника да шроми», 1949.

144. Миллер В. Осетинские этюды. – М.: Изд. Имп. Московского ун-та, 1987. – Т.3.

145. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. – М.: Изд. вост. лит., 1963.

146. Мкртумян Г. Г. Грузинское феодальное княжество Кахетии в VIII–XI вв. и его взаимоотношения с Арменией. – Ереван, АН Арм. ССР, 1963.

147. Новосельцев А. П. Некоторые вопросы историографии древней и раннесредневековой истории народов Закавказья //История СССР. – 1974. – №1.

148. Новосельцев А. П. Восток в борьбе за религиозное влияние на Руси //Введение христианства на Руси. – М.: Мысль, 1987.

149. Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья (опыт сравнительно-исторического исследования). – М.: Наука, 1980.

150. Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Прибалтика). – М.: Наука, 1972.

151. Neubauer E/ Abchasische Architektur im Spannungefeld zwischen Georgien und Byzanz (6 bis 11 Jahrhundert)// Bezantinischer Kunstexport: seine gesellschaftiche und kunstlerische Bedeutung fur die Lander MitteL-und Osteuropas/– Halle, 1978. – 309 s.

152. Obolensky D/ The principles and metods of Byzantins Diplomacy// Actes du 11-e Congres intern.d'etudes byzantines.

Ochride,10–12 Septembre 1961. – T.1. – Beograd, 1963. – p. 1– 61

153. Очерки истории Абхазской АССР. – Сухуми: Алашара, 1960.

154. Очерки истории Адыгеи. – Майкоп: Адыг. книж. изд., 1957. –Т. I.

155. Очерки истории Грузии. – Тб.: Сабчото Сакартвело, 1973. – Т.II.

156. Очерки истории Карачаево-Черкессии. – Ставрополь: Кн. изд., 1967. – Т. I.

157. Очерки по истории Византии. Под ред. Бенешевича В. – Вып. III, СПб.: Изд. СПб., 1913.

158. Очерки истории СССР. III–IX вв. – М.: АН СССР, 1958.

159. Пачулиа В. П. Абхазия: Историко-культурный очерк. – Сухуми: Алашара, 1976.

160. Пачулиа В. П. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. – М.: Наука, 1968.

161. Пачулиа В. П. По историческим местам Абхазии. – Сухуми: Абхазское гос. изд., 1956.

162. Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком //Византийский временник – М.: Наука, 1947.

163. Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Межвузовский сборник /редколлегия: Курбатов Г. Л. и др./. – Л.: Наука, 1984.

164. Рчеулишвили Л. Д. Некоторые аспекты грузинской архитектуры Черноморского побережья //Средневековое искусство. Русь – Грузия. – М., 1978.

165. Северов Н. Г. Памятники грузинского зодчества. – М.: 1947.

166. Советская историческая энциклопедия. – Т. I. – М.: Изд. сов. энциклопедия, 1961.

167. Стражев В. И. Руинная Абхазия. – Сухуми: Изд. Абх. науч. общества, 1925.

168. Такаишвили Е. «Дзвели Сакартвело». – Т. II. –Тб.: Изд. упр. Кавказск. уч. окр., 1911.

169. Такаишвили Е. Избранные труды. – Т. I. – Тб.: Мецниереба, 1968.

170. Тарнава М. И. Краткий очерк истории Абхазской

церкви. – Сухуми: Изд. Бзыбского комитета общества распространения просвещения среди абхазцев, 1917.

171. Тер-Гевондян А. Н. Армения и Арабский халифат. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1977.

172. Тогошвили Г. Д. Византия и Алания //Известия АН ГССР. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. – Тб., 1978.

173. Трапш М. М. Труды. – Т. IV. – Сухуми,1975.

174. Toumanoff C /Chronology of king of Abasgia and other problems//Museon. Paris. – 1956. – N69. – P. 73-90/.

175. Уварова П. С. Христианские памятники Кавказа //Материалы по археологии Кавказа. – Т. IV. – М., 1894.

176. Удальцова З. В. Византийская культура. – М., 1988.

177. Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. – М.: Наука, 1969.

178. Успенский К. Н. Очерки по истории Византии. – Ч.1. – М.: Изд. Моск. высш. женск. курсов, 1917.

179. Успенско-Драндский общежительный монастырь в Абхазии на Кавказе, близ Сухуми. Историко-археологическое описание епископа Агафидора. – Ставрополь: Изд. М .Т. Тимофеева, 1894.

180. Хонелия Р. А. Политические взаимоотношения Абхазского царства и царства армянских Багратидов. Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Ереван, 1967.

181. Хотелашвили М. К., Якобсон А. Л. Византийский храм в с. Дранда (Абхазия) //Византийский временник. – Т.45. – М., 1984.

182. Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV века. Под ред. М. Н. Тихомирова. – М.: Соцэкгиз, 1960.

183. Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. V – X века. – Тб.: Мецниереба, 1980.

184. Хрушкова Л. Г. Три церкви в горной Абхазии (раскопки 1977 – 1979 гг.) // Византийский временник. – Т.43. – М.: Наука, 1982.

185. Хрушкова Л. Г. Цандрипш. Материалы по раннехристианскому строительству в Абхазии. – Сухуми, 1985.

186. Цинцадзе В. Дранда //Дзеглис Мегобери. – Тб., 1979.

187. Цинцадзе М. В. Из истории грузино – дагестанских взаимоотношений. – Тб.: АН Груз. ССР, 1982.

188. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – М.: Наука,1989.

189. Чубинашвили Г. Н. Памятники типа Джвари. – Тб.: АН Груз. ССР, 1948.

190. Шамба Г. К. Аханчараху – древний могильник нагорной Абхазии. – Сухуми, Алашара, 1970.

191. Шамба С. М. О чем говорят монеты. – Сухуми, Алашара, 1982.

192. Шервашидзе Л. А. Некоторые средневековые стенные росписи на территории Абхазии. – Тб.: Хеловнеба, 1971.

193. Шервашидзе Л. А. Средневековая монументальная живопись в Абхазии. – Тб.: Мецниереба, 1980.

194. Шмерлинг Р. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. – Тб.: Изд. АН ГССР, 1962.

195. Хрушкова Л. Г. Раннехристианские саркофаги из Абхазии //Византийский временник. – Т.45, 1984.

196. Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии (с древнейших времен до крестьянской реформы 1870 года). – Сухуми. Изд. Абгиза, 1934. – Ч. I.

197. Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа. – Т.I. –Сухуми: Абгиз, 1937.

198. Юзбашян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византии IX–XI вв. – М.: Наука, 1988.

199. Якобсон А. Л. О дате большого храма в Пицунде //Краткие сообщения института археологии АН СССР. – Тб.: Наука, 1972. – Т.132. – Москва,1988.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3
Введение 5
ГЛАВА I. Источники и историография 13
ГЛАВА II. Образование Абхазского царства 45
§1. Социально-экономическое развитие Абхазии в раннем средневековье. 45
§2. Политическое положение Абхазии в VIII в. От княжества к царству 55
§3. Образование Абхазского царства 68
§4. Границы Абхазского царства, политический статус и титулование его правителей 87
ГЛАВА III. Абхазское царство и Византия в IX–X вв. 101
§1. Византия и Абхазское царство в первой половине IX в. Начало борьбы за Картли 101
§2. Леониды в период расцвета Абхазского царства (конец IX – первая половина X вв.). 112
ГЛАВА IV. Культурные и церковные связи Абхазского царства и Византии 143
Заключение 167
Источники 170
Литература 172

Ирина Шотовна Агрба

Абхазское царство и Византия (VIII – X вв.)

(На обложке Моквский храм X в.)

Редактор ***А.Р. Ирзаханова***
Технический редактор ***А.Ш. Беренджи***
Компьютерная верстка ***А.Ш. Беренджи***

Формат 60x84 1/16. Физ. печ. лист 12.
Тираж 500.

Отпечатано ф. «Алашарбага»
г. Сухум, ул. Университетская, 1